

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2009

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*),
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*),
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**,
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**,
кандидат исторических наук, доцент **С. С. Садина**,
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00

E-mail:

vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,

Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2009

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2009

Подписные индексы

Почта России 60320

Пресса России 41533

Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrarv.ru, www.ivanovo.ac.ru

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ПН № ФС 77-21093*)

2009

Quarterly

№ 4

Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. Valery S. Memetov, Dr. Sc. History

Editorial Board:

Prof. Sergey Usmanov, Dr. Sc. History (*Deputy Editor-in-Chief*),
Alexander Kalinin, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. Vladimir Komissarov, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. Svetlana Sadina, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. Nikolay Yurkin, Cand. Sc. History (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin,*
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2009
© Ivanovo State University, 2009

Subscription indexes

The Post of RF 60320

Press of RF 41533

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakina**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzhenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Возилев В. В.* Исторические истоки интеллигенции как исследовательская проблема 7

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Портер Т.* Земство в позднеимперской России: социальные и политические изменения на селе (Перевод *И. С. Шудровой*) 18
- Кныш Г. Н.* Российский монархизм и студенчество Украины в период революции 1905—1907 гг. 32

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Костякова Ю. Б.* Особенности формирования управленческой интеллигенции Хакасии в контексте политики коренизации 42
- Величко С. А.* Интеллигенция Сибири в годы перестройки (1985—1991) 52
- Аврус А. И.* Светоч образования, науки и культуры на Юго-Востоке Европейской части России (К 100-летию Саратовского государственного университета) 70

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Матвеев Г. А.* Памяти Владимира Тихоновича Ермакова (К 85-летию со дня рождения) 95

ДЕБЮТ

- Мельникова А. С.* Идеино-теоретические основы партийной программы народных социалистов 109
- Аннотации 120
- Содержание журнала за 2008—2009 гг. 126
- Информация для авторов 132
-

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Vozilov V. V.* Historic sources of intelligentsia as a research problem 7

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Porter T.* Zemstvo in post-imperial Russia: social and political changes in the village (Translation by *I. S. Shudrova*) 18
- Knish G. N.* Russian monarchism and students of Ukraine during the revolutions of 1905—1907 32

THE ROLE OF INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Kostyakova Y. B.* Peculiarities of formation of governmental intelligentsia of Khakasia in the context of indigenization policy 42
- Velichko S. A.* Intelligentsia of Siberia in the years of reorganization (1985—1991) 52
- Avrus A. I.* The light of education, science and culture in the South-East European part of Russia (To the 100th anniversary of Saratov state university) 70

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Matveev G. A.* In memory of Vladimir Tihonovich Ermakov (To the 85th anniversary) 95

DEBUT

- Melnikova A. S.* Ideological-theoretical basics of the Party's program of the national socialists 109
- Summaries 120
- Contents of the journal in 2008—2009 126
- Information for authors 132
-

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.0-283.2

В. В. Возилов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

В научной литературе и публицистике встречается мысль о том, что интеллигенция является чисто русским феноменом и рассуждать об иных интеллигенциях можно лишь с большими оговорками. Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой интеллигенты есть и в других национальных культурах. В начале XX века П. Н. Милюков писал: «...интеллигенция вовсе не есть явление специфически русское. Ведь и в других странах интеллигенция, как отдельная общественная группа, возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда»¹.

Подобный подход не вызывает возражений: интеллигенция как общеисторическое явление существует у всех народов. Пер-

---

© Возилов В. В., 2009

Возилов Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, директор Шуйского историко-художественного и мемориального музея им. М. В. Фрунзе, депутат Думы городского округа Шуя 4-го созыва, председатель Шуйского краеведческого общества. vozilov@list.ru.

выми это поняли русские интеллигенты-западники, которые не чувствовали оторванности и отличия от европейских интеллектуалов, поскольку свои мировоззренческие искания рассматривали как часть большой западноевропейской интеллектуальной истории. Вслед за русскими мыслителями наличие интеллигенции в иных этносах признали и западные исследователи. «В каждом обществе, — писал К. Манхейм, — есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира. Мы называем эти группы “интеллигенцией”»².

Вопросу о наличии интеллигенции в Древнем мире и Античности в исторической науке уделяется мало внимания. Основные исследования генезиса интеллигенции посвящены лишь российской интеллигенции, начало которой обнаруживается в Киевской Руси³. Зарубежные исследователи не уделяют проблеме интеллигенции особого внимания, за исключением сложившегося в XX веке направления, занимающегося вопросами «интеллектуальной истории». В отечественных сочинениях по зарубежной истории слово «интеллигенция» нередко используется для обозначения отдельных субъектов духовной деятельности, а известные выражения «египетская», «античная», «римская» интеллигенция употребляются для описания узких групп работников умственного труда. Но чем шире становятся представления исследователей о сущности и составе интеллигенции, тем к более ранним временам относят появление интеллигентов.

В научной литературе представлены различные точки зрения по вопросу возникновения европейской интеллигенции. По мнению П. Лафарга, европейская интеллигенция возникла в середине XIX века⁴. Однако в предисловии к «Истории XIX века» русский исследователь А. К. Дживелегов указал на участие интеллигенции во Французской революции XVIII века⁵. В книге «История масонства», составленной на основе вышедшего в 1914—1915 годах 2-томного издания «Масонство в его прошлом и настоящем» (под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова), есть раздел «Утопическая интеллигенция XVII в.»⁶. В 1883 году в статье «Взгляд на прошлое и настоящее русского социализма» П. Л. Лавров, характеризуя Новое время, писал об интеллигенции

как союзнице буржуазии против феодальных рентьеров и коронной администрации⁷.

На этом поиск истоков интеллигенции не остановился. Уже упомянутый А. К. Дживелегов в работе «Очерки итальянского Возрождения» писал об интеллигенции эпохи Возрождения: «Интеллигенция была явлением совершенно новым. Этого вида общественного служения не знали Средние века»⁸. Эта точка зрения совпадает с мнением К. Каутского, который относил появление интеллигенции к периоду Просвещения и отмечал ее буржуазный характер⁹. Подобная позиция представлена и в новейших исследованиях, где гуманисты рассматриваются как прослойка светской возрожденческой интеллигенции¹⁰. Отметим, что вопреки приведенному мнению А. К. Дживелегова, в научных текстах иногда встречаются характеристики средневековых теологов как интеллигентов¹¹. Противоречия во мнениях по вопросу времени возникновения интеллигенции дают возможность продолжить поиск ее истоков.

Одним из первых об интеллигенции Древнего мира начал размышлять А. И. Стронин в работе «Политика как наука» (1872 г.). Анализируя социальную стратификацию общества, он отмечал, что класс интеллигенции не имеет никакого сомкнутого положения в обществе, он не ограничен никаким общественным кругом, из которого было бы невозможно выйти: Эзоп был раб, Гораций — отпущенник, тогда как ни один эвпатрид или патриций не был возможен между рабами¹². Отечественные авторы и в дальнейшем обращались к вопросу об интеллигенции Древнего мира и Античности. В начале XX века А. А. Блок использовал понятие «римская интеллигенция», относя к ней Цицерона¹³. Наиболее широко суть и задачи интеллигенции понимал Р. Ю. Виппер. По его мнению, интеллигенты являются истинными основателями и руководителями грандиозного общественного целого, интеллигенции принадлежит заслуга в создании систем воззрений и религий, она же систематизирует народное искусство¹⁴. Позже проблема исторического генезиса интеллигенции получила отражение в специальных словарях и энциклопедиях¹⁵.

Постепенно в специальных работах начал ставиться вопрос о ранних исторических формах интеллигенции¹⁶. В. И. Кузищин в целом положительно отвечает на вопрос, существовала ли интел-

лигенция в античном обществе. По его мнению, интеллигенция является перводвигателем исторического процесса, поскольку выполняет основной объем интеллектуальной работы в любом обществе. Как особый социальный слой интеллигенция появилась, считает Кузищин, лишь в эллинистических государствах, где она уже не совпадала ни с сословием жрецов, ни с государственными служащими, ни с аристократией. Наконец, процесс формирования интеллигенции активизировался в эпоху Римской империи, что обуславливалось возросшей потребностью громадного государства в исполнителях умственной работы, с которой могла справиться лишь профессионально подготовленная, многочисленная интеллектуальная элита¹⁷. Приведенная точка зрения интересна тем, что интеллигенция рассматривается как влиятельный социальный слой Античности, однако, ограничение времени ее появления отдельными государствами и выведение ее за рамки словесной структуры явно суживает само понятие «интеллигенция».

Характеризуя интеллигенцию древних обществ, современные исследователи пытаются найти особые присущие ей свойства¹⁸. Однако следует отметить, что особый стиль жизни не делает человека интеллигентом, а узкий круг римской духовной элиты (Цицерон, Плиний Младший и их окружение) далеко не охватывает всех интеллигентов империи¹⁹. Нет достаточных оснований для исключения из числа интеллигенции писцов и жрецов, политиков и военачальников. Все эти люди по роду своей деятельности, уровню образованности благодаря книгам или жизненному опыту, по характеру задач, которые они были призваны решать, являлись интеллигентами. Принадлежность к интеллигенции Цезаря и Августа, братьев Гракхов, Суллы и Помпея определяется работой на особом общественном поприще, где они сознательно и целенаправленно участвуют в организации государственного управления, военного дела, хозяйственно-технологического строительства²⁰.

Поиски древнейшей интеллигенции не ограничиваются античным миром. «Первые признаки интеллигенции, — пишет В. Н. Самченко, — мы встречаем в древних государствах, основанных на азиатском способе производства. Но там господствует еще глубокий синкретизм в сфере умственного труда. Духовное производство либо составляет сторону административно-

управленческой деятельности и служения культу, либо находится в их непосредственном подчинении»²¹. Это позволяет обнаружить интеллигенцию в древневосточном и античном обществах. И не только в «духовном производстве», но и в управленческо-административной деятельности, которая является важнейшей стороной общественного производства в любую историческую эпоху. Без этой деятельности ранние общества (и государства) не могли бы ни возникнуть, ни развиваться, ни существовать. Именно в области управленческой деятельности и появляются люди, которых сегодня мы называем интеллигентами: фараоны и верховные жрецы, тираны и стратеги и т. п.

В специальной литературе зарождение узкого слоя духовной элиты связывается прежде всего с развитием письменности и литературы: «...слово “писец” в египетском языке означало не только профессионального писаря или переписчика, но и вообще имело значение “грамотный” или “образованный” человек. Данные памятников свидетельствуют о том, что писцы (некто вроде древнейшей “интеллигенции”) вербовались из всех классов населения (преимущественно из правящих слоев) и занимали самые разнообразные ступени в общественной иерархии, от лиц, очень близких к трону, вплоть до самых скромных чиновников и писарей... И в этой многочисленной чиновной массе всегда были люди одаренные и любознательные, которых не могла удовлетворить серая рутинная чиновничья обязанность, которые стремились к знанию и творческой работе. Вот они-то и становились писателями и учеными, непосредственными создателями египетской культуры и литературы»²². Некоторые исследователи склонны усматривать интеллигентскую деятельность в литературе и искусстве, забывая при этом о решающей роли интеллигентов в организации экономической жизни и государственной деятельности.

В современной исторической науке точка зрения о наличии интеллигенции в древних обществах получает все большее признание. Это обстоятельство побуждает исследователей задумываться над истоками интеллигенции, над вопросами, когда и при каких условиях появляются первые интеллигенты, какие функции они выполняют. Современные историки процесс возникновения интеллигенции связывают с переходом от «предцивилизационных» ступеней развития к цивилизации. Уже при переходе от ди-

кости к варварству появляется различие между тремя видами управленческой деятельности и тремя типами интеллигентов: религиозно-идеологическое управление (жрецы), военно-административное (вожди), хозяйственное управление (глава общины, глава семьи).

Роль интеллигентов-управляющих возрастает в предгосударственный период, или так называемый период военной демократии, когда складываются военно-территориальные сообщества, возникают укрепленные военные пункты, происходят заметные демографические изменения, начинается активная военная экспансия. Анализируя этот период, историки первобытного общества пишут: «Развитию духовной культуры в рассматриваемую эпоху способствовало вычленение из недифференцированной трудовой деятельности умственного труда. Начало этому было положено выделением организаторско-управленческой, жреческой и полководческой деятельности, занятие которой в процессе усложнения хозяйственной и общественной жизни стало сперва частично, а затем и полностью освобождать от непосредственного участия в производстве»²³. Иными словами, этот процесс можно назвать отделением управленческого труда от физического. Этому предшествуют разделение труда, профессионализация, появление новых видов деятельности, отсутствовавших в условиях дикости и варварства (ремесло, торговля, воинская служба).

Общественное разделение труда постепенно привело к усложнению взаимосвязей между социальными группами и поставило перед обществом задачу выработки способов управления большими массами людей, которая решалась в процессе создания органов социально-политического управления. В Советской исторической энциклопедии предпосылкой появления интеллигенции «в ее первичных формах» считается отделение умственного труда от физического, когда возникает «общественный слой» (численно незначительный), освобожденный от физического труда и исполнявший такие функции, как «руководство всякого рода работами, государственное управление, судопроизводство», занимавшийся науками, литературой, искусством и т. д.²⁴ Идея связи процесса разделения труда и возникновения интеллигенции получила большое развитие в отечественном обществознании²⁵.

Роль древнейших интеллигентов становится особенно заметной в процессе перехода от варварства к цивилизации, что обусловлено возникновением городов как центров управления большими территориями, государства и законов, постоянного войска и т. д. Исследователи, признающие наличие интеллигенции в первобытном обществе, традиционно включают в ее состав колдунов, знахарей, певцов, сказителей, танцоров²⁶. Обычно первыми интеллигентами называют жрецов-магов, поскольку именно они в силу особого характера их умственной деятельности были заинтересованы в монопольном владении информацией, позволявшей воздействовать на сверхъестественные силы. Однако состав «первобытной интеллигенции» не может быть ограничен жрецами. Полководческое искусство также является важным видом интеллигентской деятельности. К ней же можно отнести и руководство хозяйственной деятельностью, которое осуществлялось главой семьи, а также отдельными производителями конкретных работ (старшинами). Таким образом, в первобытном обществе существовали три типа интеллигентов — жрецы, вожди, старшины, управлявшие основными видами общественного труда.

В результате расширения хозяйственной и административно-управленческой сфер деятельности индивиды-интеллигенты, выполняющие однородные духовно-идеологические и организаторские функции, постепенно выделяются в относительно самостоятельную социальную группу, которую на современном научном языке с полным основанием можно назвать интеллигенцией. Переход от варварства к цивилизации привел к заметному увеличению роли образованных людей, обладавших разного рода знаниями, способностью творчески решать многочисленные задачи, встававшие перед обществом.

Наиболее ярко участие интеллигенции в генезисе и эволюции общественных отношений проявляется в сфере публичной власти. Политическое управление возникает в первобытнообщинном строе. Иногда эту форму управления называют «догосударственной формой политической власти». Исходя из известной периодизации древнейшей истории на этапы дикости, варварства и перехода к цивилизации, можно различить основные ступени становления политического управления. При переходе от дикости к варварству появляется управление процессами возникающего

производящего хозяйства, в том числе и военно-административное управление. В предгосударственный период, или так называемый период военной демократии, складываются военно-территориальные сообщества. Около пяти тысяч лет назад появляются первые цивилизации, т. е. городские культуры в форме городов-государств (полисов). Цивилизационный этап развития культуры был бы невозможен без целенаправленной деятельности особой группы людей, получивших в научном языке название интеллигенции. Таким образом, если первые интеллигенты (жрецы, военные вожди, руководители хозяйственной деятельности) появляются на ранних этапах первобытного общества, то интеллигенция в целом как социальная группа формируется в условиях цивилизации, государственно организованной жизни.

Интеллигенция по отношению к обществу является его частью и может рассматриваться как относительно самостоятельная система внутри большого и сложного общественного организма. Строгая социальная стратификация складывается уже в древних обществах. Для них характерны сословная и кастовая системы общественного деления. Понятие «сословие» наиболее полно характеризует социальную систему феодального общества, хотя его применение вполне пригодно и для азиатских государств, и для античного общества. Например, структура древнего Израильского царства включала четыре сословия: светскую знать, духовную знать, «народ земли», чужестранцев (первоначально они относились к «народу земли», затем стали особым сословием с разделением на несколько категорий). Однако уже в этом делении можно увидеть некоторые особенности, например среди духовной знати выделяется каста жрецов-левитов, а среди «народа земли» — рабы.

Кастовое деление предполагает наличие эндогамных групп людей, имеющих морфологически общего предка и ограниченных в общении друг с другом; для него абсолютен принцип наследования и отсутствия социальной мобильности. В процессе исторического развития касты могут складываться из сословий (варны в Индии), профессиональных групп (самураи в Японии), религиозных организаций (жрецы в Египте). Наиболее яркий пример жесткой системы кастового деления представляет общественное устройство Индии. Оно изложено в десятой части «Ригведы»: брахманы (жрецы), кшатрии (военачальники и знать), вайшьи (торгов-

цы, ремесленники и земледельцы), шудры (рабы и слуги); люди ниже четвертой варны считались «неприкасаемыми».

Анализ социальной структуры древних обществ свидетельствует о том, что для них характерно сословное деление. Например, рабов можно рассматривать как отдельное сословие, а касты — как один из вариантов исторической эволюции сословий. Большая часть мировой (прежде всего, европейской) истории может быть представлена как развитие сословной структуры общества. В основании деления общества на сословия лежали экономические и институциональные особенности: первые были связаны с вопросом владения собственностью, вторые — с проблемой общественного разделения труда. В каждом обществе существует деление на несколько основных сословий. В Древнем мире это нобилитет, духовенство (жрецы), общинники или свободные арендаторы, рабы и др. Определенные особенности общественного развития могли приводить к тому, что сословия превращались в замкнутые социальные образования (касты), доступ в которые из других сословий был закрыт.

Интеллигенция — неотъемлемая часть любого общества, развивающаяся вместе с обществом и состоящая из людей, профессионально занимающихся регулированием поведения людей в системе общественного производства. Интеллигенция существует во все времена, на протяжении всей истории человечества, следовательно, можно говорить об интеллигенции Древнего мира и Античности. Периодизация истории интеллигенции — особый вопрос, который требует отдельного исследования. Для его изучения необходимо установить основные социальные группы, которые можно во все исторические периоды отнести к интеллигенции. Исторически к интеллигенции принадлежат почти все представители ряда сословий: земельной аристократии, буржуазии, купечества. Также к ней принадлежат представители отдельных каст, например брахманы.

Возникновение государства и формирование народностей способствуют существенному увеличению влияния интеллигенции в обществе, что обусловлено необходимостью организации жизни и управления большими массами людей. В результате изменяется социально-экономическое положение интеллигенции народностей, ее язык и групповая психология. Складывание на-

ций изменяет не только количественный состав интеллигенции, но и приводит к ее качественным изменениям. Интеллигенция способствует созданию устойчивых экономических связей, развитию национального языка, формированию национальной идеологии.

Поиски истоков интеллигенции закономерно приводят к тому, что они обнаруживаются в Древнем мире. Интеллигенция, являясь важнейшей частью общественного организма, развивается вместе с обществом, а с развитием общественного производства и усложнением стоящих перед ним задач увеличиваются задачи, стоящие перед интеллигенцией.

Примечания

- ¹ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России : сб. ст. 1909—1910. М., 1991. С. 297.
- ² Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 15.
- ³ Данилов А. А., Меметов В. С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997 ; Ключевский В. О. Мысли об интеллигенции // Слово. 1993. № 5—6 ; Смоляков Л. Я. Советская интеллигенция. Киев, 1986. Иногда истоки отечественной интеллигенции обнаруживаются и в другие периоды русской истории (см.: Кабанов А. Е. Исторические корни отечественной интеллигенции в эпоху русского Предвозрождения конца XIV—XV веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2001).
- ⁴ Лафарг П. Социализм и интеллигенция : пер. с фр. СПб., 1906. С. 23.
- ⁵ См.: История XIX века (Западная Европа и внеевропейские государства) / под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1905. Т. 1. С. XVIII.
- ⁶ История масонства. Смоленск, 2002.
- ⁷ См.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 290.
- ⁸ Дживелегов А. Очерки итальянского Возрождения. М., 1929. С. 13.
- ⁹ Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории. Пг., 1918. С. 12—13, 14, 17, 63, 113.
- ¹⁰ Петров М. Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982 ; Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978 ; Брагин Л. М. Гуманистическая мысль Италии XV века // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985. С. 7 ; Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. 2-е изд. СПб., 1991. С. 121.

- ¹¹ Манхейм К. Проблема интеллигенции : исследование ее роли в прошлом и настоящем. М., 1993. С. 38, 42, 46.
- ¹² См.: Русская философия и социология права. Ростов н/Д ; Краснодар, 2004. С. 50—51.
- ¹³ Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Л., 1982. Т. 4. С. 276—277.
- ¹⁴ Виннер Р. Ю. Две интеллигенции. 1900—1912. М., 1912 ; *Он же*. Судьбы религии : сб. ст. Берлин, 1921 ; *Он же*. Круговорот истории : сб. ст. Берлин, 1923.
- ¹⁵ Малая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 3. Стб. 475—476 ; Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Стб. 111.
- ¹⁶ См., напр.: Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983 ; Интеллигенция древняя и новая : материалы дискуссии за «круглым столом» в Институте востоковедения АН СССР // Народы Азии и Африки. 1990. № 2/3 ; История Древнего Рима / под ред. В. И. Кузищина. М., 1993. С. 275.
- ¹⁷ Кузищин В. И. Существовала ли интеллигенция в античном обществе? // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы : тез. докл. X междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 1999.
- ¹⁸ Карасева А. В. Римская интеллигенция: проблема дефиниции и сущности // Проблемы отечественной и зарубежной истории : тез. докл. регион. науч. конф. Иваново, 1998.
- ¹⁹ «В Италию, — писал Т. Моммзен, — шел непрерывный приток греческих философов, риториков, поэтов, учителей. Они занимали в Риме уже довольно видное положение и становились почти необходимыми членами всякого интеллигентного кружка» (*Моммзен Т. История Рима*. СПб., 1993. С. 179).
- ²⁰ См. об этом: Возилов В. В., Назаров Ю. Н. Философия интеллигенции: разум как революционная сила истории. Иваново, 2002. С. 218—219.
- ²¹ Самченко В. Н. Интеллигенция: понятие и судьба // Интеллигенция в советском обществе : межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 1993. С. 8.
- ²² Коростовцев М. Древнеегипетская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 30—31.
- ²³ Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990. С. 315—316.
- ²⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 6. Стб. 111.
- ²⁵ Барулин В. С. Социальная жизнь общества: вопросы методологии. М., 1987. С. 121.
- ²⁶ Алексеев В. П., Першиц А. И. Указ. соч. С. 316 ; Советская историческая энциклопедия. Т. 6. Стб. 111.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)-334

Т. Портер

ЗЕМСТВО В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕЛЕ

Полное и окончательное поражение, которое российские силы потерпели в ходе Крымской войны, привело к тому, что новый царь, Александр II, признал необходимость широкомасштабной и фундаментальной реформы российского общества, в которой земство должно было играть важную роль. Императорский указ от 25 марта 1859 года поднял вопрос о том, насколько процесс освобождения крепостных должен оказывать влияние на сельское самоуправление. В окончательном варианте указ был обнародован в 1861 году. Конечным результатом стало издание статута от 1 января 1864 года, по которому на уездном и губернском уровнях создавались земства. Этот новый институт местного самоуправления основывался на избирательном праве местных жителей, включая недавно освобожденных крепостных. Другим важным аспектом «великих реформ» была судебная реформа 1864 года, по которой для всех подсудимых устанавливалось равное отношение.

© Портер Т., 2009

© Шудрова И. С., перевод на русский язык, 2009

Портер Томас — профессор Сельскохозяйственного технического университета, Северная Каролина, США. portert@ncat.edu

Dr. Thomas Earl Porter — Associate Professor of Russian and Modern European History Department of History North Carolina Agricultural and Technical State University, Greensboro, NC 27411.

Вместе эти две реформы явились частью политики, направленной на то, чтобы превратить бывших крепостных в полноправных граждан. Дворянство ранее выступало в качестве виртуальных наместников царя на селе и тем самым имело полный юридический и политический контроль над расходами, связанными с содержанием крестьян. Намерение превратить крепостных в «свободных сельских жителей» сделало необходимым создание юридической и управленческой структур, поскольку помещики были отстранены от своей привычной роли посредника между правительством и крестьянскими массами. Земство учреждалось для того, чтобы заполнить этот административный пробел. Царское правительство надеялось, что ему удастся создать единый, комплексный и иерархичный бюрократический аппарат, позволяющий провести децентрализацию отдельных государственных функций, над которыми бюрократия сохранит полный контроль и надзор. Земства были призваны вести определенный ограниченный круг дел; при этом, конечно, не подразумевалось осуществление независимой деятельности органами местного самоуправления.

Многие земские активисты (земцы), тем не менее, требовали не только передачи им реальных руководящих полномочий, но также и отмены запрета на побочные контакты между губернскими или окружными земствами, который содержался в статье 3 Положения о земстве. Они также начали долгосрочную кампанию по расширению границ земства вплоть до местного уровня (так называемые «малые земства»), в условиях которого крестьяне все еще жили по привычным законам. Земцы надеялись превратить земство в школу для получения гражданского образования изолированным и узким слоем крестьянства. Земство тем самым должно было явиться движущей силой социальных и политических изменений, что способствовало бы сужению существующего разрыва между образованной и привилегированной элитой России и крестьянскими массами.

Столкновение идей стало основой для зарождения конфликта между представителями бюрократии (в частности, Министерством внутренних дел) и земскими депутатами. Преданные своему делу прогрессивные дворяне доминировали над земскими собраниями. Собрания созывались дважды в год на несколько недель и

утверждали план выполнения программ для обеспечения работы важных отраслей на местном уровне, таких как здравоохранение, образование, общественное благосостояние и экономическое развитие. Вне сессий исполнительные комитеты руководили выполнением этих задач и осуществляли управление многими специалистами узкого профиля (докторами, учителями, статистиками, агрономами, ветеринарами и т. д.), которые нанимались для ведения земских дел. Все эти депутаты и специалисты видели себя в качестве государственных служащих и активно сопротивлялись усилиям правительства по превращению их в бюрократических марионеток¹. Они верили, что земство должно быть независимым институтом, стоящим отдельно от государственного аппарата.

Самым важным результатом внедрения института земства был, тем не менее, факт введения принципа выборности. Все мужчины старше 25 лет, владеющие 1) частной собственностью на селе, 2) частной собственностью в городе или 3) наделом земли (землей, взятой у дворян во время освобождения крепостных и переданной крестьянским поселениям для предотвращения закабаления крестьянства), имели возможность голосовать по одной из трех курий. Те немногие крестьяне, кто владел частной собственностью на селе, были допущены к голосованию в первой курии наравне с дворянами. Все крестьяне, делегированные в земство, заседали наравне со своими бывшими хозяевами и совещались с ними по бесчисленному количеству вопросов, которые вставали перед сельской Россией. Это обеспечило в дальнейшем юридическую поддержку для нового статуса крестьян в обществе. Россия, казалось, начала развитие от общества, основанного на приказах, где положение человека определялось исходя из его происхождения, к государству, состоящему из социоэкономических классов, где все граждане равны перед законом. Конечно, выборы в земство не были равными. Количество депутатов, имеющих дворянское происхождение, в двадцать раз превышало их долю в общем количестве местного населения. Частично это объяснялось обеспокоенностью режима — дворянству компенсировали потерю власти на селе, но также отражало простую реальность: крестьяне не могли позволить себе ездить в округ или губернский центр два или три раза в год на несколько недель. Нужно помнить и о том, что данный статут был обнародован до вы-

хода в свет второго реформенного законопроекта от 1867 года (для сравнения: даже в Англии на тот момент только 20 % мужчин обладали правом голоса).

Большинство дворян, тем не менее, абсолютно безразлично относились к проблемам местного самоуправления и мало интересовались работой в земстве. Те, кто энергично взялись за дело, считали, что интересы местного сообщества должны отделяться от важных политических и административных интересов государства. В течение следующей четверти века земцы пытались оказывать давление на режим для расширения сферы компетенции земства и энергично искали пути ограничения патерналистской власти царского режима на селе. В действительности, земцы надеялись преобразовать земства в законные, автономные органы местного самоуправления. Но правительство хотело обеспечить сохранение контроля над земствами и пыталось все больше интегрировать их в структуру бюрократического аппарата. В 1866 году запрет на побочные контакты земств был вновь подтвержден². Статья 16 данного закона запрещала обсуждение государственных политических вопросов и вновь провозглашала незаконность любых предложений земств по осуществлению контактов друг с другом. Другое постановление, обнародованное 13 июня 1867 года, возлагало ответственность за поведение и деятельность депутатов на председателей земских собраний. В действительности, этот закон был призван превратить преданных государственных служащих в представителей государства и тем самым реализовать долгосрочную цель бюрократии по подтверждению своего присутствия на местном уровне³.

Только после убийства царя-освободителя Александра II и восшествия на престол в 1881 году его глубоко консервативно настроенного сына, Александра III, устойчивый социальный и политический прогресс России, начатый эрой Великих реформ, был практически заморожен. Александр III считал идеи независимости земства неосуществимой фантазией. Он санкционировал подготовку второго статута о земстве. Императорским указом от 12 июня 1890 года было инициировано осуществление соответствующих мер. В этом указе отмечалась необходимость издания второго статута, чтобы земство «в должном единстве с другими правительственными институтами могло с большим успехом

осуществлять важные дела, возложенные на него государством»⁴. Данная формулировка статута недвусмысленно отражала сферу компетенции земства. Снова статья 3 ограничивала деятельность земства границами округа или губернии. Кандидатуры всех членов исполнительных советов как на окружном, так и на губернском уровне должны были утверждаться чиновниками: все члены земских управ и земские начальники — губернатором, губернские земские начальники — лично министром внутренних дел⁵.

Гораздо более волнующим был тот факт, что статут 1890 года упразднил «внеклассовый» характер земства и сократил принцип выборности, затронув интересы крестьян. Отныне крестьяне могли голосовать за депутатов окружных земств (из которых затем депутаты избирались для служения в губернском земстве) по третьей, уже официально «крестьянской» курии. Теперь не делалось никакой разницы в зависимости от вида собственности. Эти делегаты тщательно отбирались чиновниками Министерства внутренних дел, и только ограниченному числу тех, кто считался «надежным», позволялось занять места. Издание нового статута стало сознательным шагом по превращению дворянства в оплот режима и приостановке социально-политической эволюции России. «Контрреформы» направлялись на подавление растущего гражданского сознания в среде образованной части российского общества. Новый дух гражданской инициативы не мог быть подавлен и стал, по сути, определяющим фактором при решении многочисленных проблем, одолевающих Россию. Это ясно проявилось во время голода 1891—1892 годов. Режиму пришлось обратиться к земству, когда масштаб катастрофы стал очевиден. Ввиду нехватки как кадров, так и инфраструктуры для оказания помощи голодающим власти пришлось полагаться на земство, которое стало играть основную роль в продовольственной кампании⁶.

Наследник трона, Николай, был поставлен во главе Особого комитета по борьбе с голодом. Он действовал как посредник между правительством и земствами наряду с многочисленными частными благотворительными организациями, созданными для борьбы с кризисом. Образованной части российского общества казалось, что монархия оказывала поддержку инициативам либералов. Таким образом, когда Николай вззошел на трон в 1894 году после смерти своего отца, многие земства направили монарху

петиции с просьбой о предоставлении большей степени автономии и возможности участия в общественной жизни. Историк Б. Веселовский, специалист по данному вопросу, писал, что «это были первые признаки возрождения земства после десятилетия его подавления»⁷. Николай II, тем не менее, дал категорический отказ этим просьбам, назвав их «бессмысленными мечтами», и пообещал продолжить политику своего отца «твердо и решительно»⁸. К сожалению, он сдержал свое обещание. На протяжении следующего десятилетия земцы были вынуждены встречаться тайно и незаметно как преступники, планирующие ограбление банка. Они искали возможность убедить режим в том, что в его же интересах дать разрешение на развитие сильной системы местного самоуправления. Это способствовало бы развитию общественной жизни и в конечном итоге привело бы к созданию такого типа гражданского общества, какое существовало на Западе. Только в таком случае, по мнению земцев, Россия смогла бы ответить на многочисленные экономические и социальные вызовы, возникающие в процессе индустриализации.

Сложно переоценить важность потери этой возможности для социального и политического развития России, явившейся результатом консервативной политики последних двух царей. Период подавления и контрреформы времен Александра III (1881—1894) и упрямая приверженность политике отца со стороны Николая II в течение первых десяти лет правления вместе составили практически четверть века ошибочных усилий по модернизации России при одновременных попытках по сохранению феодального социального и политического устройства в нетронутом виде. Гнет неосуществленных реформ продолжал волновать общество, пока Россия не взорвалась в 1905 году. Таким образом, деятельность земцев фактически превращалась в подпольную всякий раз, когда они изъявляли желание собраться для обсуждения планов по будущему развитию земства. Несколько известных земцев сформировали свой собственный частный клуб (под названием «Беседа»), который собирался два или три раза в год. Представляя 21 из 34 земств, они вновь выступали за учреждение «малых» земств, за возвращение к процедурам голосования, отражающим интересы всех классов, за увеличение финансирования, выделяемого на образование крестьян, за право формировать

межрегиональный союз земств. Другими словами, они выступали за возвращение к первоначальным намерениям Великих реформ царя-освободителя для того, чтобы превратить крестьян в свободных жителей. Без сомнения, режим не был заинтересован в их прогрессивных идеях. Когда XIX век подходил к концу, в Москве даже было разогнано собрание земцев, которые просто хотели поместить именную дощечку на памятник Александру II.

Тот факт, что режим считал земство угрозой своему господству, стал ясен из известной записки министра финансов Витте «Самодержавие и земство». В ней отмечалось, что основная роль земства — обеспечивать «неизменную поддержку режиму и быть абсолютно надежным инструментом в управлении и полностью согласовываться с правительством»⁹. Далее он писал, что «невозможно допустить любое дальнейшее расширение деятельности земства, необходимо провести ясную разделительную линию и нельзя допускать, чтобы оно ни при каких обстоятельствах не пересекало эту линию»¹⁰. Несмотря на это, когда в 1904 году разразилась война с Японией, режим вновь был вынужден предпринять де-факто усилия по объединению с земством, чтобы надлежащим образом оказывать помощь больным и раненым солдатам царской армии. Общеземская организация, созданная для распространения информации о запрете на совместную работу земств, составила основной план соответствующих операций в Москве и затем передала его четырнадцати участвующим губернским земствам для того, чтобы они ратифицировали необходимые законодательные акты и оказывали помощь «самостоятельно»¹¹.

Министр внутренних дел Плеве считал, что эта организация — нечто большее, чем тайный заговор против монархии. Для своих ставленников он издал указ, по которому они должны были препятствовать любым дальнейшим собраниям, которые планировались без предварительного письменного разрешения¹².

Общество было потрясено, когда его хорошо проработанным усилиям вновь противостояла бюрократия. Павел Милюков, известный лидер либералов, рассказывал о том, как слышал однажды жалобу военного офицера: «Разве не каждая добровольная акция обречена? Разве остается простор для осознанного патриотизма? Разве Плеве не пресекает и не осуждает как преступную каждую робкую попытку собраний по вопросам самоуправления

объединиться для помощи больным и раненым?»¹³ Князь Георгий Львов, глава этой организации и будущий министр-президент Временного правительства вплоть до крушения монархии, был вынужден лично явиться к царю с тем, чтобы получить разрешение для земцев на дальнейшее продвижение их планов.

В ходе конфликта с Японией Общеземская организация оказала помощь в лечении 50 385 солдат. Помимо этого они помогли еще 25 698 легко раненым и эвакуировали на земских поездах 9 068 человек для лечения в военных госпиталях. Столовые, открытые данной организацией, обеспечивали горячим питанием 389 579 человек и хлебом и чаем еще 71 493 солдат. В последние месяцы кампании они предоставляли кипяченую воду 107 193 солдатам. Таким образом, общее количество человек, получивших какую-либо помощь от земств, составило 652 164 человека. Для реализации этих усилий организация выплатила огромную сумму в 2 080 894 рубля¹⁴. Но особенно важно, что после прекращения военных действий союз проголосовал за продолжение благотворительных акций в Европейской России несмотря на запрет, наложенный статутом о земстве на такой вид деятельности. Земцы надеялись, что, в конечном счете, режим будет вынужден разрешить независимые общественные инициативы, чтобы лучше отвечать требованиям людей в быстро меняющейся России. В действительности Петр Столыпин, последний великий государственный деятель имперской России, пребывавший на посту премьер-министра с 1906 года вплоть до убийства в 1911 году, во многом был согласен с этим мнением и «признавал пользу дальнейшего развития деятельности Общеземской организации»¹⁵.

В течение десятилетия своего существования (1904—1914) организация играла решающую роль в помощи российскому угнетаемому крестьянству во время голода. Повторяющиеся неурожаи стали причиной не только голода, но и вспышек таких болезней, как дифтерия, тиф, холера. Они также сыграли ключевую роль в процессе обеспечения переселения крестьян в Сибирь. Общее количество средств, потраченных земцами на эти благотворительные акции, составило 14 млн рублей. Они справедливо отмечали, что значимость их усилий не может быть измерена этими цифрами, а заключается в том факте, что общество требовало и в итоге завоевало право на управление, и с этого времени

«правительство будет вынуждено принять общественные усилия во всех этих делах»¹⁶. Гораздо более значительным был резкий скачок в активности земств на всех уровнях. Это шло вразрез с доминирующим представлением о том, что образованная часть общества была деморализована и обособлена и не могла играть конструктивную роль в российской общественной жизни, особенно после так называемой «земской реакции», возникшей после революции 1905 года. Захват земств консерваторами в разгар этого переворота часто обсуждался в научной литературе. Особое внимание уделялось большому количеству программ, которые были прекращены и свернуты во время «ликвидации». Тот факт, что консерваторы доминировали в земстве после 1905 года, часто приводился как доказательство того, что органы местного самоуправления, возможно, не смогли выполнить свою миссию в качестве действующей силы для перемен на селе.

Это, в свою очередь, заставило многих ученых сделать вывод о невозможности дальнейшего развития гражданского общества в России в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и, следовательно, о неизбежности революции 1917 года. Проблема заключается в том, что разработка этого вопроса заканчивается в 1907 году, в тот самый год, когда Веселовский прекращает вести хронику в своем влиятельном исследовании о земстве. Эта точка зрения не учитывает исторические материалы 1908—1914 годов, которые показывают, что консервативно настроенные дворяне практически немедленно осознали, что действия такого характера негативно отразятся на их политическом положении и исключат возможность влиять на ход событий. Они усовершенствовали свои программы с учетом образовательной реформы в целом. Это было более впечатляюще, чем программы, когда-то утвержденные их либеральными предшественниками¹⁷.

Без сомнения, они ревностно охраняли свое главенствующее положение на селе и разгромили многие из предложений Столыпина по демократизации земства. Столыпин руководил процессом восстановления права крестьян избирать своих представителей в земство и учреждения внутренних паспортов для крестьян, которые окончательно закрепили за ними гражданство. Но его законодательные инициативы как по демократизации выборного процесса в губернское земство, так и по учреждению

«малых земств» (в котором никакие уловки не могли предотвратить доминирования крестьянства) были заблокированы правовыми силами и на местном уровне и в Государственном совете.

Взятые вместе, эти предложения, наряду с попытками Столыпина разрушить общину и создать класс преуспевающих крестьян-собственников, способных воспринять нормы гражданского общества, стали наилучшей попыткой России развиваться в стабильное, свободное и демократическое общество. Тот факт, что они были заблокированы консервативно настроенным дворянством, только что приступившим к своим обязанностям, действительно трагичен. Но если глубже взглянуть на проблему, можно отметить, что в период с 1905 по 1914 год в развитии земства были и позитивные моменты. Это десятилетие в российской истории ранее считалось «потерянным», поскольку многие специалисты слепо принимали изречение Ленина о том, что революция 1905 года была генеральной репетицией перед катастрофой 1917 года. Многие историки и социологи, таким образом, сосредотачивали свои усилия на разъяснении предшествующих революции событий, преуменьшая или даже игнорируя противоборствующие тенденции. Вместо этого, много усилий было потрачено на ведение хроник убийств полицейских или регистрацию усиления воинственности трудового движения, которые, как ожидалось, должны были легализовать такую деятельность на заре революции 1905 года. Убрав идеологические шоры, которые заставляют принимать исторические выводы как неизбежные, можно обнаружить, что земцы впечатляюще расширили образовательные программы на селе и также начали хорошо организованную кампанию по предоставлению обществу большей автономии и свободы действий в сфере местного самоуправления.

В течение нескольких лет после революции 1905 года бюджет земств значительно вырос, и к 1914 году общий бюджет составил 347 млн рублей. Наибольшие усилия прилагались в области образования, расходы на которое увеличились с 2 млн в 1907 году до более чем 40 млн к началу войны. Количество учителей также увеличилось с 24 389 в 1879 году до 62 913 человек. Как отмечал Джеффри Брукс в своем исследовании «Когда Россия научилась читать: грамотность и популярная литература, 1861—1917» (Издательство Принстонского университета, 1985 год),

из всех сфер деятельности земств начальное образование продемонстрировало наиболее впечатляющий рост в период между 1880 и 1914 годами. Таким образом, в канун Первой мировой войны социальная и политическая трансформация России шла полным ходом. И опять же, взрез со стандартной точкой зрения, наступление войны не сорвало, а, наоборот, ускорило эволюцию гражданского общества. Образованная часть российского общества отреагировала на кризис, вызванный войной, взяв на себя множество задач, которые должны были быть во время войны в ведении государства.

Общеземская организация была заменена динамичным централизованным Всероссийским земским союзом. Вновь возглавляемый князем Львовым союз, наряду с другими многочисленными организациями, учрежденными в России классом предпринимателей и интеллектуалов, фактически работал на войну. Вскоре правительство продемонстрировало свою неспособность выполнять во время войны даже самые основные обязательства перед российским народом. Правительство было вынуждено узаконить существование различных организаций, чтобы дать им большие права. Круг полномочий добровольческих организаций расширился вплоть до поставок военного снаряжения и материалов для армии, помощи беженцам, поставок продовольствия, программ вакцинации и, конечно, помощи больным и раненым солдатам как на фронте, так и в госпиталях в тылу. Зарождающееся российское гражданское общество продемонстрировало свою жизнеспособность, сделав шаг вперед и взяв на себя определенную ответственность. Как отметил князь Львов, это произошло «не только путем расширения сферы нашей работы, как планировалось ранее, не только путем расширения нашей деятельности вплоть до линии фронта, но и путем осуществления таких функций, выполнение которых ранее воспринималось как чисто правительственная задача и которые во всех предыдущих войнах исполнялись исключительно правительственными органами»¹⁸.

Правительство было серьезно обеспокоено важностью практической работы, выполняемой земствами. Министр внутренних дел Маклаков предостерегал, что «пока происходит сдерживание, земцы готовят себя к преобразованию общественной

жизни, которое, по их мнению, должно произойти на заключительном этапе войны»¹⁹. По мере того как официальная обеспокоенность усиливалась, как отмечал премьер-министр Штюрмер, деятельность земств неизбежно «привела бы к трансформации земства из института, занимающегося местным хозяйством под контролем правительства, в органы местного самоуправления, не зависящие от властей»²⁰. Земцы действительно пришли к осознанию того, что Россия не может больше откладывать модернизацию своих социальных и политических отношений. К 1916 году вызов был брошен. Как писал князь Львов, «деятельности союзов уже давно требовалось придать государственное значение... союзы доказали, что то, что не выполнимо для правительства, может быть реализовано объединенными людскими силами... они также доказали, что механизм государственного управления далек от соответствия требованиям жителей страны»²¹. Правительство признало не только наличие нарастающей угрозы со стороны российского земства, но также тот факт, что его деятельность не может быть свернута без непростительных последствий для народа. Как справедливо заметил один из министров, «было невозможно ликвидировать эту проблему, потому что исполнительная власть не справилась бы без земств»²².

Деятельность земств, развернутая во время войны, раскрывает истоки новой политической культуры, базирующейся на основах гражданского общества. Однако современные войны требуют обязательств от всех граждан страны. Многие ученые утверждали, что российские крестьяне не были знакомы с концепцией нации, и поэтому у них не было обязательств перед государством, тратящим усилия на ведение войны. Эта точка зрения преувеличена, и вновь она выводится из существенного игнорирования развития села как в довоенный период, так и непосредственно во время войны. Война с Японией способствовала открытию крестьянской деревни внешнему миру и предложила концепцию «нации» через распространение газет и географических карт. Первая мировая война усилила желание миллиона мобилизованных крестьян получать новости из-за пределов их деревень. Многие крестьяне, участвовавшие в войне, писали письма домой с просьбами отдать их детей в школу. В результате к осени 1916 года земские школы были заполнены претендентами и мно-

гим детям пришлось отказать. Но земцы понимали, что отдельно школьное образование не сможет трансформировать крестьянскую культуру. Только школьные программы с последующими трехлетними курсами повышения грамотности, такими как проведение лекций, учреждение библиотек и, что наиболее важно, внедрение широких разноуровневых программ по обучению взрослых, могли изменить крестьянскую культуру²³.

До этого они увеличили расходы на образование для людей старшего возраста в предвоенные годы и теперь воспользовались возможностью расширить круг своих предложений. Как утверждал Скотт Сереньи, толчок, данный крестьянским требованиям об образовании к началу войны, и сопутствующее расширение доступных программ и информации ускорили развитие национального самосознания, что в конечном итоге стало началом конца их партикуляризма. Тот факт, что элементы демократического гражданского общества на самом деле находились на пике своего развития, можно было проследить по земским выборам осенью 1917 года перед Большевицким переворотом (и через шесть месяцев после крушения царского режима) и по итогам учредительного собрания в ноябре того же года. Некоторые ученые утверждали, что явка на выборы была низкой и это свидетельствует о бескомпромиссности и изоляции крестьянства от политической жизни государства. Но учитывая то, что земские выборы проводились во время сбора урожая и женщины (имевшие право голоса в первом случае) в основном не ходили на выборы, явка, которая составила от 40 до 50 %, была очень высока. Во время выборов в учредительное собрание была продемонстрирована и политическая зрелость российского общества, поскольку около 50 млн граждан выразили свое мнение на избирательном участке, а не на улице.

В данной статье мы попытались показать возможности и перспективы, которые имелись бы у стабильной, процветающей и демократической России, если бы не четверть века потерянного времени — с 1881 по 1904 год. Земская программа по учреждению «малых земств» и внедрение всеобщего школьного образования имели важные последствия для объединения крестьянства, которые до сегодняшнего времени мало изучены. Это, наряду с расширением сферы компетенции земств, могло послужить основой для создания зачатков гражданского общества. Тот факт, что

после Большеви́стской революции существовала установка на прогресс и необходимость в течение долгого времени в дальнейшем достигать его, был признан проницательным российским историком А. А. Корниловым, который писал в своих мемуарах: «В настоящее время я ясно вижу, что 1-го марта (убийство Александра II и длительная реакция, которая за этим последовала) не произошло никакой трагедии... У нас было бы широкое и уверенное развитие демократического земского самоуправления и, более того, ему могла бы быть предоставлена недостающая база в виде малых земств одного или другого видов. В то же время мы могли наблюдать свободное развитие общего образования, столь необходимого для России»²⁴.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. XXXIX. № 40457. 1864. Январь (далее — ПСЗ РИ); *Timberlake C. The Zemstvo and the Development of a Russian Middle Class // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, N.-J., 1991. P. 178.*
- ² *Веселовский Б. Б. История земства на сорок лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 127.*
- ³ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLII. № 44690. 1867.
- ⁴ Там же. Собр. 3. Т. X. № 6922. 1890.
- ⁵ Там же. № 6927. 1890.
- ⁶ *Robbins R. G., Jr. Famine in Russia, 1891—1892: the Imperial Government Responds to a Crisis. N.-Y., 1975. P. 1—2.*
- ⁷ *Веселовский Б. Б. Указ. соч. С. 375.*
- ⁸ См.: *Белоко́нский И. П. Земское движение. М., 1914. С. 41.*
- ⁹ *Vitte С. Ю. Самодержавие и земство. Штутгарт, 1903. С. 196.*
- ¹⁰ Там же. С. 211—212.
- ¹¹ Десятилетие Общеземской организации благотворительной помощи населению, 1904—1914 гг. М., 1914. С. 4.
- ¹² См.: *Веселовский Б. Б. Указ. соч. С. 592.*
- ¹³ *Miliukov P. N. Russia and its Crisis. N.-Y., 1906. P. 221.*
- ¹⁴ Общеземская организация на Дальнем Востоке. М., 1908. Т. 1. С. 19.
- ¹⁵ Десятилетие Общеземской организации... С. 15.
- ¹⁶ Там же. С. 36.
- ¹⁷ *Porter T., Seregny S. The Zemstvo Reconsidered // Local Government in Russia: Power, Authority, and Civic Participation (в печати).*

- ¹⁸ Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1917. С. 8.
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 17. Ед. хр. 343. Л. 10.
- ²⁰ См.: *Семенников В. П.* Монархия перед крушением, 1914—1917. М., 1927. С. 124.
- ²¹ Краткий очерк деятельности... С. 2.
- ²² Красный архив : в 106 т. М., 1929. Т. 2. С. 150—151.
- ²³ *Seregny S.* Zemstvos, Peasants, and Citizenship: the Russian Adult Education Movement and World War I // *Slavic Review*. 2000. Summer. Vol. 59. № 2. P. 290—315.
- ²⁴ Quoted in: *The Zemstvo in Russia: an Experiment in Local Self-Government* / eds. by T. Emmons, W. Vucinich. Cambridge, N.-Y., 1982. P. 442—443.

ББК 63.3(4Укр)5-283.2

Г. Н. Кныш

**РОССИЙСКИЙ МОНАРХИЗМ
И СТУДЕНЧЕСТВО УКРАИНЫ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.**

Изучение истории развития студенческого движения как составной части молодежного движения во всех его направлениях вызывает определенный научный интерес, приобретает особую актуальность в наше время. Студенчество представляет собой один из отрядов интеллигенции и потому играет заметную роль в становлении духовного потенциала общества. Важно учитывать и такие аспекты политических процессов в независимой Украине, как существование многопартийной системы и политическую нестабильность, стремление политических партий влиять

© Кныш Г. Н., 2009

Кныш Григорий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры украинской истории и этнополитики Днепропетровского национального университета им. О. Гончара. sergei_knysh@mail.ru

на молодую интеллигенцию. Именно поэтому необходимо более глубоко изучать исторический опыт работы со студенческой молодежью с целью его использования сегодня при формировании и осуществлении государственной политики относительно молодежи вообще и отдельных ее категорий в частности.

Советская историография в целом рассматривала студенческое движение начала XX века в Российской империи, в том числе и в украинских губерниях, в рамках четко определенной идеологической парадигмы, сквозь призму доминирующей роли большевистского течения РСДРП по руководству революционным движением студенчества. Роль других политических партий в этих процессах не учитывалась, за исключением левых социалистических, которые иногда составляли с большевиками левый блок. Такой упрощенный подход и узкая источниковая база не позволяли исследователям достаточно всесторонне изучать историю развития студенческого движения в тот или иной период, тем более глубоко его анализировать. Хотя и в советский период появлялись отдельные работы исследователей, пытавшихся на фактическом материале осветить вопросы влияния других партий на студенческую молодежь. Такую попытку осуществил российский историк И. И. Рогозин в своей монографии, вышедшей в 1989 году¹. В постсоветское время четко прослеживается тенденция отхода авторов от догм в исследованиях, посвященных анализу студенческого движения в России в начале XX века. В этом плане следует выделить интересную работу А. Е. Иванова «Студенчество России конца XIX — начала XX века»².

Примечательно, что в условиях становления молодой независимой Украины появились новые исторические исследования на студенческую тематику. Это диссертационные работы Т. К. Дацюк³, В. А. Головенька⁴, Н. М. Левицкой⁵, в которых рассматриваются различные аспекты участия студенчества Украины в революционном движении конца XIX — начала XX века и влияния политических партий, как российских, так и украинских, которые работали с молодежью.

В научных статьях украинских историков С. А. Наумова, С. И. Посохова⁶, Г. Н. Кныша⁷ обращается внимание на университетскую среду, представленную не только студенчеством, но и профессорско-преподавательским составом, на роль университе-

тов в общественном движении различных политических направлений, на социально-экономическое положение студентов в Украине в начале XX века.

Научный интерес представляет и первая в Украине комплексная историографическая работа харьковского исследователя С. И. Посохова «Образы университетов Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в публицистике и историографии». На огромном массиве источников и литературы определены три основных образа университетов: «либеральный, консервативный, революционный»⁸. Следует назвать и статью И. Г. Самарцева, в которой изображена деятельность черносотенцев в Украине в 1905—1917 годах⁹. Автор специально не исследовал влияние монархических партий в студенческой среде, однако привлек интересные факты по этому поводу. Анализу черносотенного движения в Поднепровской Украине в период 1904—1914 годов посвящена диссертационная работа киевского исследователя И. В. Омелянчука¹⁰. Историк обратил особое внимание на довольно пестрый состав черносотенных партий в Украине в начале XX века, в частности «Союза русского народа», который подтвердил тот факт, что монархисты рекрутировали своих членов из различных классов и слоев населения, в том числе и из студенческой молодежи.

Представляется целесообразным выяснить степень влияния на студенческую молодежь российских монархических партий и организаций, действовавших на территории Надднепрянской Украины в период революции 1905—1907 годов.

С момента оформления политических партий и организаций в начале XX века в студенческой среде происходили процессы расслоения на различные политические группировки. Лидер большевиков В. И. Ленин в своей работе «Задачи революционной молодежи» (1903 г.) называл студенчество «авангардом демократических сил», «самой чувствительной частью интеллигенции». В то же время он придавал особое значение политической дифференциации среди учащейся молодежи, выделяя шесть характерных для того времени групп, а именно: «реакционеры, равнодушные, культурники, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы». Наличие этих групп он связывал с необходимостью «выбора одной определенной партии»¹¹. На наш

взгляд, такое деление на группы или направления можно считать условным, так как иногда в тех или иных исторических обстоятельствах разные течения переплетались и в названиях студенческих организаций и в практических действиях. Так, «Партия академического порядка императорского университета Св. Владимира» в Киеве поддерживала монархистов, боролась с революционным движением, и, наоборот, монархисты оказывали поддержку тем студенческим организациям, которые в период развертывания массового освободительного движения охраняли высшую школу от вторжения революционных элементов.

Следует отметить, что и в работе, которую проводили черносотенцы среди студенческой и школьной молодежи, можно выделить два направления: погромно-террористическое, рассчитанное на преследование молодежных организаций вплоть до физической расправы активных участников, и охранительное, целью которого было создание массовой опоры молодежи для царского режима. Во время революции эти направления проявлялись одновременно и нередко смешивались.

Начало XX века в Российской империи ознаменовалось значительным оживлением революционного движения, что и привело к взрыву первой демократической революции в 1905—1907 годах. Именно в этот период господствующие классы стремились консолидировать свои усилия и создать монархические партии, основные из которых оформились в конце 1905 года после издания царского Манифеста 17 октября. Первые местные отделы как филиалы монархической организации «Русское собрание» (Санкт-Петербург) возникли в 1903 году в Харькове, Киеве и Одессе, в их состав кроме дворян входили и отдельные представители студенчества. Эти организации должны были выполнять задачу «охраны основ русского самодержавия, русской культуры, русского языка в национальных окраинах»¹².

Известно, что сильное национальное угнетение испытывали украинские студенты. За хранение литературы «на малороссийском наречии» их отдавали под надзор полиции¹³. Только лишь в период революции 1905—1907 годов царизм разрешил открыть кафедры украинского языка и литературы в университетах. Аналогично правительство проводило политику по отношению к студентам других национальностей, нерусских народно-

стей — поляков, евреев. Особые ограничения существовали для еврейской молодежи — так называемые процентные нормы приема в университеты. Так, в 1901 году норма приема евреев в Киевский университет составляла 6 %, а в Харьковский — около 3 %¹⁴. Антисемитские настроения подогревали монархисты, которые позже применили погромно-черносотенную тактику борьбы с «революционной крамолой».

Весной 1905 года возникла «Русская монархическая партия» во главе с В. А. Грингмутом численностью в 2 000 человек¹⁵. В Киеве действовал филиал этой партии во главе с известным черносотенцем Б. М. Юзефовичем. Программа монархистов в сфере образования акцентировала внимание на необходимости внедрения «единой русской государственной школы», «национального (русского. — Г. К.) воспитания юношества» и «водворения порядка в наши школы»¹⁶.

Однако наиболее массовой и влиятельной партией правительственного лагеря был «Союз русского народа», возглавляемый доктором А. И. Дубровиным. Союз образовался в ноябре 1905 года. Постоянных членов черносотенных союзов в Российской империи было около 410 000 чел., почти половина (199 175 чел.) действовала в Украине¹⁷.

Большая численность партий объясняется не только тем, что черносотенцы вербовали своих сторонников из разных слоев общества без четких организационных норм и требований, в том числе и из представителей студенческой молодежи, но и путем вливания в ряды «Союза русского народа» значительной части подобных черносотенных партий, обществ, кружков и союзов, которые сохраняли даже свои названия. Кстати, это в значительной мере усложняет работу исследователей по выявлению распространения местных молодежных организаций черносотенцев.

Монархисты, требуя от царского правительства оградить студенчество от влияния революционных партий, которые были, по их мнению, «главными снабженцами политики и безвластия», начали активно создавать свои отделы и группы. В Киеве организация молодых черносотенцев, преимущественно студентов, в октябре 1906 года была зарегистрирована как отдел «Союза русского народа» под названием «Патриотическое общество молодежи “Двуглавый орел”»¹⁸. И. Г. Самарцев ошибочно назвал дату

создания этой организации — август 1908 года¹⁹. Во главе со студентом В. Голубевым и священником Ф. Сенкевичем отдел выпускал собственную газету «Двуглавый орел», издание которой финансировалось Министерством внутренних дел через Главный совет «Союза русского народа». Отдел пользовался большой поддержкой царского правительства и лично Николая II. В соответствии с уставом эта организация должна была поддерживать «всеми средствами содействия торжество русских начал в русской школе»²⁰.

Кроме того, местные отделы создавали небольшие группы или кружки из числа студентов, гимназистов старших классов. Все это провозглашалось организаторами как определенная работа монархистов с целью защитить желаемую учиться молодежь от стачечников, с которыми планировалось решительно бороться. Фактически эти организации, получая от администрации высших учебных заведений, полиции и различных патриотических обществ постоянную материальную помощь, занимались доношением на руководителей демократических молодежных групп и даже на преподавателей и профессоров, которые симпатизировали либеральным и левым политическим партиям.

На мировоззрение определенной части студенческой молодежи не могли не влиять и некоторые профессора и преподаватели университетов Украины — активные члены черносотенных партий. Они использовали студенческие аудитории для распространения среди юношества монархических идей. В частности, профессор Харьковского университета А. С. Вязьгин еще с ноября 1903 года руководил отделом монархической организации «Русское собрание», редактировал печатный орган этого отдела «Мирный труд». Типография журнала превратилась в центр издания черносотенной литературы во всероссийском масштабе²¹. А. С. Вязьгин возглавлял также отдел созданной в декабре 1905 года черносотенной организации — «Союза русского народа», для которой составил устав. Бюро этого отдела располагалось в помещении Харьковского университета. К так называемой группе «революционеров справа» принадлежали и профессора Т. И. Буткевич, П. М. Буцинский, М. А. Остроумов и Я. А. Денисов, которые не получали поддержки от большинства студентов, а наоборот — только протестные акции. Так, на одной из студенче-

ских сходов было принято решение — профессоров-черносотенцев бойкотировать, не записываться к ним на лекции и требовать увольнения из университета, поскольку их деятельность не отвечает ученому званию. Была выделена группа студентов-революционеров, срывавшая лекции этих ученых-педагогов²².

Киевский отдел «Союза русского народа» возглавлял профессор М. Мищенко²³. В октябре 1905 года директором гимназии М. М. Родзевичем был основан «Одесский союз русских людей», в программе которого ставилась задача — воспитание молодежи в духе монархических идей. Эта организация имела студенческий отдел, а также отделы в Кривом Роге, Елизаветградском, Александрийском уездах, Подольской губернии²⁴. В Одессе в августе 1906 года оформилась организация «Белая гвардия», которую позже назвали дружиной «Союза русского народа», хотя она в основном вербовала своих сторонников среди ремесленников и портовых рабочих, привлекая даже уголовные элементы. Лишь несколько представителей студенчества находились в рядах этой организации²⁵.

Черносотенцы путем устной и печатной агитации стремились распространить среди студенческой молодежи свои идеи. В частности, они активно использовали с этой целью публичные собрания, которые устраивали легальные студенческие организации — клубы, общества самообразования, взаимопомощи, «народные столовые» и др. С другой стороны, значительное количество черносотенной литературы поступало именно в учебные заведения. Примечательно, что в списках обязательной литературы для приобретения в средних и высших учебных заведениях монархические издания были на первом месте и с пометкой «Дозволено цензурой». Характерны и названия подобных изданий — «Враги Отечества», «Самодержавие и абсолютизм». На большинстве из них вверху помещено посвящение типа — «Обманутым рабочим и молодежи»²⁶.

В главном официальном печатном органе «Союза русского народа» — газете «Русское знамя», выходящей с 25 ноября 1905 года, практически в каждом номере в улично-базарном стиле шельмовались лидеры революционных студенческих организаций и деятельность нелегальных политических партий среди молодежи. Черносотенная пропаганда стремилась посеять вражду

между молодой интеллигенцией и народом. Одна из листовок прямо призывала: «И давайте сметем мы студентов прочь, будем жить мы тогда спокойно. Поднимайся народ на защиту царя, поднимайся...»²⁷ «Воззвание к солдатам Одесского военного округа и матросам Черноморского флота» внушало массам, что их враги — «скубенты-жиды».

После выхода царского Манифеста 17 октября 1905 года начала внедряться погромно-террористическая тактика черносотенцев, в результате которой жертвами становились преимущественно интеллигенты, в том числе и студенты. В Одессе студенты-революционеры выставили в зале университета для всенародного обозрения забальзамированные в металлических гробах трупы пяти студентов, которые погибли в столкновении с черносотенцами во время погрома. Вокруг стояли венки с надписями — «Павшим в борьбе за свободу», «Проклятие самодержавию».

Такие действия воинственных монархистов заставили студенческие организации Киева, Харькова, Одессы и других городов создавать боевые дружины самообороны, которые охраняли митинги и демонстрации. Значительная часть студенчества осуждала действия черносотенцев, но отдельные его представители присоединялись к погромщикам. Киевская газета «Учащийся» сообщала о рассмотрении дела Исполнительным комитетом студентов университета об участии некоторых студентов в черносотенных погромах²⁸.

В целом же в период подъема демократической революции черносотенцы не имели массовой поддержки студенчества и лишь в периоды спада революционного движения и реакции происходило усиление монархических групп среди молодежи. Правда, в лагере монархических партий после поражения революции произошел раскол, начали возникать новые политические партии — «Русский народный союз имени Михаила Архангела», «Общество русских людей» и др.²⁹ В начале 1908 года прекратилось издание газеты «Молодые силы» органа черносотенной студенческой организации «Двуглавый орел». Редакция печально сообщала своим читателям о том, что «не нашлось жалких полторы тысячи подписчиков, необходимых нам для существования»³⁰.

Итак, в период демократической революции 1905—1907 годов в Украине, как и в Российской империи наблюдался процесс

политического размежевания студенчества, имевший динамичный характер. Особенностью в Украине была тенденция, по утверждению И. В. Омелянчука, перехода русскоязычной части интеллигенции на сторону реакционно-охранительных сил из-за боязни того, что либерально-демократическое движение может превратиться в националистическое³¹.

Анализ источников свидетельствует, что монархические партии общероссийского масштаба и их филиалы в Украине, хотя численно и превышали другие политические партии либеральной и социалистической направленности, однако в студенческой среде их поддерживала лишь незначительная часть учащейся молодежи.

Примечания

- ¹ *Рогозин И. И.* Политическая борьба за молодежь России 1903—1917 гг. М., 1989.
- ² *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX века. М., 1999.
- ³ *Дацюк Т. К.* Студенческая и учащаяся молодежь Украины и политические партии в революции 1905—1907 годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1994.
- ⁴ *Головенько В. А.* Украинское молодежное движение в XX веке (историко-политологический анализ основных периодов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1995.
- ⁵ *Левицкая Н. М.* Студенчество Украины в конце XIX — в начале XX веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1998.
- ⁶ *Наумов С. А., Посохов С. И.* Харьковский университет в общественно-политическом движении второй половины XIX — начала XX в. // Украин. ист. журн. 2005. № 1. С. 56—69.
- ⁷ *Кныш Г. Н.* Академическое течение студенческого движения в Украине в 1905—1907 гг. // Проблемы политической истории Украины : сб. науч. тр. Днепропетровск, 2006.
- ⁸ *Посохов С. И.* Образы университетов Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в публицистике и историографии. Харьков, 2006.
- ⁹ *Самарцев И. Г.* Черносотенцы в Украине (1905—1907 гг.) // Украин. ист. журн. 1992. № 1. С. 90—98.
- ¹⁰ *Омелянчук И. В.* Черносотенное движение в Украине в 1904—1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1997.
- ¹¹ *Ленин В. И.* Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 348.

- ¹² Устав Всероссийского национального студенческого русского собрания. Киев, 1912. С. 10.
- ¹³ Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2198. Л. 15.
- ¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 733. Оп. 151. Д. 460. Л. 46.
- ¹⁵ *Рогозин И. И.* Указ. соч. С. 7.
- ¹⁶ Программные документы политических партий и организаций. М., 1990. С. 152, 157—158.
- ¹⁷ *Омелянчук И.* К вопросу о социальном составе черносотенных партий в Украине начала XX в. // Новая политика. 1997. № 2. С. 23—27.
- ¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. Д. 31. Л. 10.
- ¹⁹ *Самарцев И. Г.* Указ. соч. С. 96.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 31. Л. 10.
- ²¹ *Наумов С. А., Посохов С. И.* Указ. соч. С. 60.
- ²² Там же. С. 62.
- ²³ *Самарцев И. Г.* Указ. соч. С. 96.
- ²⁴ Там же. С. 96.
- ²⁵ История политических партий России : учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / под ред. *А. И. Зевелева.* М., 1994. С. 74.
- ²⁶ *Рогозин И. И.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁷ Библиотека Российского независимого института социальных и национальных проблем. Фонд архивного хранения. Ц.Л. 46. I. 1905.
- ²⁸ Учащийся. 1906. 16 окт.
- ²⁹ История политических партий России. С. 78.
- ³⁰ Молодые силы. 1908. 6 янв.
- ³¹ *Омелянчук И.* К вопросу о социальном составе черносотенных партий... С. 24.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

ББК 63.3(2)61-38

Ю. Б. Костякова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ХАКАСИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ

Коренизация (индигенизация¹) советского, партийного и хозяйственного аппарата, проводимая в 1920—30-е гг., являлась одним из методов устранения пережитков прошлого в межнациональных отношениях, интеграции коренных народов в структуру модернизируемого советского общества. Реализация такой политики в национальных регионах происходила за счет выдвижения, подготовки и устройства на работу в государственные органы, общественные организации, хозяйственные учреждения, на предприятия представителей коренных (титульных) этносов, перевода делопроизводства на национальный язык. Результатом коренизации должно было стать, в том числе, формирование новой национальной интеллигенции, воспитанной на постулатах коммунистической идеологии.

В Хакасии — национальном районе Южной Сибири коренизация управленческого аппарата началась позже, чем в целом по стране. Активизация такой работы произошла после повышения статуса национального района — преобразования в 1925 г. Хакасского уезда в округ в составе Сибирского края, что дало местному руководству дополнительные права и полномочия в решении раз-

---

© Костякова Ю. Б., 2009

Костякова Юлия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. uka29@yandex.ru

личных, в том числе и кадровых, вопросов. Сделать процесс подготовки национальных кадров более эффективным позволило также внедрение в обиход хакасской письменности, разработка которой закончилась в 1924—1925 гг. Привлечение к работе в государственных и хозяйственных структурах хакасов способствовало разрушению стереотипного мнения о власти как инструменте угнетения и подавления малочисленного народа бóльшим по численности. Государственные чиновники коренной национальности лучше знали местные условия и традиции, легче находили общий язык с местным населением, что содействовало повышению авторитета новой власти и доверия к ней со стороны граждан.

Но коренизация управленческого аппарата и в 1920-е, и в 1930-е гг. шла слабо, имели место факты недоверия к управленцам-хакасам: некоторых не выдвигали на повышение, от других «скрывали информацию»². Одна из причин этого была озвучена в 1928 г. на IV Окружной партийной конференции Хакасии: «Русские недовольны тем, что при выдвижении в аппараты даются привилегии хакасам, а хакасы опять недовольны тем, что им мало дают привилегий»³. Выступавший также признал, что «имеются факты великорусского шовинизма и хакасского национализма». Но основной причиной их появления он назвал сложности при решении земельного вопроса в Хакасии и происки кулацких и «чуждых» элементов.

Однако анализ архивных документов и газетных публикаций, в которых затрагивался национальный вопрос, позволил сделать вывод, что одна из причин неэффективности призывов активизировать процесс коренизации госаппарата и заставить местных чиновников изучать хакасский язык заключалась в явном расхождении подобных лозунгов и личных (бытовых) представлений некоторых руководителей округа о коренном населении. Например, на той же партийной конференции из уст одного из выступавших прозвучало следующее заявление: «Все знают, что хакасы менее культурны, чем русские». При этом в качестве показателей некультурности хакасов назывались: сохранение религиозных верований в форме шаманизма, «диких пережитков родового прошлого» — калыма, карамчения и др., широкое распространение социальных болезней (трахома, сифилис, туберкулез), а также низкий уровень грамотности, владения письменной русской речью. Недовольство подобными явлениями, сдерживаю-

щими построение новой жизни в стране и Хакасии, в совокупности с непониманием национальных особенностей и традиций, неприятием того, что не соответствует личным представлениям, приводило к проецированию негативного отношения госчиновников и партийных руководителей некоренной национальности к некоторым явлениям и фактам на весь хакасский народ и на отдельных его представителей. В такой ситуации изучение языка коренного народа могло восприниматься чиновниками из числа русскоязычного населения как приобщение не к более высокой, а к примитивной культуре, то есть сознательное снижение собственного социального статуса и интеллектуального уровня.

Кроме того, перевод делопроизводства на национальный язык создавал лишние трудности и не был подкреплён действенными мерами наказания тех, кто игнорировал директивы областных властей. В результате почти во всех организациях переписка велась по-прежнему на русском языке. В 1937 г. при облисполкоме были организованы курсы по подготовке машинисток, которые могли бы вести документацию на языке коренного народа. Но из 28 выпускниц половина так и не смогла найти работу, поскольку руководители организаций отказались их принимать, «считая совершенно ненужным печатание на хакасском языке»⁴. Изменить ситуацию и улучшить межнациональные отношения, по мнению представителей партийных и советских органов, можно было с помощью привлечения всех хакасов-коммунистов к работе по улучшению и развитию хакасской письменности, активизации «выдвижения хакасов, особенно батраков и бедняков в аппараты» и т. д.

На наш взгляд, подобные меры были направлены, прежде всего, на повышение культурного уровня коренного населения, но имели низкую эффективность в деле борьбы с шовинизмом и национализмом, в проведении политики коренизации. К тому же, назначение на должности по национальному признаку без учета уровня грамотности и образованности претендентов создавало дополнительные трудности в работе местных Советов и нередко дискредитировало их представителей в глазах граждан: «Большинство председателей советов, не зная русского языка, только прикладывают печать к тому, что напишет секретарь. А работа советов все усложняется»⁵. Перевод документации на хакасский

язык, который мог бы улучшить и упорядочить делопроизводственную деятельность местных органов власти, прежде всего, в национальных районах, затягивался из-за низких темпов ликвидации безграмотности в округе. Предложения же Хакасского окружного исполкома о проведении краткосрочных курсов для подготовки и переподготовки советских работников не нашли отклика у руководителей Сибирского краевого исполнительного комитета. В результате процесс коренизации управленческого аппарата шел медленными темпами.

Преобразование Хакасии в 1930 г. в автономную область позволило поднять не только престиж национального района, но и его титульного народа. Вместе с тем, начавшееся активное промышленное и гражданское строительство в автономной области и последовавший за этим новый приток переселенцев обострили межнациональные отношения в регионе, затормозили коренизацию управленческих структур.

Директивы ЦК ВКП (б) обязывали областное руководство заниматься подготовкой «национального пролетариата с последующей выковкой из него командиров младшего и среднего, а потом и старшего звена»⁶. Поэтому вовлечение в промышленную сферу представителей коренного населения шло активно — на шахтах, рудниках и других предприятиях создавались так называемые хакасские бригады, велся специальный учет работников-хакасов. Но при проведении кампании не учитывались особенности психологии, традиционный уклад жизни, неподготовленность коренного населения к новым видам трудовой деятельности, что вело к большому оттоку новых работников. Анализируя данную ситуацию, авторы заметок в газете «Советская Хакасия» отмечали и ряд объективных причин высокой текучести кадров: бытовая неустроенность на новом месте работы, нерешенность жилищного вопроса, отсутствие внимания руководства предприятий к организации культурно-просветительской деятельности среди работников-хакасов, неумение создать «лучшую обстановку и товарищеские отношения со стороны русской части рабочих для приходящих в промышленность из улусов хакасов»⁷. Главной же причиной называлось наличие «элементов великорусского шовинизма», пренебрежительное отношение к хакасам, что являлось сдерживаю-

щим фактором реализации национальной политики и, в частности, работы по подготовке национальных кадров в автономии.

Устранение шовинистических «элементов» предполагалось вести не столько с помощью широкой разъяснительной и культурно-воспитательной работы, сколько методом наказания конкретных виновных в «нечутком» или оскорбительном отношении к коренному населению. Поводом для усиления борьбы с проявлениями национальной неприязни, пренебрежительного и неуважительного отношения к представителям различных национальностей на бытовом уровне стало выступление И. В. Сталина на XVI съезде ВКП (б). В своей речи лидер страны, в частности, поднял вопрос об «уклонах в национальной политике», которые есть не что иное, как стремление «отживающих классов» вернуть себе утраченные привилегии и подорвать социалистическое строительство. Таким образом, бытовым пережиткам была придана политическая окраска, а действия шовинистов расценивались как вражеские происки.

В газете «Советская Хакасия» в течение 1931—1937 гг. появилось значительное количество статей и заметок, «изобличавших лицо махрового шовинизма». Критике подверглись и те, кто допускает «шовинистические настроения» в быту, и целые организации, игнорирующие вопросы национальной работы. Пристальное внимание к различным фактам демонстрации национального превосходства показало, что «проявления великорусского шовинизма носят массовый характер, и что внимание пролетарской общечественности не мобилизовано на решительную борьбу с ними»⁸. Содержащиеся в публикациях факты дают ясное представление о причинах неуважительного отношения к работникам-хакасам. Главной из них можно назвать то, что коренизация промышленности и управленческого аппарата проводилась административными методами, основными показателями ее результативности служили данные о количестве хакасов в коллективах и процентное соотношение представителей коренного народа к общему числу работников. Серьезный анализ причин высокой текучести кадров не проводился, виновными чаще всего называли конкретных людей, допустивших «нечуткое» отношение к национальным кадрам, главным сдерживающим фактором считался «человеческий».

Результаты проведенной в 1937 г. проверки дают представление о состоянии коренизации промышленности и управленческого

аппарата автономии. В государственных учреждениях доля представителей коренного населения не превышала 10 % от общего числа работников, во многих организациях не было ни одного хакаса. Совершенно не вовлекались в управленческую деятельность женщины-хакаски, те немногие, что трудились в госструктурах, занимали должности машинисток, посыльных, уборщиц. Из-за отсутствия «надлежащих условий работы» количество коренного населения в промышленности неуклонно сокращалось. Например, на Андреевском руднике в середине 1936 г. из 730 рабочих было 23 хакаса, а к 1937 г. осталось 7. На гидроэлектростанции из 1106 человек 36 были представителями коренного народа⁹.

Можно выделить две основные причины, по которым коренизационная кампания в Хакасии в первой половине 1930-х гг. не приносила ожидаемых результатов. В первую очередь, это связано с тем, что на руководящие должности выдвигались хакасы преимущественно из батраков, бедняков и середняков. Отбор управленческих кадров по классово-национальному признаку в большинстве случаев не учитывал наличие у выдвиженцев соответствующей подготовки, опыта, образования и авторитета. Назначение такого работника вызывало у остального коллектива неприятие, которое проявлялось в виде открытых насмешек, намеренного введения в заблуждение, издевательств и т. д. Один из таких случаев описан в заметке, опубликованной в газете «Советская Хакасия» в 1931 г. Делопроизводителя Шурышева агроном Сергеев «обложил» бумагами, планами, телеграммами и, не объяснив суть дела новому работнику, потребовал немедленного выполнения своих распоряжений. Машинистка Мельниченко заставляла диктовать ей документы, при этом «в момент диктовки смеялась и печатала так, как он передает, с хакасским акцентом»¹⁰. Автор другой заметки, приводя факты незаслуженных увольнений работников коренной национальности, отмечал, что из-за отсутствия поддержки и неоказания помощи со стороны более опытных товарищей новоиспеченных руководителей хакасов не только снимали с работы, но и отдавали под суд¹¹.

Во-вторых, массовый призыв представителей хакасской национальности — жителей сельской местности — в промышленность и руководящие структуры не сопровождался созданием соответствующей системы профессиональной подготовки. Новые работники

зачастую не обладали навыками непривычной для них трудовой деятельности, необходимым уровнем грамотности или владения русским языком. Попав в инонациональную и иноязычную, нередко — враждебную среду, они не справлялись с порученным делом, не выдерживали морального прессинга и возвращались домой. В результате за работниками коренной национальности закреплялась репутация лентяев, не способных к обучению, восприятию новых знаний, выполнению ответственных поручений. Нередко этому способствовала целенаправленная политика руководителей предприятий, которые предоставляли хакасам худшие участки и условия труда, задерживали зарплату, обсчитывали при начислении трудовой или просто отказывали в приеме на работу.

Решением этих проблем могло стать создание системы профессиональной подготовки и широкая разъяснительная работа, в том числе и с использованием средств массовой информации. Система профподготовки кадров стала формироваться ближе к середине 1930-х гг., что позволило создать примерно равные образовательные условия для работников разных национальностей. Разъяснительная и воспитательная работа по-прежнему велась не целенаправленно, в национальные колхозы и коллективы агитаторы приезжали редко. На многих предприятиях, где работали хакасы, не выписывались периодические издания и литература не только на хакасском, но и на русском языке. В результате интернациональное воспитание отсутствовало или велось не на должном уровне.

Можно отметить и «перекосы» в освещении национальной темы в местной прессе, что также формировало искаженное представление не только о коренном населении Хакасии, но и о целях национальной политики в автономии. В частности, в газетах 1931—1937 гг. имеется достаточное количество статей о великорусском шовинизме, но нами не обнаружено ни одной заметки, где были бы приведены факты хакасского национализма, то есть ответной реакции на притеснения. В публикациях хакасы представлены жертвами новоявленных угнетателей, что создавало впечатление о них, как о забитых и не умеющих постоять за себя людях. Также в различных материалах, посвященных национальному вопросу, постоянно упоминалось о царской национальной политике, которая мешала полноценному политическому, экономическому и культурному развитию нерусских народов. На фоне

такой мрачной картины прошлого достижения советской власти выглядели особенно выигрышно. Таким образом, интеллектуальные и культурные достижения хакасского народа игнорировались, без внимания оставались самобытность и особенности традиционного уклада жизни хакасов. Подобный подход к освещению газетами национальной темы формировал стереотипы об отсталости и неполноценности коренного народа Хакасии.

Не теряла своей актуальности проблема подготовки национальных кадров, особенно для промышленности и государственных учреждений. Материалы, посвященные этой теме, регулярно появлялись на страницах «Советской Хакасии» вплоть до 1937 г. Основной причиной низких темпов коренизации в этот период называлось то, что на местах не были созданы необходимые условия работы и отсутствовала помощь в процессе профессионального становления со стороны более опытных товарищей. В публикациях редко встречались обвинения в адрес конкретных виновных, отсутствовала характерная для начала 1930-х гг. категоричность суждений, выводы носили больше констатирующий характер.

На II пленуме Хакасского облисполкома Советов в марте 1937 г. был принят масштабный план мероприятий по активизации коренизационной работы в Хакасии и переводу делопроизводства на национальный язык. В 11 разделах документа были прописаны конкретные меры по подготовке национальных кадров и обеспечению условий их нормальной работы в госучреждениях и на промышленном производстве, а также степень ответственности и наказание виновных за неисполнение постановления¹². Анализ плана позволяет сделать вывод, что его реализация могла ускорить проведение коренизационной политики и перевод делопроизводства в автономии на национальный язык. Однако формулировки указаний, данных Пленумом («представить планы», «обсудить план», «обеспечить», «организовать систематический контроль», «регулярно заслушивать доклады» и т. д.), свидетельствуют, что реальных ресурсов и рычагов для проведения эффективной коренизации у местных властей не было.

План не был выполнен из-за массовых репрессий, в ходе которых руководители автономии, в том числе и подписавшие документ председатель областного исполнительного комитета

М. Торосов и ответственный секретарь исполкома Н. Кангаров, были «разоблачены» как «враги народа» и арестованы. Пик политических репрессий в Хакасии, как и в целом в стране, пришелся на 1937—1939 гг. Основным поводом к осуждению представителей коренного населения служило обвинение в буржуазном национализме. Начало публичной «разоблачительной» кампании в автономии положила статья «Беспощадно громить буржуазных националистов»¹³. Именно она, по нашему мнению, явилась политической основой репрессий среди национальных кадров в Хакасии, так как, обвиняя одного человека — начальника областного управления искусств И. В. Тогдина, «разоблачала» контрреволюционную сущность всей системы подготовки национальных кадров. Читателям внушалась мысль, что руководители, избалованные как «враги народа», помогали получить образование и престижную работу преимущественно «детям хакасских феодалов», «кулацким недобиткам» и другим враждебным советской власти элементам.

Идея о существовании некой «националистической организации» получила свое «подтверждение» в результате массовых арестов, допросов и «разоблачений». Репрессированными оказались не только руководители организаций, учреждений и предприятий, но и те, кого они поддерживали, выдвигали на различные должности или просто состояли с ними в дружеских или приятельских отношениях. После такой массовой «чистки» и громких процессов в обществе сформировалась и надолго сохранилась подозрительность к национальным кадрам. Сама же кампания по коренизации управленческого аппарата и процесс перевода делопроизводства на хакасский язык были свернуты.

Таким образом, можно констатировать, что коренизация в Хакасии в 1920—30-е гг. имела свои особенности, которые проявлялись, прежде всего, в том, что кампания проходила медленнее, чем в соседних автономиях, в частности в Ойротии (Горный Алтай). Но цели, основные направления, методы и планируемые результаты были схожими. Препятствиями для активизации кампании в Хакасии являлись межнациональные предрассудки и стереотипы, отсутствие учреждений профессионального образования и курсов подготовки управленческих кадров, низкие темпы ликвидации неграмотности, противодействие части руководи-

лей госучреждений и предприятий, несистемность интернационального воспитания жителей автономии. Ведя активную борьбу с шовинизмом и, в то же время, представляя помощь в проведении культурной и промышленно-технической революции в Хакасии как «милость» по отношению к угнетенному ранее и некультурному малочисленному народу, власть косвенно способствовала сохранению и развитию шовинистических настроений у населения. Репрессии среди представителей коренной национальности под лозунгом борьбы с буржуазным национализмом привели к выведению национального языка из делопроизводственной и межнациональной коммуникационной сферы, к свертыванию и дискредитации кампании по коренизации управленческого аппарата партийно-советских органов и промышленности.

Примечания

- ¹ Слово «индигенизация» происходит от английского *indigenous* — аборигенный, местный, туземный, врожденный, природный. Существует несколько вариантов русского перевода — отуземливание, почвенность, коренизация. В настоящее время под индигенизацией понимается укрепление цивилизационной независимости незападных культур и цивилизаций (*прим. ред.*).
- ² Скверно относимся к работникам хакасам выдвиженцам // *Власть труда*. 1928. 27 июля.
- ³ Там же. 14 дек.
- ⁴ *Захаркин*. Больше внимания подготовке национальных кадров // *Сов. Хакасия*. 1937. 5 марта.
- ⁵ Я предлагаю предвыборные и выборные собрания проводить на хакасском языке // *Власть труда*. 1929. 6 дек.
- ⁶ *Кититеев И.* Создать кадры национального пролетариата // *Сов. Хакасия*. 1931. 26 янв.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Шовинисты — враги социализма // Там же. 24 янв.
- ⁹ *Захаркин*. Указ. соч.
- ¹⁰ *Ковский Б.* Ругань, смех над хакасом Шурышевым проявляют работники в Облзу // *Сов. Хакасия*. 1931. 21 янв.
- ¹¹ *Борисов*. За непримиримую борьбу с шовинизмом // Там же.
- ¹² О состоянии коренизации советских, хозяйственных и кооперативных аппаратов и перевода делопроизводства на хакасский язык // *Сов. Хакасия*. 1937. 12 марта.

¹³ *Шафранов А.* Беспощадно громить буржуазных националистов // Там же. 20 сент.

С. А. Величко**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СИБИРИ
В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985—1991)**

Начало перестройки, провозглашение XIX Всесоюзной партийной конференцией курса на проведение политической реформы способствовало быстрой политизации населения, в большинстве своем поддерживавшем преобразования, начатые сверху. Так часто бывало уже в истории России: реформирование начиналось сверху, а затем происходила своеобразная реакция снизу в форме различных народных движений. Так произошло и в годы перестройки. Мы не можем назвать начавшееся общественное движение продолжением и порождением диссидентского движения ни идеологически (хотя нельзя исключать некоторого влияния), ни организационно. Преобразования, начатые Горбачевым, породили широкое общественное движение, которое приобрело массовый характер и организационное оформление.

В первых самостоятельных общественных образованиях в Сибири, обществах содействия перестройке, преобладала интеллигенция. Общество активных сторонников перестройки создали преподаватели Алтайского государственного университета в Барнауле. Союз содействия революционной перестройке (ССРП) в Томске первоначально действовал при парткоме Томского университета, его еженедельные собрания проходили в помещении университета. По своему социальному составу ССРП на 85 % состоял из представителей интеллигенции, из них 15 % имели ученую степень¹.

Преимущественно интеллигентскими по своему составу были «Союз содействия перестройке» (г. Омск) и «Комитет содействия перестройке» (г. Красноярск). Группа «Демократическое движение» из Новосибирска была образована из научных сотрудников Института математики, ядерной физики и Вычислительного центра СО АН СССР. «Байкальское движение» (г. Ир-

---

© Величко С. А., 2009

Величко Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и философии Омского юридического института. velichko01@mail.ru.

кутск) объединяло около 500 участников, в основном из числа научной, вузовской и творческой интеллигенции и молодежи.

Политические и дискуссионные клубы, созданные по всей Сибири на основе обществ содействия перестройке, имели также преимущественно интеллигентский состав. Создавались они при высших учебных заведениях, библиотеках. Основной целью подобных организаций было обсуждение возможных альтернативных вариантов развития перестройки. Формировались эти клубы стихийно, но собирались регулярно — в Омске дискуссионный клуб «Диалог» проводил встречи через две недели, «Клуб гражданских инициатив» Иркутска собирался еженедельно.

Количество дискуссионных и политических клубов, созданных в Сибири, было большим, чем ранее возникших союзов содействия перестройке (их было всего 18). Более 100 различных клубов активно работали, обсуждая различные аспекты политической жизни страны. На дискуссии в клубах разного уровня собиралось от 50 до 300 человек, преимущественно интеллигенция.

На выборах 1989 г. в Сибири впервые в советской истории были представлены альтернативные кандидаты, самое активное участие приняла интеллигенция, которая и одержала победу на выборах. Среди избранных народных депутатов СССР от Сибирского региона было 29,3 % представителей интеллигенции (ср.: в депутатском корпусе оказалось 21,3 % — рабочих и 16 % — крестьян, 26,7 % — партийных, хозяйственных и советских руководителей, 6,7 % военных²).

В 1989 г. общественное движение радикализировалось и выступило с лозунгом отмены шестой статьи Конституции СССР. И опять тон задавала интеллигенция, оказавшаяся у руководства наиболее крупного неформального объединения Сибири, возникшего в 1989 г., — Сибирской правозащитной ассоциации «Вена-89», которая имела свое информационное агентство (СИБИА) и прославилась выпуском «Пресс-бюллетеня СИБИА». Журнал издавался еженедельно, всего вышло около 40 номеров. Первые семь выпусков были сделаны на пишущей машинке тиражом в 100 экземпляров. С 8-го номера макет «Пресс-бюллетеня СИБИА» готовился на компьютере, распечатывался на принтере и размножался в Прибалтике при помощи ксерокса. На пике популярности тираж издания поднимался до 10 тыс. экземпляров. СИБИА ста-

вило задачу: распространение деидеологизированной, свободной и предельно объективной информации. Однако изначально издание заняло активную антикоммунистическую позицию. Главный редактор «Пресс-бюллетеня СибИА» А. П. Мананников был известен своими антисоциалистическими взглядами. Один из корреспондентов издания — М. Клименко в открытом письме коммунистам Новосибирской области заявлял: «Мы отрицаем коммунистическую идеологию из-за ее ставки на насилие»³. Основными методами борьбы против коммунистического режима, к которым призывала Сибирская правозащитная ассоциация, были проведение акций гражданского неповиновения, забастовок, голодных маршей и митингов⁴. Во многих городах Сибири были случаи, когда распространение «Пресс-бюллетеня СибИА» запрещалось. Как, например, в Доме политпросвещения Омского обкома партии представитель администрации Б. Гребенков не разрешил продавать его в фойе⁵. 30 июня 1989 г. в аэропорту Толмачево г. Новосибирска работниками МВД у сотрудника СПА «Вена-89» О. Рыжкова был конфискован 10-тысячный тираж 12-го номера «Пресс-бюллетеня СибИА». В нем был опубликован «Декрет о власти» академика Сахарова. Среди неформалов Сибири это вызвало всеобщее возмущение. В знак протеста были объявлены голодовки: в Новосибирске — 8 человек, в Омске — 3 (члены комитета «Сибирь» Ю. Халитов, Е. Шаталин, О. Томилов), в Красноярске — 1 (В. Салать). В Новосибирске голодовка началась 30 июня, в Омске и Красноярске — 1 июля. Голодающие располагались прямо на траве напротив местных обкомов партии. Редактор пресс-бюллетеня А. Мананников проводил голодовку на Красной площади в Москве⁶. 2 июля в Новосибирске состоялась демонстрация солидарности с голодающими. Долго она не продолжалась — была разогнана спецназом, арестованы 18 человек, в том числе 9 голодающих (8 объявивших голодовку в Новосибирске и вернувшийся из Москвы А. Мананников, производивший съемку на видеокамеру). Видеокамера была изъята и разбита спецназовцами⁷. После этих акций сопротивления власть была вынуждена вернуть конфискованный тираж. Осенью 1990 г. «Пресс-бюллетень СибИА» был зарегистрирован⁸, получил широкую известность и стал самым популярным читаемым неформальным изданием Сибири. Редакторам удалось создать

корреспондентскую сеть по всей Сибири и оперативно публиковать информацию. Филиалы СибИА были образованы в Омске, Томске, Иркутске, Улан-Удэ и других городах. Это первое и единственное неформальное общесибирское издание. «Пресс-бюллетень СибИА» выходил до июня 1990 г., затем вместо него стала выпускаться газета «Этап». СПА «Вена-89» также издавала журнал «Северный телеграф». СПА «Вена-89» и СибИА закончили свое существование в начале 1991 г., когда перестал выходить «Этап» и прекратилось регулярное вещание на радио «Свобода».

Народные фронты, созданные в 1989 г. с преобладанием интеллигенции во многих городах Сибири, также объединял антикоммунизм. Однако они были менее популярны и просуществовали очень недолго вследствие отсутствия объединяющей идеи (как, например, национальная в Прибалтике).

В 1989 г. в Сибири стали наиболее активными, созданные еще в 1988 г. при активном участии интеллигенции, отделения Демократического Союза (ДС, лидер — В. Новодворская), призывающие к ненасильственному демонтажу советской системы. Например, отделение ДС в Новосибирской области (около 80 человек)⁹ активно требовало введения в СССР многопартийной системы. Кроме того, в Новосибирске 3 августа 1989 г. был создан Сибирский Демократический Союз молодежи (СДСМ), объединявший сторонников идей ДС в возрасте от 14 до 21 года. Члены СДСМ встречались в Нарымском сквере каждое воскресенье после 14.00¹⁰.

В августе 1989 г. в Омске появилась и стала особенно активной антикоммунистическая группа «Свобода-89», созданная под девизом «Мы — не рабы, рабы — не мы»¹¹. Группа ставила своей целью коренное преобразование общественно-политического строя в нашей стране. На предстоящих выборах 1990 г. избирателям предлагался лозунг «Советы без коммунистов!» В листовках группа заявляла, что проводит свою агитацию по всей территории Сибири¹². Однако никаких фактов, подтверждающих это, в процессе исследования выявлено не было. В результате двухмесячной деятельности «Свободы-89» в конце сентября 1989 г. в Омске оформилось отделение ДС (14 человек, в основном молодежь), председатель — М. К. Трубин¹³. 5 октября 1989 г. в фойе администрации Центрального района Омска состоялась встреча-диспут ДС с работниками

аппарата ВЛКСМ. Присутствовало около 60 человек. С краткой историей ДС выступил О. Томилов, один из лидеров организации. Программа ДС была поддержана некоторыми представителями дискуссионного клуба «Диалог» и Омского народного фронта¹⁴. Основными формами деятельности Омского ДС стало распространение самиздата и проведение публичных акций.

В начале 1989 г. было образовано отделение Демократического Союза в Алтайском крае. Наиболее активно действовала Барнаульская группа ДС (24 человека), лидеры — И. Шкарпет, Б. Шленский. Основными методами деятельности Барнаульской организации ДС были «акции индивидуального протеста»: возложение венков из колючей проволоки к памятнику Ленину, демонстрации с плакатами антикоммунистического содержания¹⁵. Летом 1989 г. массовые беспорядки, организованные местной группой ДС, проходили в районном центре Волчиха. Было разбросано около 15 листовок с призывами: «Долой коммунистов!», «Да здравствует Демократический Союз!». Следует отметить, что организация ДС Волчиха была единственной в сельской местности Алтайского края¹⁶.

В 1989 г. была образована региональная организация ДС Красноярского края на основе активистов распавшейся Зеленой партии Красноярья. Отделение ДС насчитывало в своих рядах около 50 человек. Кроме того, отделения ДС существовали в Абакане, Норильске, Лесосибирске, Ачинске. Красноярский ДС выпускал журнал «Диссидент» (редакторы Е. Гончаров, Ю. Беньков), вышло 24 номера. В Абакане издавалась газета «Гражданин»¹⁷.

Отделение ДС Иркутской области было малочисленно. По оценкам лидера ДС в Иркутске П. Малых, отделение насчитывало около 30 человек, но это формирование было названо «устойчиво функционирующим», т. к. члены его имели партийные билеты, уплачивали членские взносы, выпускали периодическое издание — вначале под названием «Демократический вестник», затем — «Тихвинская площадь». Тираж издания был довольно-таки высок для самиздата — от 2 до 3 тыс. экземпляров¹⁸.

Кемеровское отделение Демократического Союза начало деятельность с января 1989 г., лидеры организации — В. Колесников, А. Куликов. Весной 1989 г. в Кемерово прошел совет партии, в котором принимала участие сама Валерия Новодворская.

За основу своей работы члены организации взяли распространение независимой литературы, пропаганду демократических идей, проведение акций гражданского неповиновения. Собирались члены Кемеровского ДС каждую субботу в 15.00 около Драматического театра (площадь у театра они называли «нашим Гайд-парком»), а также у ДК «Строитель»¹⁹.

Свои «Гайд-парки» имели и неформалы других городов Сибири. В Новосибирске для «Гайд-парка» местные неформалы выбрали Нарымский сквер, в Бердске — площадку у ДК «Родина», в Новосибирском Академгородке — территорию возле ДК «Академия»²⁰, в Омске — площадь у Торгового центра, в Иркутске неформалы встречались у памятника первопроходцам на бульваре Гагарина²¹. Собиралась везде преимущественно интеллигенция, распространяли демократическую литературу, устраивали дискуссии по актуальным политическим вопросам.

В Омске в обстановке строгой секретности 19 сентября 1989 г. было создано Агентство по распространению независимой прессы (АРН-Пресс). Основали его члены находившегося тогда в подполье Народно-трудового союза (НТС) А. Н. Кравцов и С. Э. Банных. Следует напомнить, что НТС — организация русских эмигрантов, возникшая в 30-е гг. с антикоммунистическими целями, постепенно распространявшая свою деятельность на территорию СССР. Свои идеи НТС в Омске стал пропагандировать с 1988 г. Членство в этой организации не афишировалось, существовало так называемое «закрытое» членство. АРН-Пресс работало по нескольким направлениям: распространение (продажа с рук) самиздата, распространение по подписке, продажа редких эмигрантских изданий. Президентом агентства являлся студент политехнического института С. Э. Банных. Сотрудники агентства (А. Н. Кравцов, А. Н. Ильин) неоднократно задерживались у Торгового центра милицией за распространение самиздата²². Организации НТС были и в других городах Сибири. Развернула свою деятельность Барнаульская организация Народно-трудового союза (15 человек), лидеры — А. Шведов, Б. Шленский. Члены НТС занимались распространением союзной литературы (журнальный вестник «Воля», газета «Посев»), предпринимались попытки создания собственной типографии²³.

Социальный состав неформальных общественно-политических организаций Сибири в 1989 г. оставался прежним: как и

раньше здесь превалировали научно-техническая и гуманитарная интеллигенция, студенчество. В деятельности неформальных организаций принимали участие также рабочие, пенсионеры.

Политически активная интеллигенция Сибири в 1989 г. стала критически относиться к проводимым в обществе преобразованиям и управленцам, претворяющим реформы в жизнь. В массовом сознании складывалось негативное отношение к партийно-хозяйственному аппарату, т. к. реформы не приносили ощутимых результатов. Ярко характеризуют изменения в общественном мнении лозунги Первомайских демонстраций 1989 г. На них в отличие от помпезных демонстраций прошлых лет в большом количестве были представлены самодельные плакаты. Время прохождения демонстраций по центральным улицам городов сократилось — в Барнауле демонстрация длилась 50 минут, в Тюмени — 37. Преобладали плакаты антибюрократической направленности. Так было на Первомайской демонстрации в Барнауле²⁴. На демонстрации в Тюмени, особенно в колонне Народного фронта, превалировали призывы, направленные против бюрократизма, требующие ускорения темпов перестройки: «Победим собственных бюрократов!», «Даешь дело!», «Перестройке — 4 года — что сделано для народа?», «Я волком бы выгрыз бюрократизм!»²⁵. В Омске на праздничной демонстрации неформалы шли в колонне Первомайского района двумя группами: представители дискуссионного клуба «Диалог» и Социально-экологического объединения. Впереди несли плакат: «Демократическое движение г. Омска». На праздничных транспарантах можно было прочесть лозунги: «Долой диктат бюрократии!», «Вся власть Советам народных депутатов, а не бюрократическим марионеткам!», «Товарищи! Выступим единым Народным Фронтом против бюрократического произвола!»²⁶. На Первомайской демонстрации в Иркутске превалировали лозунги с требованиями углубления избирательной реформы: «Даешь закон о референдумах!», «Мы — это и есть государство», «Даешь прямые выборы!»²⁷.

В конце августа — начале сентября по Сибири прошли митинги и сборы подписей избирателей с требованием отменить окружные предвыборные собрания и съезды народных депутатов как институты выборщиков. В Новосибирске с 28 августа члены городского клуба избирателей ежедневно с 16.00 до 18.00 проводили сбор

подписей под обращением в Верховный Совет РСФСР внести демократические поправки в проекты законов о выборах (было собрано несколько тысяч подписей). В «Пресс-бюллетене СибИА» было опубликовано обращение Демократического движения (ДД) Новосибирска с аналогичными требованиями²⁸. Сбор подписей за прямое и равное избирательное право проводил и Омский городской клуб избирателей. 3 сентября в Омске, а 7 сентября в Новосибирске состоялись митинги, требующие демократических выборов. В Новосибирске на митинге было даже высказано предложение о политической стачке как средстве давления на Верховный Совет РСФСР с целью внести поправки в законодательство о выборах. Это предложение поддержали представители ДД и ДС²⁹.

Массовые митинги общественности прошли и в День Конституции 7 октября. По инициативе Народного фронта состоялась манифестация на центральной площади Тюмени. Она длилась 4 часа, присутствовало более 1 тыс. человек, около 30 выступило. Ораторы говорили о глухоте бюрократии, несправедливости депутатского корпуса, нарушениях социальной справедливости. Манифестация стала свидетельством серьезного кризиса доверия к существующим структурам власти³⁰. В тот же день подобная политическая акция состоялась на площади у Драматического театра в Кемерово, традиционном месте сходов Демократического Союза. Митинг имел антикоммунистическую направленность: выступающие требовали отмены шестой статьи Конституции СССР. Здесь же распространялась литература ДС³¹.

13 октября в Новосибирске двое молодых людей — А. Соловьев и Д. Гагарин провели голодовку, выступая против шестой статьи Конституции СССР и обязательной службы в армии. У станции метро «Площадь Ленина» голодающие развернули плакаты: «Долой принудительное гражданство в СССР!», «Отказываемся служить в Советской армии и способствовать укреплению диктатуры КПСС». Вскоре их увели милиционеры. 30 октября в Новосибирске на центральной площади у памятника Ленину состоялся митинг, посвященный Дню политзаключенного³².

Радикальные лозунги можно было прочесть на транспарантах Омского Народного фронта на демонстрации, посвященной 72-й годовщине Октября: «Вся власть демократически избранным Советам!», «Фабрики — рабочим!», «Землю — крестья-

нам!», «Долой 6 статью Конституции СССР». Народнофронтовцы скандировали: «Да здравствует межрегиональная депутатская группа!» В объединенной колонне ОНФ и ДС присутствовало около 200—250 человек³³. С лозунгами «Мы сыты лигачевско-похитайловским “социализмом”», «Долой монополию КПСС на власть» шли члены ДС³⁴. На пересечении улиц Красный путь и Фрунзе произошел инцидент: неизвестные люди в штатском (4 человека) вторглись в колонну ДС, вырвали из рук и смяли лозунг «Долой монополию КПСС на власть». Несколько участников шествия, пытавшиеся сфотографировать происходившее, были задержаны с применением физической силы, пленка засвечена³⁵. Много радикальных лозунгов было в колоннах трудящихся города. Демонстранты Куйбышевского района несли транспарант: «Ура! Товарищи!?» Студенты Омского университета в колонне Советского района шли с плакатами: «Даешь многопартийную систему», «Омским студентам — независимую газету»³⁶.

На праздничной демонстрации в Кемерово 7 ноября также не обошлось без эксцессов. У студентов Кемеровского университета С. Печенкина и А. Гильдта прямо на центральной площади ОМОНОм был отобран трехцветный российский флаг³⁷.

Волна митингов и манифестаций особенно усилилась в связи со смертью советского правозащитника, активного члена МДГ, борца за отмену шестой статьи Конституции академика А. Д. Сахарова. В Тюмени прошел митинг напротив обкома партии. Манифестанты держали в руках плакаты следующего содержания: «6-я статья — убийца», «Тюменцы, выберем депутатов, достойных Сахарова»³⁸. Таким образом, ответственность за невнимательное отношение к идеям академика на съездах народных депутатов СССР и его смерть митингующие полностью возлагали на партийный аппарат, что вело к еще большему ожесточению граждан по отношению к властным структурам. Митинги памяти А. Д. Сахарова состоялись также в Новосибирске, Омске (17 декабря) и других городах.

Таким образом, мы видим, что в общественном сознании в течение 1989 г. сложился образ врага в лице КПСС. Если на первомайских демонстрациях требовали наказать отдельных бюрократов, ликвидировать социальную несправедливость, то на митингах и де-

монстрациях осени — зимы 1989 г. открыто выступали против КПСС, требовали отменить шестую статью Конституции СССР.

Правящая партия не нашла в себе силы, чтобы справиться со столь угрожающей ситуацией, так как сама находилась в кризисном состоянии. В 1989 г. брожение в партийных организациях Сибири усилилось и приобрело новые черты. Продолжался рост числа добровольно вышедших из партии³⁹. По Иркутской области выход из партии за 1989 г. увеличился в 5 раз, по Омской — в 9 раз, в Красноярском крае — в 10 раз⁴⁰. Все региональные партийные организации Сибири в 1990 г. из-за возросшего выхода численно сократились: в Кемеровской области — на 24,8 %, Тюменской области — на 22,8 % (Ямало-Ненецком АО — на 33,4 %), в Красноярском крае — на 21,19 %, Алтайском крае — на 19,3 %, в Томской области — на 18,8 %, Иркутской области — на 18 %, Новосибирской области — на 16,9 %, Омской области — на 16,5 %. Из приведенных выше данных мы видим, что наибольшие показатели сокращения партийных организаций были в Тюменской и Кемеровской областях и Красноярском крае — индустриальных районах с развитым рабочим движением. В целом по Сибири численное сокращение КПСС составило 19,79 %⁴¹. Это гораздо больше, чем в целом по стране. По СССР численность коммунистов в 1990 г. сократилась на 14 %⁴². Следовательно, именно в Сибири широкую поддержку получила «Демократическая платформа», лидеры которой после XXVIII съезда КПСС призывали коммунистов к выходу из ее рядов. Выход из КПСС в регионе принял более массовый характер, чем в среднем по стране.

После провала многих партийных лидеров на выборах 1989 г. по Сибири прошло широкое движение за отставку партийного руководства как не пользующегося доверием у граждан. Наиболее остро вопрос об отставке первого секретаря областной партийной организации встал в Тюменской области. После провала Г. П. Богомякова на выборах народных депутатов СССР по области стало шириться общественное движение, требующее отставки первого секретаря. На страницах областных газет публиковались критические письма. Например, в письме секретаря парткома НГДУ Суторминскнефть В. Дзядевича Г. П. Богомяков обвинялся в чрезмерном форсировании темпов добычи нефти и газа в области, недостаточной заинтересованности в развитии

социальной сферы во время всего 17-летнего нахождения на посту первого секретаря обкома партии⁴³. Отставки Г. П. Богомякова требовали в своем письме коммунисты Тюменского управления гражданской авиации. Послание авиаторов подписали 200 жителей Сургута на собрании Народного фронта этого города. Обращение авиаторов характеризовало кризис доверия рядовых коммунистов не только к руководству областной партийной организации, но и к членам Политбюро ЦК КПСС, поскольку в документе содержалось требование роспуска всего состава Политбюро и немедленной перестройки работы партии. На октябрьском пленуме Тюменского обкома КПСС (1989 г.) был рассмотрен вопрос о доверии первому секретарю. Г. П. Богомякову были сделаны замечания, и он вновь заручился доверием большинства членов обкома. Это вызвало бурную реакцию некоторых членов КПСС. Заведующий отделом пропаганды и агитации М. М. Метаков, воспользовавшись отъездом Г. П. Богомякова, опубликовал в «Тюменской правде» свое письмо, в котором обвинял первого секретаря обкома КПСС в авторитарном методе руководства, политиканстве, грубости, зажиме критики. После письма М. М. Метакова вопрос об отставке Г. П. Богомякова призвал обсудить Тюменский городской партийный клуб. С мнением М. М. Метакова согласились коммунисты, работающие в комсомоле, в частности первый секретарь обкома ВЛКСМ В. Миць, С. Сарычев и др. Отставка Г. П. Богомякова — основное требование постановления объединенного пленума Тюменского горкома и Калининского, Ленинского, Центрального райкомов КПСС⁴⁴. Поднявшаяся после публикации М. М. Метакова дискуссия привела к тому, что 10 января 1990 г. на бюро обкома Г. П. Богомяков обратился с просьбой освободить его от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию. Это решение подтвердил IV Пленум обкома КПСС, состоявшийся 18 января 1990 г. На Пленуме также было удовлетворено заявление бюро Тюменского обкома КПСС об отставке⁴⁵.

Расшатыванию КПСС изнутри способствовало повсеместное появление партийных клубов, стоящих на позициях радикальной реформы партии. Идеологическим ориентиром для многих из них был Московский партийный клуб «Коммунисты за перестройку» (создан в мае 1989 г. во главе с И. Б. Чубайсом и В. Н. Лысенко), а впоследствии с января 1990 г. — «Демократи-

ческая платформа в КПСС». Это одна из особенностей региона — подражательный характер деятельности местных общественно-политических движений, в основном ориентированных на деятельность подобных движений Москвы, Ленинграда и Урала. Действовали партийные клубы в Барнауле, Кемерово, Новокузнецке, Новосибирске, Омске, Томске, Тюмени, Сургуте, Ханты-Мансийске, Норильске и других городах и районах Сибири. Клубы не имели четко оформленной организационной структуры. Вопрос о создании вертикальных структур управления был отложен региональной конференцией партийных клубов, состоявшейся в Омске, до XXVIII съезда КПСС. Клубы были малочисленны. Например, в Новосибирске в собраниях партийного клуба принимало участие от 20 до 80 человек⁴⁶. Членами Омского партийного клуба «Обновление» признавали себя 44 человека⁴⁷. В Кемеровский партийный клуб вошло 40 человек⁴⁸. Но они имели большое влияние на общественное мнение благодаря активной деятельности своих членов, которая выделялась на фоне пассивности большинства официальных структур КПСС. Партийные клубы призывали к демократизации партии, повышению активности коммунистов, поиску новой роли и места партии в политической системе СССР. Но, как справедливо отметил Томский исследователь В. П. Андреев, многие деятели партийных клубов имели о демократии смутное представление — демократия для них была скорее символом⁴⁹.

В партийных клубах Сибири, созданных для демократизации КПСС изнутри, активные позиции занимала интеллигенция. 14 апреля 1990 г. в Омске состоялась региональная конференция партийных клубов Западной Сибири. В ее работе приняли участие 58 делегатов, в частности из Омска — 19, Новосибирска — 13, Томска — 11, Новокузнецка — 9, Кемерово и Тюмени — 5, Барнаула — 1. Подавляющее большинство делегатов составляла интеллигенция, рабочих было всего двое, 52 делегата имели высшее образование⁵⁰. На конференции положение в КПСС оценивалось как кризисное, содержался призыв поддержать российского Президента, консолидировать демократические силы в КПСС.

Избирательная кампания 1990 г. по выборам народных депутатов РСФСР и местных советов прошла при активном участии

интеллигенции. На выборах 1990 г. прослеживалась та же тенденция, что и в 1989 г. — сокращение среди кандидатов в народные депутаты числа женщин, рабочих и колхозников и одновременное возрастание доли интеллигенции. Среди кандидатов в народные депутаты РСФСР в Омской области было 8 женщин, 9 рабочих, 2 колхозника, 15 преподавателей вузов и научных работников⁵¹. В числе кандидатов в депутаты РСФСР от Томской области — всего 6 женщин и 1 рабочий, зато 56 представителей интеллигенции⁵².

Именно интеллигенция была инициатором проведения 25 февраля 1990 г. во всех крупных городах Сибири предвыборных митингов демократической направленности.

Митинг «Голосуем за демократию» состоялся 25 февраля на центральной площади Омска. В оргкомитет митинга вошли представители интеллигенции — члены Омского народного фронта и партийного клуба «Обновление» (А. В. Бабенко, Ю. Н. Леоничев, К. А. Чуркин и др.). Это мероприятие собрало на площади у обкома партии около 3—4 тыс. человек. Из почти 200 записавшихся на митинге выступили 34 человека⁵³. Эмоциональное воздействие на собравшихся оказали выступления народных депутатов СССР А. И. Казанника (выступил первым), А. В. Минжуренко, О. Н. Смолина, И. В. Мехи (все вузовские преподаватели). Сдержанно были встречены собравшимися выступления партийных лидеров А. П. Леонтьева и В. А. Варнавского.⁵⁴ Речь народного депутата СССР, первого секретаря Русскополянского райкома партии И. А. Назарова была прервана собравшимися как не отвечающая их негативистскому настрою по отношению к КПСС⁵⁵. Митинг прошел под девизом «За демократические выборы». Плакаты митингующих отражали негативный настрой против партии и других властных структур: «Мы — за немедленную ликвидацию монополии КПСС на власть!», «Мы поддерживаем оформление внутри КПСС Демократической Платформы», «КПСС — коренную демократическую реформу!». Были и более радикальные лозунги, выдвинутые ДС: «Марксизм-ленинизм на свалку истории!», «Обком в отставку!», «Долой культ Ленина!», «ДС — партия будущего!»⁵⁶. Митинг принял три резолюции. В общеполитической резолюции говорилось о том, что утрата доверия народа к власти делает невозможным продолжение пере-

стройки только сверху. Необходимо включение огромной политической энергии народа в проведение перестройки снизу через организованные политические, профессиональные и другие общественные движения. В своей резолюции основной объединяющей демократических сил митинг признал программу МДГ и призвал голосовать «против» безальтернативных кандидатов, «за» кандидатов — участников демократических блоков и движений⁵⁷.

По инициативе Клуба народного депутата СССР, Томского партийного клуба, Клуба избирателей Октябрьского района, Томского комитета избирателей, «Экологической инициативы» 25 февраля в Томске состоялась манифестация и митинг. На нем было принято «Обращение к избирателям Томской области», в котором главной целью признавалась борьба с тоталитарной системой. Для победного исхода этой борьбы, говорилось в документе, необходима народная консолидация вокруг истинно народных Советов. В конце обращения приводился список кандидатов в народные депутаты РСФСР от блока демократических сил города, за которых предлагалось проголосовать. Лозунги манифестантов были под стать принятому обращению: «Да здравствует Февральская революция 1990 г.!\», «Все общественно-политические силы — за “круглый стол”!\», «Отдадим голоса кандидатам, достойным доверия!»⁵⁸.

25 февраля в Барнауле состоялся подобный митинг, организованный по инициативе краевого общества содействия перестройке и независимого профсоюза «Единение». На митинге присутствовало несколько тысяч человек. Здесь ярко проявился негативный настрой общественности по отношению к представителям партийно-советского аппарата: были освистаны и захлопаны секретарь крайкома партии и заместитель председателя крайисполкома. Подавляющему большинству митингующих была безразлична личность оратора — негативную реакцию вызывал общественный статус выступавшего. В духе признания «начальственной виновности» была принята резолюция, в которой значился такой пункт: «Немедленно, после формирования новых Советов, создать депутатские комиссии по расследованию незаконных льгот и привилегий»⁵⁹. На митинге проявились особенности общественного сознания того времени, преобладали лозунги: «Долой партократию!\», «Даешь Советы без коммунистов!»⁶⁰. Представители Де-

мократического Союза даже подняли плакат «о продажных Советах» с рисунком в виде серпа, молота и свастики. Звучали призывы голосовать против представителей партийно-советской номенклатуры, против безальтернативных кандидатов⁶¹.

В Тюмени 25 февраля в конференц-зале ДКиТ «Геолог» прошло открытое собрание актива демократических организаций города. В нем приняли участие представители Ленинского райкома комсомола, клуба избирателей «Демократическая трибуна», НФ Тюмени, клуба афганцев «Каскад», городского партийного клуба. На конференции было заявлено о единстве всех демократических сил города на предстоящих выборах, о приверженности собравшихся идее мирного, демократического пути развития общества. Главной причиной отсталости России было названо господство административно-командной системы⁶².

«От власти номенклатуры к власти народа», «КПСС, подвинься», «Нет привилегиям», «Номенклатура, помни Румынию» — под такими лозунгами прошел митинг демократической общественности в Иркутске 25 февраля. На нем присутствовало более 2 тыс. иркутян, председательствовал член Клуба гражданских инициатив В. Наумов. Очень много говорилось о всевластии административного аппарата, о том, что так жить дальше нельзя. Высказывали возмущение по поводу безальтернативных выборов для отдельных работников аппарата. Зачитали обращение народного депутата СССР от Иркутской области, члена МДГ Г. И. Фильшина: «Ваше твердое “нет” заместникам и приспособленцам от парткратии поможет двинуть вперед дело перестройки»⁶³.

В Кемерово вместо митинга 25 февраля состоялась учредительная конференция Союза трудящихся Кузбасса г. Кемерово. На конференции господствовал негативный настрой по отношению к КПСС, которому ничего не смогли противопоставить присутствующие первый секретарь горкома и первый секретарь Центрального райкома КПСС⁶⁴.

В Новосибирской области 25 февраля состоялись 4 митинга и 1 шествие, на которых участвовало в общей сложности около 4 тыс. человек (по данным обкома КПСС), в том числе в Новосибирске 2 митинга и 1 шествие⁶⁵. Вопрос о численности присутствующих на митингах остается спорным. Например, А. П. Мананников полагает, что только на митинге у ГПНТБ присутствовало

не менее 25 тыс. человек⁶⁶. Эти данные представляются спорными, т. к. площадь у ГПНТБ в лучшем случае могла вместить лишь около 10 тыс. человек. Ярко выраженную антикоммунистическую направленность имели манифестация и митинг, прошедшие в Нарымском сквере г. Новосибирска, в традиционном месте проведения неформальных политических акций. Цель манифестации и митинга ставилась следующая — активизировать избирателей, познакомить с кандидатами в народные депутаты блока «Новая волна», призвать к выборам демократически настроенных кандидатов. Лозунги ярко характеризовали направленность митинга: «Голосуем за законы капиталистического мира, нет — законам социалистического лагеря», «КПСС — клан паразитов, самодуров, садистов», «Политработникам не место в МВД», «Если в округе один кандидат — вычеркни его», «Долой ленинизм, коммунизм не пройдет»⁶⁷.

На выборах 1990 г. на местном уровне коммунисты проиграли — в городские, районные и поселковые Советы коммунистов было избрано меньше половины. В республиканском, областных и краевых Советах коммунисты составляли около 80 % депутатского состава, но у них не было единства взглядов. Велико было влияние в этих Советах меньшинства (20 %), избранного из представителей демократических организаций Сибири. Основой для единства демократического меньшинства стала программа межрегиональной депутатской группы и негативный настрой по отношению к КПСС.

В дальнейшем все радикально настроенные силы Сибири, возглавляемые интеллигенцией, консолидировались в протопартийные структуры (местные отделения Республиканской партии РФ, Социал-демократической партии, Демократической партии), а затем сплотились вокруг движения «Демократическая Россия», которое смогло сокрушить советскую систему, но после 1992 г. — начала «шоковой терапии» наступило некоторое разочарование в реформах, падение политической активности интеллигенции.

Примечания

- ¹ Неформальная Россия : о неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР : (опыт справочника) / сост. В. Н. Березовский, Н. И. Кротов. М., 1990. С. 90.
- ² Подсчитано по: Государственный архив РФ. Ф. 7522. Оп. 13. Д. 51. Л. 71—72.
- ³ Пресс-бюллетень СибИА. 1989. № 20.
- ⁴ Там же. № 18.
- ⁵ Государственное учреждение Исторический архив Омской области (далее — ГУИсАОО). Ф. 9632. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- ⁶ Там же. Д. 70. Л. 2728; Д. 78. Л. 5—6.
- ⁷ Пресс-бюллетень СибИА. 1989. № 13.
- ⁸ Богданова М. Самиздат и политические организации Сибири и Дальнего Востока. М., 1991. С. 16, 31.
- ⁹ Новиков С. В. Социально-политическая система региона. Западная Сибирь. Омск, 2002. С. 35.
- ¹⁰ Пресс-бюллетень СибИА. 1990. № 2 (41).
- ¹¹ ГУИсАОО. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.
- ¹² Там же. Ф. 9623. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ¹³ Там же. Ф. 9632. Оп. 1. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Д. 6. Л. 1.
- ¹⁵ Зырянов Г. П. Сколько партий на Алтае // Диалог. 1991. № 5. С. 4 ; Кихотов Д. Демократический зуд // Диалог. 1990. № 10. С. 9 ; Алтайская правда. 1990. 24 апр.
- ¹⁶ Пресс-бюллетень СибИА. 1989. № 13.
- ¹⁷ Центр хранения и изучения документации новейшей истории Красноярского края (далее — ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 16. Д. 575. Л. 60 ; Богданова М. Указ. соч. С. 8, 28.
- ¹⁸ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее — ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 128. Д. 239. Л. 115 ; Богданова М. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁹ Пресс-бюллетень СибИА. 1990. № 2 (41) ; Казьмин В. Н. От правозащитного движения к многопартийности в России (1965—1990). Кемерово, 1997. С. 68.
- ²⁰ Борзенков А. Г. Политизированная аналитическая и дискуссионная деятельность молодежи на востоке России: возможности и пределы студенческой самодеятельности (1961—1991 гг.) // URL: http://www.zaimka.ru/08_2002/borzenkov_youth.
- ²¹ Советская молодежь. 1990. 12 апр.
- ²² ГУИсАОО. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

- ²³ Зырянов Г. П. Указ. соч. С. 4.
- ²⁴ Молодежь Алтая. 1989. 5 мая.
- ²⁵ Тюменская правда. 1989. 3 мая.
- ²⁶ ГУИсАОО. Ф. 17. Оп. 138. Д. 202. Л. 40 ; Ф. 9705. Оп. 1. Д. 52. Л. 1, 6 ; Ф. 17. Оп. 137. Д. 60. Л. 54.
- ²⁷ Советская молодежь. 1989. 4 мая.
- ²⁸ Пресс-бюллетень СибИА. 1989. № 23.
- ²⁹ Там же. № 24.
- ³⁰ Тюменская правда. 1989. 13 окт. ; Тюменский комсомолец. 1989. 11 окт.
- ³¹ Комсомолец Кузбасса. 1989. 12 окт.
- ³² Пресс-бюллетень СибИА. 1989. № 29.
- ³³ ГУИсАОО. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.
- ³⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 40. Д. 150. Л. 37 ; Ф. 9618. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.
- ³⁵ Там же. Ф. 9705. Оп. 1. Д. 14. Л. 150—152 ; Демократический Омск. 1989. № 2.
- ³⁶ ГУИсАОО. Ф. 17. Оп. 138. Д. 202. Л. 50—51.
- ³⁷ Пресс-бюллетень СибИА. 1989. № 33.
- ³⁸ Тюменский комсомолец. 1989. 21 дек.
- ³⁹ Подсчитано по: ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 232. Л. 33 ; Государственный архив Кемеровской области (далее — ГАКО). Ф. П-75. Оп. 69. Д. 2. Л. 13 ; Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 73. Д. 1. Л. 11 ; Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее — ЦХАФАК). Ф. П-1. Оп. 149. Д. 112. Л. 77 ; Оп. 151. Д. 59. Л. 24 ; ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 16. Д. 375. Л. 8 ; ГУИсАОО. Ф. 17. Оп. 137. Д. 103. Л. 60.
- ⁴⁰ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 232. Л. 33 ; ГУИсАОО. Ф. 17. Оп. 138. Д. 50. Л. 1 ; ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 16. Д. 375. Л. 8.
- ⁴¹ Подсчитано по: ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 155. Д. 1. Л. 21 ; Ф. П-10. Оп. 89. Д. 23. Л. 6 ; ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 355. Л. 5 ; ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 84. Д. 37 ; ГУИсАОО. Ф. 17. Оп. 139. Д. 7. Л. 13 ; ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 16. Д. 571. Л. 12 ; Красное знамя. 1991. 14 авг.
- ⁴² ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 375. Л. 3.
- ⁴³ Тюменский комсомолец. 1989. 22 сент.
- ⁴⁴ ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 82. Д. 101. Л. 41.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 124. Оп. 254. Д. 9. Л. 133.
- ⁴⁶ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 111. Д. 337. Л. 36.
- ⁴⁷ ГУИсАОО. Ф. 14. Оп. 40. Д. 153. Л. 12.
- ⁴⁸ Кузбасс. 1990. 28 марта.

- ⁴⁹ Андреев В. П. Участие интеллигенции Томска в выборах народных депутатов СССР 1989 г. // Культура: философия и история. Томск, 1994. С. 93.
- ⁵⁰ ГУИсАОО. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Ф. 17. Оп. 136. Д. 218. Л. 122 ; Вечерний Омск. 1990. 6 янв.
- ⁵² Красное знамя. 1990. 17 янв.
- ⁵³ ГУИсАОО. Ф. 9705. Оп. 1. Д. 12. Л. 108.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 138. Д. 56. Л. 4—5.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 9632. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 9623. Оп. 1. Д. 4. Л. 26—31.
- ⁵⁸ Красное знамя. 1990. 22, 23, 27 февр.
- ⁵⁹ Лушникова Л. Власть толпы или эйфория слова? // Диалог. 1990. № 3. С. 5.
- ⁶⁰ Мансурова В., Герасимов А. Демократия: молодежный аспект // Там же. № 7. С. 40.
- ⁶¹ Алтайская правда. 1990. 27 февр.
- ⁶² Тюменский комсомолец. 1990. 1 марта.
- ⁶³ Восточно-Сибирская правда. 1990. 27, 28 февр.
- ⁶⁴ Наша газета. 1990. 13 марта.
- ⁶⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 233. Л. 45.
- ⁶⁶ Ткаченко Г. И. Кто вы, Алексей Мананников? : (8 бесед с сенатором). Новосибирск, 1995. С. 85.
- ⁶⁷ Советская Сибирь. 1990. 27 февр.

ББК 74.583:63.3(2)-283.2

А. И. Аврус

**СВЕТОЧ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ
(К 100-летию Саратовского
государственного университета)**

© Аврус А. И., 2009

Аврус Анатолий Ихильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Саратовского государственного университета. avrus@rol.ru.

10 (23) июня 1909 г. император Николай II наложил резолюцию на принятый Государственной думой и Государственным советом закон «Об учреждении университета в городе Саратове»: «Быть посему». Так начался исторический путь одного из старейших российских университетов, сыгравших большую роль в развитии образования, науки и культуры в нашей стране.

Мысль об открытии в Саратове университета появилась в среде городской общественности еще во второй половине 1850-х гг., но до ее реализации прошло 50 лет. Такой долгий путь был связан с тем, что реальные условия для открытия в Саратове университета возникли только в конце XIX в., с одной стороны, и с курсом двух последних императоров на создание в стране узкоспециализированных вузов, а не университетов, с другой. Несмотря на многочисленные обращения Саратовской Городской думы к властным структурам в конце XIX — начале XX в. с просьбой открыть в городе университет или институт, положительного ответа получено не было.

Дело сдвинулось с мертвой точки только в 1906—1907 гг., когда встал вопрос о переводе Варшавского русского университета в какой-либо из российских городов. Саратов, выдвинувший свою кандидатуру, оказался в числе наиболее приемлемых претендентов. Побывавший в городе и выступивший на заседании Городской думы профессор Варшавского университета П. В. Никольский сообщал, что саратовцы полны желания иметь университет и готовы создать для этого самые благоприятные условия¹.

Депутацию Саратовской Городской думы в Петербурге принял П. А. Столыпин, глава правительства, заявивший, что он полностью поддерживает претензии Саратова на открытие университета². Благожелательно отнесся к просьбе саратовцев и министр народного просвещения П. М. фон Кауфман³.

Однако в связи с поражением первой русской революции и относительной нормализацией обстановки в Западных губерниях вопрос о переводе Варшавского университета был снят с повестки дня; это очень опечалило саратовцев, уже проникшихся мыслью, что в их городе скоро появится университет. Городская дума даже поставила вопрос об открытии временных университетских курсов, которые могли бы стать основой будущего университета. Но это предложение в Петербурге категорически отвергли, а

П. А. Столыпин еще раз подтвердил свою точку зрения — Саратову нужен только университет⁴.

В 1906 г. при Министерстве народного просвещения начала действовать комиссия во главе с профессором А. Н. Амалицким, которой было поручено подготовить материалы к открытию нового университета в России. Саратовская Городская дума, узнав о работе комиссии, отправила в Петербург своих представителей добиваться, чтобы местом для нового университета стал Саратов⁵.

Претендентов было много, но сразу стало ясно, что наибольшие шансы имели Воронеж и Саратов. Новый министр народного просвещения А. Н. Шварц больше поддерживал кандидатуру Воронежа, а П. А. Столыпин по-прежнему выступал за Саратов⁶.

На заключительном этапе поддержка главы правительства, с одной стороны, и то, что Саратов предложил наиболее благоприятные материальные условия для будущего университета, с другой, сыграли решающую роль в окончательном выборе Совета Министров Российской империи.

В конце 1908 г. Правительство внесло в Государственную думу законопроект о создании в Саратове университета первоначально в составе одного медицинского факультета, с последующим открытием остальных факультетов (такой вариант был использован в Томском университете). После обсуждения и принятия законопроекта Государственной думой он был передан в Государственный Совет, который быстро его одобрил и отправил на подпись императору. Надо отметить, что Саратовский университет был первым и фактически единственным в Российской империи, который открывался в результате обсуждения законодательным органом, а не просто по указу верховной власти. Первоначально университет получил наименование Императорский Саратовский, а с 6 (19) декабря 1909 г. — еще и Николаевский.

Университет создавался в Саратове, где не было предшественников в лице каких-либо высших учебных заведений. Поэтому вопрос о кадрах преподавателей стоял очень остро. Министерство народного просвещения назначило на 7 кафедр, необходимых для обучения первокурсников, профессоров из Казанского, Московского и Новороссийского (Одесского) университетов во главе с ректором В. И. Разумовским. Выбор ректора и первых профессоров оказался очень удачным, они внесли большой вклад

в организацию университета, обеспечили прием студентов (первый набор состоял из 92 студентов и 14 вольнослушателей) и начало занятий 23 сентября (6 октября) 1909 г. Первоначально университет был размещен в переоборудованном здании Фельдшерской школы Российского санитарного общества, ему предоставили для практических занятий и лечения больных помещения и палаты нескольких городских и земских больниц. На первое полугодие существования университету было выделено из средств Государственного казначейства 45 807 руб., из них 7500 руб. предназначались на стипендии студентам. Одновременно на строительство и оборудование университетских зданий намечалось ассигновать не более 3 306 709 руб.⁷

6 (19) декабря 1909 г. прошло торжественное открытие Саратовского университета, во время которого был заложен первый камень в фундамент будущего 1-го университетского корпуса⁸. Для размещения зданий университета Городская дума выделила большую территорию недалеко от железнодорожного вокзала, а затем еще участок для строительства университетских клиник.

Летом 1910 г. началось строительство университетского городка, и в течение четырех лет было возведено 4 прекрасных корпуса, ставших архитектурным украшением города. По признанию современников, по красоте зданий и оборудованию подобных университетов тогда не было в России. Строительство проводилось по проектам и под руководством замечательного архитектора-строителя К. Л. Мюфке. Он же приступил к сооружению Клинического городка, которое из-за Первой мировой и Гражданской войн растянулось на длительный срок.

Следует отметить, что строительство университета началось с учебных корпусов, а сооружение административного здания было отложено на вторую очередь, и фактически построено только к 2000 году. При возведении университетских корпусов предусматривалось, чтобы они служили не только учебным, но и научным целям, поэтому 1-й и 2-й корпуса имели надпись на фронтоне: Институт экспериментальной медицины, а 3-й корпус — Физический институт. Этот корпус с самого начала был задуман для развертывания в нем физико-математического факультета. Кроме того, в каждом корпусе оборудовались помещения для различных лабораторий, как медицинских, так и естественнонаучных.

Из года в год число студентов в Саратовском университете росло, достигнув к 1 января 1917 г. более тысячи. Открывались новые кафедры: их количество увеличилось с 7 в 1909 г. до 29 в 1914 г. В университете появлялись новые профессора, ставшие корифеями отечественной науки. Среди них были будущие академики АН СССР С. И. Спасокукоцкий (выдающийся хирург) и А. А. Богомолец (патологоанатом), будущий член-корреспондент АН СССР В. В. Челинцев (химик-органик), академики АМН СССР С. Р. Миротворцев (хирург) и В. И. Скворцов (фармаколог) и др. Под их руководством начали формироваться научные школы — неперенное условие высокого рейтинга университета. В одном из первых наборов Саратовского университета оказался А. Н. Бакулев (ставший учеником С. И. Спасокукоцкого), в будущем выдающийся хирург, академик АН СССР, Президент АМН СССР.

С первых дней организации университета особое внимание было обращено на создание университетской библиотеки, которая складывалась, в основном, из частных пожертвований и быстро выросла до крупных масштабов, когда в нее стали поступать книжные собрания таких людей, как, например, бывший саратовский губернатор Галкин-Враский (более 7 тыс. томов). Ютившаяся первоначально в одной комнате частного дома, а затем в нескольких помещениях другого здания, библиотека в 1914 г. переехала в 3-й корпус университетского городка, заняв значительную его часть более чем на 40 лет.

Окрепнув и обзаведясь собственными зданиями, университет все настойчивее ставил вопрос об открытии остальных факультетов, но до 1917 г. этот вопрос не решался. В годы Первой мировой войны многие выпускники и преподаватели университета проявили свой патриотизм и профессиональные навыки на полях сражений и в госпиталях, возвращая в строй тысячи воинов. В течение года в 1—3-м корпусах университета размещались лазареты, в которых пребывало одновременно до 500 раненых. В 1915 г. эти помещения были возвращены университету в связи с эвакуацией в Саратов факультетов Киевского университета.

Знаменательным событием в жизни Саратовского университета явилось разрешение с осени 1915 г. принимать на оставшиеся незаполненными места представительниц женского пола. С этого времени число принятых на учебу женщин увеличива-

лось с каждым годом. Среди преподавателей и сотрудников Саратовского университета первая женщина появилась еще в 1913 г., но массовым это явление стало только с 1915 г.

1917 г. принес коренные перемены в жизнь страны, не обошли они стороной и Саратовский университет. Его коллектив приветствовал победу Февральской революции и приложил немало усилий к перестройке работы в новых условиях⁹. Временное правительство решило, наконец, вопрос об открытии в университете историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов. С осени 1917 г. они приступили к работе, в Саратове появилось много крупных ученых — гуманитариев, математиков и естественников. Число студентов выросло к 1 января 1918 г. до 2 тыс.

Первым деканом историко-филологического факультета был назначен выдающийся российский философ С. Л. Франк, кафедры этого факультета возглавили такие крупные ученые, как литературоведы и лингвисты В. М. Жирмунский (будущий академик АН СССР), Н. К. Пиксанов (избранный впоследствии членом-корреспондентом АН СССР), Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский (всемирно известные слависты, ставшие также членами-корреспондентами АН СССР), Р. М. Фасмер (иностраный член-корреспондент АН СССР). Первым деканом физико-математического факультета был избран профессор физики В. Д. Зёрнов, математику преподавали В. В. Голубев и И. И. Привалов (в будущем члены-корреспонденты АН СССР), курс механики начали читать будущие академики АН СССР Н. Н. Андреев и Л. С. Лейбензон. Первым физиком-теоретиком в Саратовском университете был всемирно известный ученый С. А. Богуславский, а астрономию первый год преподавал крупнейший специалист, академик Петербургской академии наук А. А. Белопольский. Лекции по гидрогеологии читал Ф. П. Саваренский (основатель отечественной инженерной геологии, академик АН СССР), по палеонтологии — Н. Н. Яковлев (будущий член-корреспондент АН СССР). На юридическом факультете работали видные правоведы: Н. В. Болдырев (первый декан), С. Ф. Кечекьян, И. К. Козьминых, Г. Г. Тельберг. С включением в 1918 г. в состав университета сельскохозяйственного института, переименованного в агрономический факультет, в Саратовском университете начал работать профессором великий ученый-генетик Н. И. Вавилов, почвоведение преподавал

В. П. Бушинский (впоследствии ставший членом-корреспондентом АН СССР и академиком ВАСХНИЛ).

Такое созвездие талантливых ученых, молодых и уже достаточно известных, обеспечило высокий уровень преподавания в университете и серьезное отношение к научно-исследовательской работе даже в самые тяжелые годы Гражданской войны. Не случайно Саратовский университет не прерывал своей деятельности и во время голода 1921—1922 гг. Об этом вспоминал профессор В. Д. Зёрнов, бывший в 1918—1921 гг. ректором и много сделавший для сохранения коллектива и обеспечения его бесперебойной работы¹⁰.

В годы Гражданской войны в связи с новыми правилами приема число студентов в Саратовском университете выросло к 1 января 1920 г. до 16 тыс., они обучались на медицинском, физико-математическом, агрономическом, рабочем факультетах и факультете общественных наук.

В 1920-е гг. Саратовский университет, как и все университеты страны, переживал массовые реорганизации, борьбу за изменение социального состава студенчества путем чисток, вытеснение старой профессуры, создание новых факультетов, их слияние и разукрупнение, коренные перемены в методах преподавания и т. д. Все это не могло не сказаться на качестве выпускавшихся специалистов, на уровне научной работы, которой уделялось все меньше внимания.

Казалось, что к концу 1920-х гг. ситуация с университетами стабилизировалась. В Саратовском университете к этому времени на медицинском, педагогическом, хозяйства и права, химическом и экономическом факультетах училось до 3,5 тыс. студентов, работало свыше 60 профессоров и докторов наук, в научной библиотеке насчитывалось свыше 800 тыс. томов. Но в это время в стране развернулась массовая кампания против университетов. Их называли пережитками феодальной эпохи, выпускающими, в основном, никому не нужных специалистов, далеких от задач социалистического строительства¹¹. Начался процесс разукрупнения университетов, выведения из них факультетов для создания узкоспециальных вузов, ликвидации в них гуманитарного образования. Ряд университетов прекратили существование: Дальневосточный, Пермский, Иркутский и др.

Пережил тяжелый кризис и Саратовский университет: на основе медицинского, педагогического факультетов, факультета хозяйства и права в Саратове образовалось 8 вузов. В университете осталось всего около 700 студентов и 13 преподавателей, библиотека лишилась половины книжного фонда, вновь организованным институтам отошла часть университетских корпусов и общежитий, много оборудования. Университет был обескровлен.

Но уже со второй половины 1931 г. в руководстве страны осознали необходимость сохранить университеты, превратить их в центры подготовки научных работников, преподавательских кадров для вузов, техникумов и средней школы. Началось постепенное восстановление университетов, возрождение многих элементов дореволюционной университетской системы, за исключением автономии. В Саратовском университете в 1931—1932 гг. вновь появляются факультеты, первоначально только естественные (биологический, геолого-почвенно-географический, физико-математический и химический), а в 1935 г. исторический.

Расцвет университета в середине 1930-х гг. связан с деятельностью директора (так в 1930—1938 гг. именовались руководители университетов) Г. К. Хворостина, который проявил себя как выдающийся администратор, сумевший привлечь в Саратов многих крупнейших ученых, создать нормальные условия для их научно-педагогической деятельности. Достаточно сказать, что в эти годы в СГУ работали такие ученые, как математики И. Г. Петровский, А. Я. Хинчин, А. Г. Курош, В. В. Вагнер, физики Д. И. Блохинцев, Е. Ф. Гросс, В. П. Жузе, химик Б. П. Никольский, физиолог растений Н. А. Максимов, историк А. М. Панкратова (большинство из них впоследствии стали академиками и членами-корреспондентами Академии наук СССР). В качестве научных сотрудников в библиотеку СГУ были зачислены сосланные в Саратов академики АН СССР В. Н. Перетц и Д. Б. Рязанов. За один год в университете вдвое увеличилось число профессоров и докторов наук, удалось добиться ассигнований на проектирование строительства новых университетских корпусов. Однако в 1937 г. Г. К. Хворостин был репрессирован, а вслед за ним и значительная часть преподавателей и студентов университета. Многие из крупных ученых, приглашенных им в университет, покинули Саратов. Это нанесло большой

ущерб СГУ, достигнутое при Г. К. Хворостине количество докторов наук и профессоров было восстановлено только почти через 30 лет.

Накануне Великой Отечественной войны СГУ входил в число ведущих университетов страны, имел 6 факультетов (геолого-почвенно-географический был разделен в 1938 г. на географический и геолого-почвенный), более 1500 студентов, хорошую научную библиотеку, неплохие перспективы дальнейшего развития (намечалось открыть филологический, юридический, экономический и философский факультеты).

В годы Великой Отечественной войны коллектив университета внес свой немалый вклад в дело победы. Свыше 600 преподавателей, сотрудников, студентов СГУ во главе с ректором доцентом Д. И. Лучининым пошли воевать с фашистским агрессором, и многие из них отдали свои жизни за свободу и независимость страны. Оставшиеся в университете самоотверженно работали на трудовом фронте (уборка урожая, замещение ушедших на фронт рабочих оборонных предприятий, заготовка топлива, строительство первых в стране газопроводов: Елшанка — Саратов, Саратов — Москва, сооружение оборонительных рубежей на подступах к городу и т. д.). В самых трудных условиях войны университет продолжал выполнять свою основную задачу: обучать студентов и выпускать высококвалифицированных специалистов.

Особой страницей в истории университета тех суровых лет было пребывание в стенах СГУ Ленинградского университета (1942—1944 гг.), эвакуированного из блокадного города. Саратовцы во главе с ректором университета В. А. Артисевич делали все возможное, чтобы ленинградские коллеги быстро восстановили свои силы после холодной и голодной блокадной зимы и приступили к работе.

Вскоре после прибытия в Саратов Ленинградский университет развернул свою учебную и научную деятельность вместе с саратовскими коллегами, за два с лишним года намного увеличился студенческий контингент, было выполнено множество особо важных работ для фронта, проведена большая просветительская работа среди населения. Созданные совместными усилиями ленинградских и саратовских ученых два лектория стали центрами культурно-просветительской деятельности в городе.

После эвакуации ленинградцев на завершающем этапе войны Саратовский университет продолжал вносить свой достойный вклад в дело победы. За годы войны из стен университета вышло более 1200 высококвалифицированных специалистов, 6 сотрудников защитили докторские диссертации и 13 — кандидатские. В 1945 г. СГУ был отнесен к I категории университетов, в нем появились новые факультеты в результате разделения историко-филологического и физико-математического факультетов. В таком составе СГУ просуществовал в течение более 40 лет.

Послевоенные годы стали новым этапом в истории Саратовского университета¹². Он характерен тем, что после длительного перерыва началось строительство в университетском городке. При активном участии коллектива (студентов, преподавателей и сотрудников) были построены 5-й корпус (биологического факультета) и здание Научной библиотеки, которые органично вписались в университетский ансамбль, при этом здание библиотеки стало одной из визитных карточек города. В то время (вторая половина 1950-х гг.), пожалуй, ни один университет в стране не имел такого библиотечного помещения. Большая заслуга в создании библиотеки принадлежала директору Вере Александровне Артисевич, которая 67 лет (!) ее возглавляла и именем которой она теперь называется.

По инициативе студенческого актива в конце 1950-х гг. в СГУ появилась общественная организация, которая взялась за строительство университетских общежитий, а затем и кооперативных домов. Возглавляли ее студенты А. Кузьмичев (историк) и А. Блинов (физик). Они дошли до ЦК ВЛКСМ и Совета Министров СССР и сумели добиться открытия финансирования строительства 4-го общежития университета, построенного силами студентов и одного из строительных трестов города за 9 месяцев. Вскоре возле этого общежития стали возводиться корпуса других университетских общежитий (5-го и 6-го), а затем и ряда вузов города. Образовался целый студенческий городок в сравнительно благоприятном в экологическом отношении районе города. Рядом с общежитиями был заложен, наконец, Ботанический сад университета, ставший местом для научной работы биологов и проведения практики студентов. Уже вскоре после открытия Бо-

танический сад успешно выступал на выставках цветов, демонстрируя вновь выведенные сорта растений.

В послевоенные годы в университете были открыты три научно-исследовательских института (геологии, химии, механики и физики), что способствовало усилению связи науки с преподаванием и повышению уровня подготовки специалистов на большинстве факультетов. В связи с развитием в Саратове радиоэлектронной промышленности несколько лет в университете существовал 2-й физический факультет, который обеспечил предприятия и конструкторские бюро этой отрасли высококлассными специалистами.

В 1947 г. в средних школах было введено преподавание логики и психологии. В целях подготовки преподавателей по этим предметам на филологическом факультете СГУ открылось отделение логики и психологии, просуществовавшее 7 лет. В 1972 г. отделение психологии было восстановлено в университете, но на биологическом факультете. В том же 1947 г. почвенное отделение перевели с геологического факультета на биологический, где оно действовало до середины 1950-х гг. В 1960-е гг. в университете было открыто романо-германское отделение филологического факультета, первоначально вечернее, а затем и дневное.

В конце 1950-х гг. в университете был создан Вычислительный центр и 4 научно-исследовательские лаборатории: полупроводников, ядерной физики, радиоэлектроники, гидрирования и катализа. Для последней рядом с 3-м корпусом возвели специальный химический павильон. ВЦ и новые лаборатории позволили намного расширить объем научно-исследовательской работы на физическом и химическом факультетах, вовлечь в нее много студентов. На физическом факультете появилось Студенческое конструкторское бюро (СКБ), которое приступило к выполнению производственных заказов, в том числе и оборонных предприятий. Из числа студентов, начавших свой путь в науку в СКБ, вышло немало организаторов производства, крупных ученых, руководителей учебных заведений, научно-исследовательских институтов.

Послевоенный период знаменателен и тем, что новые научно-преподавательские кадры для университета готовились на его факультетах, приезжих преподавателей и сотрудников становилось все меньше. Именно в послевоенные годы университет закончили такие крупные ученые, как академики АН СССР и РАН

В. В. Румянцев и П. Л. Ульянов (математики), Ф. П. Митенков и Л. П. Пятаевский (физики), члены-корреспонденты этих академий Г. И. Худяков (геолог), Д. И. Трубецков и А. В. Чаплик (физики), сотни докторов наук и тысячи кандидатов наук, лауреаты Ленинской, Сталинской и Государственной премий, видные партийно-советские работники, руководители крупных предприятий и целых отраслей производства, деятели культуры.

С конца 1950-х гг. в СГУ, как и в вузах страны в целом, быстрыми темпами развивались отделения заочного и вечернего обучения, и к середине 1960-х гг. учащиеся этих отделений составляли почти половину всех студентов, а на историческом факультете — абсолютное большинство.

В начале 1950-х гг. Саратовский университет получил от Министерства высшего образования СССР разрешение на разработку индивидуальных планов по большинству специальностей. Составленные в университете учебные планы предусматривали увеличение часов на специализацию, которая начиналась теперь с 4-го семестра, и сокращение преподавания дисциплин, которые назывались дополнительными, что не всегда было оправданно. Например, на историческом факультете было отменено преподавание географии и намного сокращены часы по истории литературы, а на филологическом факультете — по отечественной истории.

В 1954 г., по инициативе заведующего кафедрой физического воспитания В. Я. Киселева, университет начал осваивать расположенный в 40 км от города волжский остров Чардым, где был создан прекрасный спортивно-оздоровительный летний лагерь, пользующийся большой популярностью у студентов и сотрудников до сегодняшнего дня.

В начале 1960-х гг. энтузиасты культурно-просветительской работы организовали университетский Клуб культуры, который возглавил тогда студент исторического факультета М. А. Пинхасик. Ныне заслуженный работник культуры РФ, он руководит им до настоящего времени. Клуб культуры объединил всю студенческую самодеятельность, проводил и проводит большую культурно-просветительную работу, является любимым местом досуга нескольких поколений универсантов Саратова. Из участников университетской самодеятельности вышли народная артистка РФ режиссер В. Ефремова, актриса Московского театра им. Пушкина

Н. Марушина, заслуженный артист Карельской АССР баритон В. Красильников, режиссер Ленинградского телевидения В. Геллер, руководитель театра кукол в Саратове А. Авдонин и др.

В течение ряда лет (1949—1955 гг.) в университете учились студенты из стран народной демократии (ГДР, КНР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии). Они, в основном, были на историческом и филологическом факультетах, способствовали установлению дружеских отношений между студентами разных стран. К сожалению, в 1955 г. Саратов стал закрытым городом, и зарубежных студентов перевели учиться в другие города.

Со второй половины 1950-х гг. в студенческую жизнь вошло новое понятие — третий трудовой семестр. Впервые его испытывали в 1956 г. учащиеся, окончившие 1-й курс физического факультета, когда их на два месяца направили на уборку урожая в целинные совхозы Саратовской области. Студенты неплохо потрудились и внесли свой вклад в получение 100 млн пудов зерна, которые Саратовская область впервые поставила государству. Лучшие были удостоены правительственных наград. Среди них студенты-физики СГУ Д. И. Трубецков (будущий ректор университета) и Р. Д. Кашина. В следующие годы количество студентов, направляемых на уборку урожая, постоянно увеличивалось, а в конце 1960-х гг. в СГУ появились первые студенческие строительные отряды (ССО), число которых достигло в 1970—80-е гг. более 40. Клуб культуры СГУ каждое лето формировал агитбригады, обслуживавшие студентов, занятых на уборке урожая и строительных работах. Уровень исполнительского мастерства этих агитбригад был настолько высок, что ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС направляли их на самые ударные стройки страны (БАМ, газопровод Средняя Азия — Центр и др.).

В 1950—80-е гг. ученые Саратовского университета внесли немалый вклад в развитие отечественной и мировой науки. В университете был создан ряд ведущих научных школ в физике (профессора В. И. Калинин, П. В. Голубков, А. Д. Степухович, М. Л. Кац, Э. И. Кирьяшкина), математике и механике (профессора В. В. Вагнер, Н. Г. Чудаков, Н. П. Купцов, А. М. Богомолов, А. П. Хромов, С. В. Фалькович), химии (профессора А. А. Пономарев, И. С. Мустафин, А. Л. Львов, В. Г. Харченко), биологии (профессора С. С. Хохлов, А. А. Чигуряева, В. В. Игнатов), геологии

и геоморфологии (профессора В. Г. Очев, В. П. Философов, Д. С. Коробов), литературоведении и языкознании (профессора А. П. Скафтымов, Е. И. Покусаев, О. Б. Сиротинина, Л. И. Баранникова, Е. П. Никитина), истории и археологии (профессора Л. А. Дербов, И. В. Сеницын, А. Ф. Остальцева, С. М. Стам, В. Г. Борухович, Г. А. Герасименко). Большую роль в развитии исторических и литературоведческих исследований сыграла деятельность в 1947—1957 гг. крупного ученого профессора Ю. Г. Оксмана. Научные достижения университетских ученых позволили им возглавить творческие коллективы научных работников всех вузов Поволжского региона, а СГУ стал координатором исследовательской работы по многим направлениям фундаментальных наук.

Успехи в научной работе университета тесно были связаны с ростом остротенности преподавательского состава. На всех факультетах появилась возможность защищать кандидатские диссертации, но первоначально только на биологическом — докторские. Поэтому если число доцентов и кандидатов наук в СГУ быстро росло: с 49 в 1946 г. до 177 — в 1964 г., то численность докторов наук и профессоров мало изменялась на протяжении десятилетий, ибо в год проходило всего 2—3 защиты. Только в первой половине 1960-х гг. появились доктора наук на историческом и географическом факультетах и кафедрах общественных наук.

Достижения Саратовского университета в 1950—60-е гг. в учебной, научной, культурно-просветительской сферах в значительной степени связаны с руководством ректора профессора Р. В. Мерцлина.

В октябре 1959 г. Саратовский университет торжественно отметил 50-летие своего существования. За успехи в подготовке педагогических и научных кадров он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, правительственных наград была удостоена группа преподавателей и сотрудников университета.

В конце 1950-х гг. в Саратовском университете было создано научное издательство, вскоре ставшее одним из крупнейших в стране. Это обеспечило регулярный выпуск монографических исследований и сборников статей, получивших высокую оценку научной общественности страны. За первые пять лет своей деятельности издательство выпустило труды более 450 сотрудников

университета, в том числе 32 монографии, в большинстве своем ставшие основой докторских диссертаций.

Во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. Саратовский университет, как и все университеты страны, переживал сложные времена. В эти годы снизился престиж университетского образования, что привело к уменьшению конкурсов абитуриентов. Университетская наука получала средства по остаточному принципу, университетские лаборатории и НИИ не имели современного оборудования. Количество студентов в университете росло, а новое строительство за ним не поспевало. В 1960—70-е гг. в виде пристроек к 3-му и 5-му корпусам были сооружены 8-й и 9-й корпуса, резко отличавшиеся от старых зданий в худшую сторону и по архитектурному облику и по внутреннему устройству. Университету также предоставили корпуса бывшего химического училища, которые, несмотря на проведенный ремонт, мало были приспособлены под университетские помещения. Образовался второй университет-городок, состоявший из 6-го и 7-го учебных корпусов и ряда подсобных помещений и находившийся недалеко от основной территории.

Научный потенциал СГУ и других саратовских вузов дал основание в конце 1970-х гг. поставить вопрос о превращении Саратова в один из центров академической науки. В результате правительственных решений в городе появились академические институты (Институт аграрных проблем и Институт биохимии и физиологии растений и микроорганизмов) и их филиалы (Институт радиологии АН СССР), большую часть сотрудников которых составили выпускники или работники университета. Это способствовало укреплению связи университета с академической наукой, особенно на физическом, географическом, историческом, биологическом, химическом факультетах и кафедрах общественных наук.

К середине 1980-х гг. в СГУ действовали докторские диссертационные советы почти на всех факультетах. Поэтому более 50 % преподавателей имели ученые степени, а количество профессоров и докторов наук впервые в истории университета превысило 70 человек.

Годы перестройки, как и для всех университетов страны, были неоднозначны для Саратовского университета. С одной стороны, резко сократилось бюджетное финансирование, что сказа-

лось на всех сферах университетской жизни (не было средств на новое строительство и капитальный ремонт корпусов и общежитий, приобретение необходимого оборудования, уменьшилось число производственных практик, почти прекратились научные командировки, резко сократилось поступление книг и периодических журналов в Научную библиотеку, в связи с инфляцией понизился уровень жизни преподавателей и сотрудников, а также студентов), с другой стороны, расширились возможности для развития фундаментальных наук, особенно гуманитарных, ослабевала цензура, стали устанавливаться постоянные и разнообразные связи с учеными зарубежных стран, в том числе и капиталистических.

На гуманитарных факультетах и кафедрах общественных наук готовились новые общие и специальные курсы, менялась и расширялась тематика спецсеминаров и дипломных работ. Так, на филологическом факультете начали изучать творчество А. И. Солженицына, В. В. Набокова, М. И. Цветаевой, на кафедре философии приступили к освоению богатейшего философского наследия Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Г. П. Федотова и других мыслителей русского зарубежья.

В 1990 г. Саратов перестал быть закрытым городом и появилась возможность приезда зарубежных ученых. Одним из первых университет посетил профессор истории университета Северной Каролины (Чапел Хилл) Дональд Рейли, значительная часть исследований которого посвящена Саратовскому Поволжью. С этого времени он почти ежегодно приезжает в Саратов, работает в архивах и библиотеках, участвует в научных конференциях, публикуется в университетских изданиях.

Несмотря на все трудности, в годы перестройки продолжалась научная работа преподавателей и сотрудников университета, что отразилось в защите около 40 докторских и свыше 200 кандидатских диссертаций. В результате к концу 1991 г. в СГУ было около 90 профессоров и докторов наук и более 400 доцентов и кандидатов наук. В эти годы в СГУ после долгого перерыва появилось два члена-корреспондента АН СССР: вернувшийся в родной университет из Владивостока крупный специалист по геологии, геоэкологии и географии, лауреат Государственной премии СССР Г. И. Худяков и вновь избранный известный ученый в области радиоэлектроники и нелинейной динамики Д. И. Трубецков,

вся жизнь которого связана с нашим университетом. Ректор профессор А. М. Богомолов был избран действительным членом РАЕН. Профессор П. С. Кузнецов стал почетным членом Географического общества СССР.

Во второй половине 1980-х гг. в Саратовском университете было открыто несколько новых кафедр и учебно-научных лабораторий, отвечавших запросам науки и производства. Так, на физическом факультете появились кафедры прикладной физики, теоретической и математической физики, физики атомного ядра и элементарных частиц, лаборатория полупроводниковой электроники; на механико-математическом факультете — кафедра дискретного анализа; на химическом факультете создали лабораторию вычислительных методов в химии.

По-прежнему существовал третий семестр, и большинство студентов участвовали в сельскохозяйственных и строительных работах, но постепенно их число сокращалось. Уменьшалось количество занимавшихся спортом и художественной самодеятельностью, так как многим студентам приходилось подрабатывать. В то же время в университетском клубе культуры появились новые коллективы: студенческий театр эстрадных миниатюр, театр исторического костюма, фольклорный ансамбль «Праздник». Университетский театр кукол и миниатюр обслуживал участников XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, а его руководитель А. Авдонин был награжден медалью «За трудовую доблесть». Фольклорный ансамбль «Праздник» и танцевальный ансамбль «Дружба» выступали на сценах не только в СССР, но и в Великобритании, Нидерландах и Чехословакии.

Новым явлением в годы перестройки было активное участие преподавателей и студентов в общественно-политической жизни. С началом создания политических клубов многие студенты, аспиранты, молодые преподаватели вступили в них, а затем они становились членами формировавшихся политических партий. Коллектив университета выдвигал своих кандидатов на выборах в верховные и местные органы власти и проводил широкую агитационную кампанию в их поддержку. В результате старший научный сотрудник университета В. А. Исаев был избран народным депутатом РСФСР, а студенты исторического фа-

культета А. Чернышев и С. Николаев стали депутатами областного Совета народных депутатов.

В университете начала внедряться система альтернативных выборов на руководящие должности. Уже в 1987 г. таким образом был выбран директор НИИ химии. Для координации воспитательной работы в университете были введены должности проректора и заместителей деканов по воспитательной работе. Первым проректором по воспитательной работе был назначен преподаватель кафедры философии И. В. Бачурин, несколько лет перед тем возглавлявший университетский комсомол.

В конце 1991 г. СГУ прошел государственную аттестацию; комиссия МВиССО СССР несколько недель проверяла все направления университетской деятельности и признала, что вуз соответствует требованиям, предъявляемым к университетам. По результатам аттестации СГУ занял 7-е место среди российских университетов.

После распада СССР в Российской Федерации университеты пережили и трудные времена, и положительные сдвиги. Что касается Саратовского государственного университета, то он за эти годы прошел два важных этапа в своем развитии: до 1998 г. основные усилия были направлены на то, чтобы сохранить коллектив, его материальную базу, перестроить работу в условиях перехода к рыночной экономике.

После смерти в 1994 г. ректора А. М. Богомолова, возглавлявшего университет 17 лет, впервые с 1920-х гг. были проведены выборы нового ректора на альтернативной основе. Им стал воспитанник СГУ, известный ученый-физик, член-корреспондент РАН Д. И. Трубецков. Оба ректора сумели справиться с решением основных проблем этого этапа.

В университете появились новые факультеты. Прежде всего, было расширено гуманитарное образование путем открытия социально-гуманитарного факультета, начавшего готовить социологов, политологов, экономистов, философов, культурологов. Из физического факультета выделился факультет нелинейных процессов, на базе которого развернулся учебно-научный комплекс, включивший в себя колледж, факультет и отдел в научно-исследовательском институте механики и физики. Учитывая развитие кибернетики и информационных систем, на основе не-

скольких кафедр механико-математического факультета был создан факультет компьютерных наук и информационных технологий (КНиИТ). Для подготовки кадров по актуальным специальностям в СГУ были сформированы новые кафедры и отделения. Так, на геологическом факультете появилась кафедра геоэкологии, на физическом — лазерной и компьютерной физики, на историческом — историографии и региональной истории, была организована общеуниверситетская кафедра охраны окружающей среды (в настоящее время на биологическом факультете). На факультетах были открыты компьютерные классы, университет получил свой выход в Интернет.

Большие изменения происходили в самом учебном процессе: часть лекций стала проводиться с использованием аудиовизуальных средств, на семинарских занятиях широко применялись активные формы работы: доклады и рефераты студентов, дискуссии, «круглые столы», деловые игры. По иному стали воспринимать студенты изучение иностранных языков, так как появилась возможность их практического применения. Начали организовываться группы интенсивного изучения, возникла необходимость в освоении испанского, турецкого, китайского, японского и других языков. Особенно остро эта проблема встала с 1994 г., когда университет был включен в программу «Темпус» совместно с университетами Пуатье и Анжу (Франция), Гранада (Испания). Многие студенты, аспиранты и преподаватели гуманитарных факультетов поехали на учебу и стажировку в зарубежные университеты, а для этого надо было прилично знать французский или испанский язык.

В то же время сократился объем работ в университетских НИИ, что привело к снижению участия в исследовательской работе студентов связанных с ними факультетов. Так как финансирование университетов уменьшилось, несмотря на Указ № 1 Президента РФ, продолжали сокращаться время и места проведения производственной и учебной практик.

Если в начале 1990-х гг. произошло некоторое снижение приема на первый курс, то с середины 1990-х гг. начался рост за счет студентов, принимавшихся на коммерческой основе. Сложной стала проблема посещения лекций, ибо часть студентов устраивалась на постоянную работу, а многие студенты, учившиеся

на коммерческой основе, считали, что раз они платят деньги, то диплом им все равно выдадут.

В 1990-е гг. бурно развивались зарубежные связи нашего университета не только с вузами, но и с исследовательскими центрами. Целый ряд кафедр физического, механико-математического, химического, геологического факультетов обменивались преподавателями, аспирантами, студентами с зарубежными университетами ФРГ, США, Великобритании, Франции, Японии и т. д. На базе СГУ стали проводиться международные конференции, симпозиумы, регулярно работали школы молодых ученых с участием ведущих российских и зарубежных специалистов. На физическом факультете такие школы действовали по оптике, радиофизике и электронике, нелинейной динамике; на механико-математическом факультете — по теории функций и приближений. В 1992 г. исторический факультет организовал совместно с американскими историками научную конференцию по проблемам российской истории. В 1996 г. состоялся русско-японский симпозиум по аналитической химии. В связи с размахом международного сотрудничества в 1996 г. в СГУ появился проректор по международным связям, а на следующий год было создано Управление международных связей.

В трудных условиях 1990-х гг., несмотря на низкую зарплату и падение престижности преподавателя и научного работника, в Саратовском университете необычно возросло число защит диссертаций: за 1992—1999 гг. около 100 человек стали докторами наук, около 10 получили звание профессора без защиты докторской диссертации, несколько сот аспирантов и преподавателей защитили кандидатские диссертации. Появились кафедры, на которых 90—100 % преподавателей имели ученые степени. Несколько научных школ университета (профессоров Д. И. Трубецкова, В. В. Тучина, А. П. Хромова) вошли в число ведущих в Российской Федерации, многие профессора и доценты стали обладателями соросовских стипендий. Профессор физического факультета В. С. Анищенко получил престижную премию им. Гумбольдта в ФРГ, 12 университетских профессоров были удостоены государственных научных стипендий для выдающихся ученых России, профессор механико-математического факультета Ю. Коссович

стал в 1998 г. лауреатом Государственной премии РФ в области науки и техники.

В 1999 г. Саратовский университет отметил свое 90-летие, получив приветственные послания от Президента РФ Б. Н. Ельцина и премьер-министра В. В. Путина. На торжествах присутствовало много гостей, в том числе вице-премьер Правительства РФ В. И. Матвиенко, министр образования РФ В. Ф. Филиппов, академик РАН Е. М. Примаков.

В конце 1990-х гг. начался новый этап в истории СГУ, связанный с большими структурными изменениями, с развертыванием капитального строительства и расширением материально-технической базы.

В 1998 г. было принято решение о присоединении к Саратовскому университету Саратовского и Балашовского педагогических институтов и двух техникумов, преобразованных в колледжи. Таким образом, университет одномоментно расширился, намного увеличилось число студентов и преподавателей. СГУ стал крупнейшим высшим учебным заведением региона и одним из самых больших в стране. К 100-летию он насчитывает около 30 тыс. студентов и аспирантов. В результате слияния многие факультеты и кафедры Саратовского педагогического института вошли в состав аналогичных кафедр СГУ, а такие факультеты, как физкультуры и спорта, музыкальный, дошкольного образования и ряд других, образовали Педагогический институт СГУ.

Произошли изменения и в прежних университетских факультетах: из социально-гуманитарного постепенно выделились экономический, социологический, философский факультеты и СГФ прекратил существование; из состава физического факультета несколько кафедр образовали факультет nano- и биотехнологий; появился юридический факультет; отделение психологии перешло на философский факультет, а политологии — на юридический. Наконец, ряд факультетов были преобразованы в институты: исторический в Институт истории и международных отношений, филологический в Институт филологии и журналистики, химический в Институт химии. Кроме того, в университете были созданы: Институт дополнительного профессионального образования, филиалы нескольких академических институтов (всеобщей истории, русского языка и т. д.), Межрегиональный институт об-

ественных наук, объединяющий деятельность гуманитариев всего Поволжского федерального округа. На базе Саратовского университета создается крупный технопарк. Имевшиеся в университете НИИ были объединены в Научно-исследовательский институт естественных наук. В результате этих преобразований СГУ получил набор всех необходимых для классического университета гуманитарных факультетов, появились факультеты, готовящие кадры самых востребованных специальностей. Новые кафедры и специальности открылись и на прежних факультетах.

К 2000 г. после длительного перерыва университет построил новый, 10-й, корпус, который органично вписался в архитектурный облик университетского городка и всего города и в котором впервые имеется прекрасный актов зал. А затем были построены 11-й и 12-й корпуса, в основном разместившие гуманитарные факультеты. В связи с присоединением Педагогического института и открытием 12-го корпуса образовался 3-й университетский городок, теперь в отдалении от основной территории. Быстрыми темпами идет строительство нового комплекса общежитий и жилого дома для сотрудников университета. Кроме нового строительства, проведен ремонт всех остальных корпусов и общежитий, благоустраивается территория университетских городков. В ближайшие годы намечено построить лабораторный и спортивный комплексы, пристройку к зданию библиотеки. В связи с таким объемом строительных работ в университете была введена должность проректора по капитальному строительству. Осуществление обширной строительной программы стало возможным при активном содействии вице-спикера Государственной думы РФ В. В. Володина, который ряд лет возглавлял Попечительский совет СГУ и постоянно контролировал ход университетского строительства.

Университет расширяет свое присутствие и за пределами Саратова. На противоположном берегу Волги на речке Сазанке оборудовано здание для проведения научных конференций, сессий, симпозиумов, разработан генеральный план реконструкции спортивно-оздоровительного лагеря Чардым. Университет получил базу на территории Национального парка в г. Хвалынске, где уже начали проходить практику биологи, географы, археологи и

геологи, а в будущем могут быть созданы условия для отдыха сотрудников.

В октябре 2003 г. прошли альтернативные выборы ректора университета. Им стал профессор, лауреат Государственной премии РФ Л. Ю. Коссович, бывший до этого деканом механико-математического факультета. В 2008 г. он был переизбран на этот пост.

С начала XXI века расширяются международные связи Саратовского университета по линии установления тесных контактов с учебными заведениями и исследовательскими центрами многих стран, особенно США, ФРГ, Франции, Турции, Великобритании. На новый этап поднялось наше сотрудничество с университетом Колорадо: заключено Соглашение о партнерстве, организованы представительства СГУ в Колорадо, Колорадского университета в Саратове, разработаны и начали осуществляться совместные программы исследований по актуальным научным проблемам. Ежегодно группы американских студентов из разных университетов проходят полуторамесячную подготовку по русскому языку при Саратовском университете.

В СГУ открыт признанный лучшим в РФ Турецкий центр. У нас ежегодно поступают на учебу турецкие студенты, студенты журналисты и историки из СГУ проходят производственную практику в Турции, налажен выпуск двуязычного журнала «Босфор».

Ведущие профессора СГУ (физики В. В. Тучин, Л. А. Мельников, В. С. Анищенко, математики В. А. Юрко, М. В. Лосик, В. Д. Прохоров и др.) систематически приглашаются для чтения лекций и совместной научной работы в зарубежные университеты и исследовательские центры.

В университете успешно развивается научная работа, ряд университетских научных школ по-прежнему входят в число ведущих в РФ, а монографии профессоров В. С. Анищенко, В. В. Тучина, М. Д. Гольдфейна, В. А. Юрко, С. Ю. Шенина и ряда других изданы за рубежом.

С 2001 г. был возобновлен выпуск «Известий Саратовского университета», которые выходят несколькими сериями, часть из них вошла в список изданий ВАК. «Известия» приобрели большую популярность, в них публикуются результаты научных исследований ученых как Саратова, так и других регионов страны и многих зарубежных государств. Труды ученых СГУ отмечены вы-

сокими наградами: доцент физического факультета В. И. Наянов стал лауреатом премии Совета Министров РФ за вклад в решение проблем мостостроения, профессор Д. И. Трубецков и декан факультета КНиИТ А. Г. Федорова получили премию Президента РФ в области образования, профессор физического факультета Н. И. Сеницын — Государственную премию РФ в области науки и техники.

С начала XXI в. в СГУ защищено более 100 докторских и несколько сот кандидатских диссертаций, в результате численность докторов наук и профессоров приближается к 250, а кандидатов наук и доцентов стало более 1000.

Открытие новых факультетов, кафедр, специальностей, лабораторий интенсифицировало научную работу студентов, все большее количество которых трудится при кафедрах, участвует в конкурсах, олимпиадах различного масштаба, добиваясь на них высоких результатов. Так, команда студентов-программистов СГУ уже несколько лет входит в число сильнейших в мире, она была чемпионом мира, Европы и повторила свой успех на мировом чемпионате 2009 г., став вновь чемпионом мира. В 2007 г. студенты исторического факультета Л. Климович и Е. Рязанцева стали стипендиатами Международного фонда Г. Бёлля, а теперь успешно учатся в аспирантуре.

Так как с введением в строй новых корпусов у университета расширились возможности для занятия студентов и сотрудников спортом и художественной самодеятельностью, результаты представителей СГУ в этих сферах здорового досуга значительно повысились. Студент физического факультета И. Турчин постоянно входит в сборную РФ по фехтованию на саблях, студентки Е. Трушникова и Н. Мартяшева стали чемпионками Параолимпийских игр в Афинах и Пекине, заведующий кафедрой физкультуры и спорта В. Н. Чинилов — неоднократный чемпион мира по борьбе самбо среди ветеранов. Университетская самодеятельность лидирует среди вузов в городе, а в 2007 г. представители университета составили большую часть саратовской команды, победившей на Всероссийском смотре художественной самодеятельности студентов в Волгограде.

Саратовский университет включился в организацию перехода на двухуровневую систему образования. По ряду специальностей уже началась подготовка бакалавров и магистров. На кафедрах всех факультетов идет разработка программ магистерской и бакалаврской подготовки. При этом вуз стремится не потерять лучшие традиции российской университетской системы.

В 2007 г. СГУ участвовал во Всероссийском конкурсе инновационных программ и оказался в числе победителей. Это позволило университету сделать существенный шаг в своем развитии, обновить учебный процесс, приобрести много современного оборудования, открыть новые лаборатории. На всех факультетах прошел конкурс на разработку новых пакетов учебно-методического обеспечения основных дисциплин. Комплексы УМО созданы в электронном варианте и уже внедряются в учебный процесс.

Мы надеемся, что все предпринятое в Саратовском университете за последние годы поможет ему войти во второе столетие своего существования в число исследовательских университетов и продолжить славные традиции предыдущих поколений универсантов.

Саратовский университет завершил сотый учебный год и вступил во второе столетие своего существования. В декабре 2009 г. состоятся торжественные мероприятия по поводу юбилея СГУ. Вышло Постановление Совета Министров РФ о праздновании 100-летия Саратовского государственного университета. Приведенный в статье материал свидетельствует, что за столетие университет прошел сложный и славный путь, внес достойный вклад в подготовку кадров высокой квалификации и развитие отечественной науки. Более 50 тыс. выпускников высоко пронесли традиции и имя Саратовского университета по всем континентам. Можно выразить уверенность, что в XXI в. Саратовский государственный университет упрочит свои позиции в рядах российских университетов, добьется новых успехов во всех сферах деятельности.

Примечания

- ¹ См.: Саратовский музей краеведения. НВ27745 ; *Волков М. Ф.* История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1906—1909 гг. : рукопись. С. 6—10, 13, 15.
- ² Там же. С. 37.
- ³ *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский университет (1909—1917). Саратов, 1999. С. 37.
- ⁴ Там же. С. 39.
- ⁵ *Волков М. Ф.* Указ. соч. С. 4—5, 18.
- ⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 153. Д. 351. Л. 89.
- ⁷ Государственный архив Саратовской области. Ф. 393. Оп. 1. Д. 21. Л. 3 об., 4.
- ⁸ Саратовский листок. 1909. 8 дек.
- ⁹ Саратовский вестник. 1917. 13 апр.
- ¹⁰ *Зёрнов В. Д.* Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 216—217.
- ¹¹ *Бровман Г., Поповкин Е.* Университет ждет своей революции // Революция и культура. 1929. № 21 ; *Ефременко Л.* К вопросу о реорганизации университетов // Коммунистическая революция. 1931. № 11 и др.
- ¹² Так как жизнь автора статьи с 1947 г. связана с Саратовским государственным университетом, в котором он учился, прошел путь от студента до профессора и работает в настоящее время, то последующая часть статьи написана на основании личных свидетельств и наблюдений и не имеет отсылов к источникам и литературе.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)-283.2

Г. А. Матвеев

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ТИХОНОВИЧА ЕРМАКОВА (К 85-летию со дня рождения)

Живым — живое в этой жизни краткой,
Но каждый в вечность уходящий час,
Но каждый камень нашей мирной кладки,
Но каждый колос, что растет для нас
И зреет на полях необозримых,
Но каждый отзвук радиоволны —
Все память...

А. Т. Твардовский

С Владимиром Тихоновичем Ермаковым я познакомился в далеком уже 1970 году на научной конференции, организованной Проблемным советом «Партийное руководство культурным строительством в СССР», который возглавлял В. Г. Чуфаров (Уральский госуниверситет). В. Т. Ермаков был уже известным ученым, автором солидной монографии «Исторический опыт культурной революции в СССР» (М., 1968), ряда получивших

© Матвеев Г. А., 2009

Матвеев Герман Аронович — кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Отечества и кавказоведения ИППК Южного федерального университета. (863) 264-89-88.

широкий резонанс среди научной общественности исследовательских статей, старшим научным сотрудником Института истории СССР АН СССР. Он обладал незаурядными организаторскими способностями, являлся заместителем председателя указанного Проблемного совета, отличался редкой коммуникабельностью, как правило, руководил дискуссиями на научных конференциях, посвященных истории советской культуры.

В 1969 г. я закончил аспирантуру и приступил к работе ассистентом кафедры истории КПСС Ростовского государственного университета, завершал работу над кандидатской диссертацией. Меня уже при первой встрече привлекли к Владимиру Тихоновичу его демократичность, доброжелательность, открытость, готовность в самых, казалось бы, неподходящих условиях размышлять над проблемами культуры, внимание к молодым начинающим исследователям. Несмотря на существенную разницу в возрасте, социальном и научном статусе, у меня с Владимиром Тихоновичем стали складываться научные и человеческие контакты.

В январе 1973 г., когда процесс подготовки моей диссертации «Формирование политики партии в области художественной литературы (1921—1925 гг.)» был близок к завершению, я приехал с ней в Москву, встретился с Владимиром Тихоновичем. Поскольку моя командировка была очень ограничена во времени, он выразил готовность за ночь прочитать мою работу и высказать свои замечания. На следующий день он мне представил чрезвычайно полезный критический анализ, помог определиться с первым оппонентом на предстоящей защите, своим коллегой по сектору культуры Института истории СССР АН СССР, ведущим историком советской интеллигенции С. А. Федюкиным. Потом у меня были многократные поводы убедиться, что эта готовность помочь молодым исследователям критическими замечаниями, советами, другой конкретной поддержкой — характерная черта его человеческой и профессиональной натуры.

Постепенно мои научные и человеческие контакты с Владимиром Тихоновичем переросли в дружеские. Я регулярно встречался с ним на научных конференциях, во время командировок в Москву для работы в библиотеках и архивах. Мы обменялись адресами и номерами телефонов. Он познакомил меня со своей супругой, Людмилой Васильевной, я бывал у них дома, пе-

реписывался и перезванивался с Владимиром Тихоновичем. Он всегда интересовался моими семейными делами, обязательно передавал приветы моей жене и матери. Характерной чертой его личности было особо уважительное отношение к родителям. При личной встрече, в телефонных разговорах он постоянно мне говорил: «Береги родителей — это святое!»

Когда у Людмилы Васильевны обнаружили рак горла, он писал, что раздавлен этим страшным известием. Он сделал все возможное и невозможное, чтобы она преодолела этот страшный недуг. Во время научной конференции в Архангельске была организована поездка на Соловецкие острова. Я помню, как Владимир Тихонович обратил наше внимание на список студентов-физиков, висевший на стене одного из монастырей, в котором значилась фамилия его сына, Сергея, приехавшего на каникулах восстанавливать соловецкие святыни. Я хотел бы выделить щепетильность В. Т. Ермакова во взаимоотношениях с людьми. Его супруга, Людмила Васильевна, как-то мне сказала, что во время ремонта квартиры Владимир Тихонович никогда не делал замечания мастерам, очевидно уважая их профессиональное достоинство.

Но, конечно, характерные черты В. Т. Ермакова как личности и профессионального ученого проявились наиболее выпукло в его исследовательском творчестве.

В современных условиях, когда произошли кардинальные перемены в развитии отечественной науки в сравнении с ее бытованием в советский период, определить заслуги В. Т. Ермакова в разработке проблем истории советской культуры является нелегкой задачей. Исходным теоретическим основанием для корректного разрешения этой проблемы представляется современная научная оценка советской историографии.

Развитие мирового и отечественного историографического процесса свидетельствует о том, что период нигилизма в определении научного значения достижений советской историографии подходит к концу. Очень симптоматично в этом отношении осмысление научным сообществом историографического процесса в различных странах мира на специальной сессии XIX Международного конгресса исторических наук, проходившего в Осло (Норвегия) в 2000 г., в рамках которого работала секция «Дости-

жения историографии XX в.». На этом конгрессе отмечалось, что в XX столетии в условиях холодной войны, острейшей идеологической конфронтации двух мировых социальных систем происходило «подчинение» профессионализма историков государству и политике, что было характерно как для государств с недемократическими, так и демократическими режимами¹. Известный отечественный историк Н. Б. Селунская обратила внимание на то, что в последние десятилетия даже в зарубежной историографии появились исследования, в которых «советская историография рассматривается в контексте общих закономерностей развития мировой исторической науки, включающих и такой элемент, как “внешнее влияние”, воздействие “извне” на историографическую ситуацию, развитие ее теоретических и методологических оснований»².

Вместе с тем, Н. Б. Селунская отметила, что «советская историография представляла вариант наиболее жесткого проявления взаимосвязи идеологии и политики, с одной стороны, и историографического процесса — с другой»³. Конечно, анализируя и оценивая советскую историографию, необходимо иметь в виду такую специфическую среду ее развития, как идеологический монизм, противопоставленный методологическому плюрализму, господство официальной версии советского марксизма, ориентировавшей на апологию советского режима и проводимой им политики, ограничивающей возможности научного поиска. Но наука и в этих жестких условиях развивалась. Об этом свидетельствует творчество таких талантливых советских историков, как Е. В. Тарле, И. Д. Ковальченко, М. П. Ким, П. В. Волобуев, Ю. М. Лотман, Ю. А. Поляков, М. Я. Гефтер, А. Я. Гуревич, В. П. Данилов, Ю. С. Борисов, А. А. Зимин, В. Л. Соскин, С. А. Федюкин, К. Н. Тарновский и др. В ряду этих замечательных советских историков мы по праву называем и Владимира Тихоновича Ермакова.

После окончания учебы на историческом факультете МГУ и завершения аспирантуры в этом «главном» вузе страны в 1955 г. главной темой научного творчества В. Т. Ермакова стала отечественная культура XX в., преимущественно история культуры советского периода. Историческая наука познает прошлое тремя путями: конкретным изучением исторического процесса, совершенствованием методологии исследований, разработкой собственно историографии. Редкое сочетание в одном лице та-

лантливому историка, профессионально изучающего конкретные проблемы отечественной культуры XX в., методолога и историографа обеспечило В. Т. Ермакову тройную «тягу» к исследовательскому творчеству и его высокую продуктивность.

Рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть научные достижения Владимира Тихоновича на протяжении более чем полувековой творческой деятельности. Поэтому попытаемся выделить наиболее значительные его исследовательские идеи, которые не потеряли своего значения и сегодня.

В числе методологических проблем, которые в 60-е гг. XX в. выдвинулись на первый план в историографии советской культуры, было определение самого *предмета* этой отрасли исторической науки. В середине прошлого века основной массив исследований в области истории культуры составляли работы, выполненные в русле «отраслевого» подхода, изучались отдельные сегменты духовной жизни, так называемые «отрасли»: история литературы, живописи, музыки, науки и др. В конце 60-х — начале 70-х гг. стала ощущаться недостаточность такого подхода, поскольку историческая реконструкция целостной культуры почти всегда подменялась суммой итогов развития отдельных ее «отраслей». Культура оказывалась расчлененной, что лишало историков возможности уяснить сущностные черты ее развития как целого на том или ином этапе ее истории⁴. Научная дискуссия о советской культуре как предмете исторического исследования была открыта статьями академика М. П. Кима и В. Т. Ермакова, которые сформулировали свои теоретические модели изучения советской культуры как целостного явления. Владимир Тихонович предложил сконцентрировать внимание на кардинальных проблемах, органически пронизывавших весь процесс развития отечественной культуры в XX в., рассматривать их в контексте развития общественной жизни, что было призвано обеспечить целостный характер освещения советской культуры в трудах историков. Он сформулировал перечень этих проблем⁵.

Идеи В. Т. Ермакова оказались продуктивными: было положено начало обсуждению назревшей историографической проблемы, утверждению проблемного подхода к изучению советской культуры. Некоторые из выделенных им проблем стали «сквозными» в научной разработке этой тематики. В известной мере

концепции М. П. Кима и В. Т. Ермакова прокладывали дорогу системному подходу к изучению истории советской культуры, в освоение которого свой вклад внес Владимир Тихонович⁶. В последние годы сформулирован ряд новых интересных методологических конструктов постижения культуры как целостного явления⁷, но предложения В. Т. Ермакова, на наш взгляд, не потеряли научного значения.

Следует отметить заслуги В. Т. Ермакова в осмыслении важной теоретико-методологической проблемы *соотношения содержания и формы национальных культур*. В начале 30-х гг. XX в. И. В. Сталин выдвинул положение, ставшее политическим лозунгом: «советская культура — социалистическая по содержанию, национальная по форме», которое превратилось в официальный идеологический стереотип, сковывавший конкретно-историческое изучение культур народов СССР. Эта формула на несколько десятилетий пережила своего автора. В. Т. Ермаков в начале 80-х гг. в ряде публикаций подверг критике эту формулу, подчеркнув, что отрицание национального в содержании культур народов СССР некорректно, оно порождает противоречия в понимании ряда важных аспектов национально-культурной тематики и делает невозможными убедительные ответы на некоторые ее существенные вопросы. Владимир Тихонович обосновал теоретико-методологическую несостоятельность этой формулы, показал, что в ней отождествляются категории «сущность» и «содержание», «явление» и «форма». Категория «содержание» при всей своей конкретно-качественной определенности представляет собой совокупность множества черт, особенностей, элементов, процессов — существенных и несущественных, главных и второстепенных. С этой точки зрения признание национального в содержании национальных культур представляется необходимым. Национально-особенное в содержании культур народов СССР проявляется в соответствующих формах, которые в совокупности с национально-содержательными чертами и элементами составляют национальное своеобразие культур народов нашей страны⁸.

Сегодня эти положения В. Т. Ермакова кажутся очевидными. Но в конце 70-х — начале 80-х гг. они представлялись новациями, ревизующими некоторые официальные идеологические установки. Они, несомненно, способствовали более

продуктивному исследованию истории национальных культур народов СССР.

Одним из основных направлений исследовательского творчества В. Т. Ермакова была *историография отечественной культуры XX в.* На наш взгляд, и поныне не утратил своего значения его подход к периодизации историографии советской культуры, поскольку он основывался не на политико-идеологических критериях, которые были обязательными для историков в советский период, а на профессиональном представлении «об историографии советской культуры как отражении в литературе процесса зарождения, становления и развития истории советской культуры как самостоятельной отрасли исторических знаний»⁹. Исходя из этого критерия, Владимир Тихонович предложил периодизацию историографии советской культуры, которая расходилась с принятой в советской литературе. Первый этап (октябрь 1917 — вторая половина 40-х гг.) — зарождение историографии советской культуры, когда профессиональная разработка историко-культурной тематики практически не велась. Второй — (вторая половина 40-х — начало 60-х гг.) — переходный к становлению историографии, в этот период произошло вычленение из общеисторических знаний истории советской культуры как самостоятельной отрасли исторических знаний. Начало третьего этапа В. Т. Ермаков датировал рубежом 50—60-х гг., когда разработка истории культуры стала специальной задачей сформировавшегося отряда историков советской культуры¹⁰. В 70-е гг. Владимир Тихонович подготовил рукопись монографии об историографии советской культуры, которую он мне показывал, но по обстоятельствам того времени она так и не была опубликована.

Представляется несомненным и вклад В. Т. Ермакова в разработку проблемы «левизны» в культурной жизни советского общества, одного из сложных вопросов истории культуры. В 30—50-е гг. под влиянием партийных установок в советской литературе получила широкое распространение и стала идеологическим стереотипом односторонне-негативная оценка всех «левых» в советской культуре, что искажало реальную картину ее развития. В результате многолетнего изучения этой проблемы В. Т. Ермаков сделал ряд выводов относительно истоков, природы, характерных черт, роли этого явления в культуре и искусстве,

которые и ныне, по нашему мнению, не утратили своего научного значения. Он отметил, что «левизна» была широко распространенным и устойчивым явлением духовной жизни советского общества послеоктябрьского периода, под этим «стягом» выступали неоднородные культурные силы. Это явление имело определенную культурно-историческую почву. «Оно было созвучно эпохе радикального обновления старого мира и прежней культуры, по-своему отражало недостаточную зрелость, в том числе идейную, культурных сил революции, было спутником общей “детской болезни” “левизны”, нередко выступало своеобразным проявлением и отражением противоречивых тенденций развития новейшего искусства»¹¹. Владимир Тихонович выделил четыре родовых признака, присущих «левым» в послеоктябрьское десятилетие: недооценка значения культуры прошлого, переходившая нередко в культурный нигилизм; представление о возможности и эффективности сверхбыстрых темпов создания новой культуры методами «красногвардейской атаки»; экспериментирование в духе «левых» теорий; культивирование недемократических норм культурной жизни. Вместе с тем, он подчеркнул, что в «левизне» проявились как положительные, так и отрицательные тенденции развития культуры и организации культурной жизни, поиск новых выразительных художественных средств в эпоху революционных перемен¹².

В начале 70-х гг. на страницах печати началась многолетняя полемика *о влиянии «военного коммунизма» на культуру советской России*. По мнению некоторых авторов, культурное строительство в первые годы советской власти проходило преимущественно, если не полностью, в рамках системы «военного коммунизма»¹³. Одним из организаторов этой дискуссии был В. Т. Ермаков, который, напротив, считал, что не следует переоценивать влияние политики, идеологии и практики «военного коммунизма» на культуру советской России, что они проявили себя в области культуры в той степени, в какой это было неизбежно в силу общей обстановки в стране, что система «военного коммунизма» не стала органичной для сферы культурного строительства¹⁴. Владимир Тихонович оговорился, что отнюдь не считает, что дал окончательный ответ на один из спорных вопросов истории советской культуры. В 70—80-е гг. эта дискуссия не закончилась какими-либо однозначными выводами.

Другой активный участник этой полемики, В. Л. Соскин, защищавший тезис о значительном влиянии политики «военного коммунизма» на культуру в первые годы советской власти, недавно вновь вернулся к этой проблеме. Продолжая защищать свою прежнюю точку зрения, он привел ряд новых аргументов в ее обоснование, вместе с тем корректируя ее. Он признал, что в положениях спорящих сторон присутствовали крайности. Уточняя свою позицию, В. Л. Соскин подчеркнул, что влияние «военного коммунизма» выразилось прежде всего в области массовой культуры, во всех проявлениях массовой культурно-просветительской работы. Ее целью было воспитание новой личности, первые образцы которой в те годы были сформированы. Вместе с тем, он призвал проявить осторожность. Размышляя о степени воздействия «военного коммунизма» на духовную сферу, В. Л. Соскин отметил, что влияние вековых традиций, краткость времени, отсутствие опыта, огромная территория — все это и многое другое объясняют, почему новый тип личности не стал и не мог стать массовым в тот период. Он обратил внимание на то, что система «военного коммунизма» не оказала существенного влияния на традиционный культурный быт, на те области культуры, где была высока роль специальных знаний и умений (наука, отчасти, искусство)¹⁵. Отдавая должное новым аргументам В. Л. Соскина, способствующим прояснению данной проблемы, следует заметить, что и в позиции В. Т. Ермакова содержались зерна научной истины.

Определяя заслуги В. Т. Ермакова в научном осмыслении истории отечественной культуры XX в., необходимо также отметить его оригинальные идеи о советской интеллигенции как предмете истории советской культуры, об относительном характере культурной отсталости России начала XX в., его озабоченность отсутствием исследовательских работ по истории русской советской культуры и др. К сожалению, рамки статьи ограничивают наши возможности. Владимир Тихонович внес свой вклад в развитие исторической науки не только тем, что он написал, но и тем, что он являлся постоянным генератором новых идей, наставником большой группы молодых исследователей, помогая их становлению как профессиональных ученых.

Надо признать, что не все научные идеи В. Т. Ермакова выдержали испытание временем. Устарели, стали фактами истории научной мысли отдельные его идеи о культурной революции в СССР, о формировании единых творческих союзов в начале 30-х гг. и некоторые другие. При этом важно учитывать, в какой сложной обстановке приходилось творить талантливому ученому в 60-е — начале 80-х гг. прошлого века, преодолевая рутину и официально сформулированные подходы к освещению исторических явлений. Сам Владимир Тихонович в 1988 г. самокритично писал о направленности и содержании своих публикаций: «Разумеется, обстоятельства общественной жизни страны 50—80-х годов порой оказывали и негативное воздействие на раскрытие отдельных вопросов исследуемой темы, о чем следует сказать прямо. Научная работа соискателя складывалась в русле общего развития историографии культурной революции и советской культуры, поэтому ее “издержки” и несовершенства не минули и представленных в настоящем докладе трудов. Естественно, в них имеются и собственные авторские недостатки, неизбежные в любой исследовательской работе»¹⁶.

Научно-исследовательская работа любого ученого осуществляется в рамках своего времени. Владимир Тихонович был марксистом, что соответствовало духу его времени, но марксистом не ортодоксальным, а как это свойственно талантливым людям — неординарным. Он сам себя называл человеком XX съезда КПСС, с которого началась эпоха преодоления сталинизма, не раз в своих работах отмечал негативные последствия волюнтаризма, культа личности И. В. Сталина, нанесшие огромный урон развитию советской культуры, ее историографии¹⁷. Его творческим девизом могли бы стать замечательные слова А. Т. Твардовского, которого В. Т. Ермаков называл «великим гражданином и великим поэтом»:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Это неудержимое стремление к правде, как он ее понимал, к научным истинам он вынес из своего фронтового опыта участия в Великой Отечественной войне (1942—1945 гг.), когда самой боевой обстановкой востребовались личная инициатива, реалистическая оценка ситуации, мужество и самоотверженность.

Постоянная нацеленность Владимира Тихоновича на поиск истины, выявление реальных противоречий в истории советской культуры, стремление пересмотреть некоторые устоявшиеся положения, ставшие стереотипами историографии культуры, определяли его маргинальное положение в сообществе тогдашних историков. Не случайно, будучи известным, признанным научной общественностью ученым, он вплоть до 1988 г. оставался кандидатом наук. В те времена такова была судьба и некоторых других известных ученых (В. П. Данилова, К. Н. Тарновского). Это положение воспринималось настоящими учеными как нонсенс, который свидетельствовал о том, что «не все ладно» в советской организации науки. Только в 1987 г., в условиях начавшихся перестроечных процессов в нашей стране Ученый совет Института истории СССР, где работал В. Т. Ермаков, рекомендовал к защите его докторскую диссертацию в форме научного доклада «Исторический опыт культурной революции в СССР: методология, история, историография». На этой защите, которая состоялась 1 марта 1988 г., выступили известные историки культуры и культурологи — член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков, доктор исторических наук В. Л. Соскин, доктор философских наук В. М. Межуев, которые в ходе научной полемики высоко оценили научное творчество В. Т. Ермакова. В этой дискуссии участвовали историки советской культуры из различных регионов страны, что также свидетельствовало о признании научной общественностью исследовательских достижений Владимира Тихоновича. Эта защита стала заметным событием в научной жизни историков отечественной культуры XX в.

Выше уже говорилось о том, что В. Т. Ермаков среди ортодоксальных историков советской культуры воспринимался как «белая ворона» благодаря редкой в те годы неординарности научных подходов. Но в конце 80-х — 90-е гг. он очень болезненно воспринимал развернувшееся в условиях перестройки огульно негативистское отношение к советскому периоду отечественной

истории, к достижениям советской культуры. Не только его принципиальная позиция ученого, но и опыт личной судьбы, тенденция к демократизации культуры, которая дала возможность выходцу из бедной крестьянской семьи стать видным ученым, — все это не позволяло мириться с попытками очернить всю советскую историю, отрицать какие-либо позитивные достижения советского периода развития отечественной культуры. Он сторонился тех историков, которые, поддаваясь конъюнктурному поветрию, стали менять былые «плюсы» советской истории на «минусы», не утруждая себя изучением всего массива источников, был сторонником «взвешенных» подходов к истории советской культуры, исключая крайности как апологетики советского опыта, так и огульного нигилистического отрицания всего положительного в нем.

В. Т. Ермаков до конца жизни сохранял высокую способность к научной рефлексии. Об этом свидетельствует одна из его последних публикаций — участие в полемике о монографии В. А. Сахарова «“Политическое завещание” В. И. Ленина: реальность истории и мифы политики» (М., 2003), в которой была предпринята попытка рассмотреть последние ленинские работы с новых позиций. Владимир Тихонович высоко оценил фундаментальную работу В. А. Сахарова, ее обширную и разнообразную источниковую базу, анализ влияния внутривластной борьбы начала 20-х гг. на последние тексты В. И. Ленина. Вместе с тем, он высказал ряд критических замечаний в адрес автора монографии: схематичность подразделения всех имеющихся в литературе версий возникновения ленинского «завещания» на троцкистскую, сталинскую, хрущевскую и горбачевскую, сверхжесткость отдельных оценок, пенял автору на неосмотрительное цитирование отдельных ленинских положений без учета контекста, в котором они были высказаны¹⁸.

В последние двадцать лет кардинально изменилась жизнь в нашей стране. Открывшиеся возможности свободного творчества, утверждение плюрализма, не скованного одномерными официальными идеологическими установками, позволили ученым увидеть историческое движение более разнообразным, открылись недоступные ранее исторические источники. Все это обусловило необходимость пересмотра ранее накопленных знаний, в том числе

в области истории советской культуры. Но ничего не возникает на пустом месте. Следует помнить и отдавать должное тем ученым, которые в сложнейших условиях прокладывали дорогу назревшим переменам в жизни и научном творчестве.

В последние годы возрождается интерес к изучению советской культуры как части духовного наследия нашего народа, ставится задача — объективно и взвешенно оценить этот сложный драматический этап развития отечественной культуры¹⁹. В разрешении этой проблемы важную роль может сыграть осмысление научного наследия видного историка советской культуры В. Т. Ермакова.

Говорят, что ученый живет и после смерти в своих учениках и соратниках. У меня нет сомнений в том, что светлая память о Владимире Тихоновиче Ермакове, крупном ученом, талантливом педагоге и организаторе, интеллигенте будет сохраняться в сердцах всех его друзей, коллег и учеников.

Я благодарю судьбу за то, что мне довелось больше тридцати лет сотрудничать и общаться с этим замечательным человеком.

Примечания

¹ Материалы сессии в изданиях: *An Assessment of Twentieth — Century Historiography. Professionalism, Methodologies, Writings*. Stockholm, 2000 ; *Чубарьян А. О.* Прощание с XX в. // *Новая и новейшая история*. 2002. № 1.

² *Селунская Н. Б.* Методологическое знание и профессионализм историка // *Новая и новейшая история*. 2004. № 4. С. 26.

³ Там же.

⁴ *Соскин В. Л.* Российская советская культура (1917—1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. С. 11, 57.

⁵ *Ермаков В. Т.* Советская культура как предмет исторического исследования // *Вопр. истории*. 1973. № 11.

⁶ *Ермаков В. Т.* К вопросу о системном подходе к изучению истории советской культуры // *Изучение истории культуры как системы: сб. науч. тр.* Новосибирск, 1983.

⁷ *Соскин В. Л.* Указ. соч. С. 9—20.

⁸ *Ермаков В. Т.* Формирование культурной общности народов СССР (к историографии проблемы) // *Формирана и развитие на социалистическата култура в европейските страни социализма*. София, 1982 ; *Он же*. К вопросу о содержании и форме национальных социалистиче-

- ских культур // Культура в общественной системе социализма (теоретические и методологические проблемы). М., 1984 ; и др.
- ⁹ *Ермаков В. Т.* Исторический опыт культурной революции в СССР: методология, история, историография : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988. С. 36.
- ¹⁰ *Ермаков В. Т.* К вопросу о периодизации историографии советской культуры // Советская культура: история и современность. М., 1983.
- ¹¹ *Ермаков В. Т.* Исторический опыт культурной революции в СССР. С. 20 ; *Он же.* Формирование новой художественной культуры // Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917—1927. М., 1985 ; *Он же.* Идейная борьба на культурном фронте в первые годы советской власти // Вопр. истории. 1971. № 11.
- ¹² *Ермаков В. Т.* Исторический опыт культурной революции в СССР. С. 20.
- ¹³ *Соскин В. Л.* Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа. Новосибирск, 1971 ; *Амбарцумов Е. А.* Анализ В. И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него // Вопр. истории. 1984. № 4.
- ¹⁴ *Ермаков В. Т.* «Военный коммунизм» и культурное строительство второй половины 1918 — начала 1921 годов // История СССР. 1974. № 6.
- ¹⁵ *Соскин В. Л.* Российская советская культура (1917—1927 гг.) : очерки социальной истории. С. 69—87.
- ¹⁶ *Ермаков В. Т.* Исторический опыт культурной революции в СССР. С. 48.
- ¹⁷ *Ермаков В. Т.* Исторический опыт культурной революции в СССР. М., 1968 ; *Он же.* Введение // Культурная жизнь в СССР. 1951—1965 : хроника. М., 1979 ; и др.
- ¹⁸ Отечественная история. 2005. № 2. С. 165.
- ¹⁹ Советская культура в контексте истории XX века : материалы науч. конф. Ч. 1. СПб., 2000 ; Советская культура: проблемы теоретического осмысления : материалы междунар. науч. конф. СПб., 2008.

ББК 63.3(2)533-5

А. С. Мельникова**ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ
НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ**

Народно-социалистическая партия не относилась к числу массовых и влиятельных политических организаций. Тем не менее, она сыграла определенную роль в исторических судьбах страны, предложив собственную модель государственного переустройства, оказывая влияние на массовое сознание.

Сильной стороной Народно-социалистической партии была ее насыщенность интеллектуальными силами. Ее идеологами и теоретиками были А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, С. Я. Елпатьевский, В. А. Мякотин и другие выдающиеся представители российской интеллигенции.

Среди своих идейных предшественников народные социалисты (энесы) называли П. Л. Лаврова, Н. Г. Чернышевского и Н. К. Михайловского¹. Н. К. Михайловский был редактором легального народнического журнала «Русское богатство», достойно продолжавшего демократические традиции «Современника» и «Отечественных записок»². Многие теоретические положения, составившие основу программных установок будущей Народно-

---

© Мельникова А. С., 2009

Мельникова Алеся Сергеевна — аспирантка кафедры истории и культуры Беларуси Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова. Melnikov@OMA.by.

социалистической партии, закладывались на страницах этого печатного органа.

Тесное сотрудничество публицистов журнала «Русское богатство» с партией социалистов-революционеров дало основание для доминирующей и в наши дни точки зрения о выделении Народно-социалистической партии из правого крыла эсеров. Несостоятельность данной теории была убедительно доказана историком Н. Д. Ерофеевым³.

Не отрицая близкую связь с социалистами-революционерами, как представителями народнического течения, энесы имели с ними ряд принципиальных расхождений по вопросам программы и тактики. Главным камнем преткновения был вопрос о создании открытой легальной партии. По мнению народных социалистов, такая партия могла стать платформой для широкой организации народных трудовых масс. Конспиративной организации, считали они, трудно избежать демагогии. Она может организовать, втянуть в себя массы, но обсуждать и решать вопросы вместе с ними она не может⁴.

Энесы отдавали себе отчет в том, что на пути создания открытой социалистической партии им встретится множество трудностей. Существовало и опасение того, что новая партия не соберет вокруг себя достаточно сил. Однако народные социалисты шли на риск, считая, что возможность создания открытой партии не появится сама собой. Ее надо «добыть путем настоятельных усилий, путем упорной борьбы и, если такая борьба окажется тяжелой, это сделает ее еще более необходимой»⁵.

Организационное оформление партии народных социалистов состоялось в сентябре 1906 года. В ноябре на учредительной конференции была образована Народно-социалистическая (трудовая) партия, приняты ее программа и устав, опубликованные в первом номере партийного журнала «Народно-социалистическое обозрение»⁶.

Программа народных социалистов отличалась четкостью и продуманностью формулировок и была, по мнению публициста А. С. Изгоева, разработана «умнее, научнее, обстоятельнее, чем программа социалистов-революционеров»⁷.

Предполагалось, что программа будет утверждена партийным съездом. В силу ряда причин первый съезд партии народных социалистов состоялся лишь в июне 1917 года. Незначительная

корректировка программных положений, предпринятая съездом, только подтверждает, насколько изначально продумана была энесовская программа.

В предисловии к программе говорилось, что для энесов «нет ничего выше и дороже человеческой личности». В ее всестороннем и гармоничном развитии члены партии видели сущность исторического прогресса⁸.

Такой антропоцентризм был характерен для идейного учителя народных социалистов — Н. К. Михайловского. «Во всех политических вопросах вы сделаете, — писал он, — фокусом своего размышления интересы не нации, не государства, не общины, не провинции, не федерации, но личности. Она составит тот центр, из которого рассеются для вас во все стороны лучи правды и осветят вам значение всякого общественного союза»⁹.

Право личности на жизнь и развитие народные социалисты мыслили в неразрывной связи с ее основной обязанностью, заключающейся в труде. Лишь в «процессе труда, во всестороннем упражнении своих сил и способностей», полагали они, личность может развиваться и совершенствоваться¹⁰.

Называя себя «народной» партией, энесы подчеркивали, что они считают необходимым служить «интересам не одного какого-либо класса, а интересам всего трудового народа»¹¹. Восприятие народа как абсолютной цели и ценности общественного мироустройства, в качестве субъекта и объекта общественного прогресса являлось ключевой формулой народнической парадигмы. «Все для народа, все через народ» — таков был девиз партии. Энесы стремились опираться на пролетариат, крестьянство и интеллигенцию, не делая ставку на какой-либо определенный класс. Интеллигенция, с их точки зрения, была «неоплатным должником народа». Народные социалисты строили свои расчеты на том, что интеллигенция должна отдать доставшиеся ей на долю, но в действительности принадлежащие всему человечеству, идейные силы борьбе за общечеловеческую правду, пробуждение классового, народного и человеческого самосознания в массах¹².

Современный, основанный на частной собственности и частном хозяйстве общественный порядок они считали несправедливым. При таком порядке неизбежно возникает борьба между господствующими и трудящимися классами, между рабочим на-

родом и его эксплуататорами. Собственную задачу народные социалисты видели во внесении в эту борьбу сознательности и планомерности. Главная цель такой борьбы заключалась, по мнению энесов, в расшатывании нынешнего несправедливого порядка и закладывании фундамента для будущего переустройства общества, основанного на трудовом начале¹³.

Наиболее справедливой формой общественного устройства народные социалисты считали социализм. При этом они относили себя к сторонникам эволюционного, а не катастрофического социализма. Согласно их точке зрения, социализм должен был вырастать в капитализм так же, как в свое время капитализм вырос в феодализм¹⁴. Наиболее близким себе течением в западноевропейском социализме энесы считали течение французского социализма, связанное с именами Ж. Жореса и Э. Вальяна¹⁵.

Отличие своего учения эволюционного социализма от «берштейнианства» народные социалисты видели, во-первых, в том, что сторонники последнего подменяли «единую социальную реформу — смену всего строя» цепью реформ, провозглашали, что конечная цель — ничто, движение — все. Во-вторых, говоря об эволюционном социализме, энесы не противопоставляли понятие «эволюция» понятию «революция»: в их понимании «эволюция» отнюдь не отвергает возможности революции, то есть в более общее понятие «эволюция» входит как частное «революция» — «именно как ускоренный, форсированный темп ее, как сконцентрированный, сгущенный период такой эволюции»¹⁶.

Переход к социализму энесы мыслили только в государственно-правовой форме. По их мнению, на пути к социализму государство будет, неизбежно, демократизироваться. Демократизация государственной власти должна будет опережать социализацию производств и всего общественного строя. Между буржуазным и социалистическим государством будет пройден ряд градаций: государство буржуазно-демократическое, демократическое, демократическо-социалистическое и т. д.¹⁷

Программа народных социалистов не предписывала будущую форму правления, ограничиваясь формулировкой «народовластие». Народовластие должно было быть организовано в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти. Энесы отвергали понятие диктатуры

народа, считая, что «диктатура народа — это такой же абсурд, как диктатура над самим собой»¹⁸.

Вся полнота законодательной власти, говорилось в программе, должна принадлежать народному представительному собранию, состоявшему из одной палаты, избираемой всеми гражданами, достигшими 20 лет, без различия пола, национальности и вероисповедания путем прямой, равной и тайной подачи голосов. Прерогативой представительного собрания являлись вопросы росписи государственных доходов и расходов, установления государственных налогов и сборов, а также государственных займов. Кроме того, оно осуществляло контроль за деятельностью исполнительной власти.

Партия народных социалистов выступала за демократизацию местного самоуправления, совершенствование судебной системы, отмену смертной казни и исключительных законов. Срок военной службы, по их мнению, не должен превышать двух лет, а военнослужащие должны быть уравнены в правах с гражданским населением. Им должна предоставляться возможность отбывать воинскую повинность на родине или в ближайших к ней местностях. Народные социалисты выступали за замену в перспективе постоянной армии милицией.

В области программных общедемократических требований партия народных социалистов видела свою задачу в обеспечении личных прав граждан, равенства их перед законом, свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и передвижения¹⁹.

Исходя из положения, что судьба народа должна быть устраиваема самим народом, народные социалисты ставили перед собой задачу созыва Учредительного собрания, избранного всеми гражданами, без различия пола, вероисповедания и национальности путем равного, прямого и тайного голосования, которое бы обладало всей полнотой власти для решения важнейших вопросов политической и социальной жизни страны²⁰.

В качестве приоритетного направления своей деятельности Народно-социалистическая партия ставила решение аграрного вопроса в той интерпретации, которая соответствовала бы интересам всего российского крестьянства. Энесы пытались учесть специфику существующего аграрного строя, принимая во внима-

ние изменения, связанные с внедрением в российской деревне капиталистических отношений.

А. В. Пешехонов, размышляя о том, каким путем можно решить аграрную проблему, пришел к выводу, что это может быть только путь перехода всей земли в собственность всего народа. Заведование землями должно быть передано народу в лице центрального и местного, организованного на демократических началах, представительства²¹.

Институт частной земельной собственности, положительно зарекомендовавший себя в странах Запада, по мнению А. В. Пешехонова, неприемлем для России, так как его распространение будет иметь последствием массовое обезземеливание крестьянства²².

Наиболее действенной мерой решения аграрного вопроса народные социалисты считали национализацию земли, т. е. обращение ее в общенародную (государственную) собственность. Земли сельскохозяйственного назначения предполагалось передать в пользование тем, кто будет их обрабатывать своим личным трудом. При этом земли казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские, частновладельческие, превышавшие трудовую норму, подлежали немедленной национализации²³. Надельные земли и частновладельческие, на которых ведется трудовое хозяйство, должны были перейти в народную собственность постепенно, по мере того, как владельцы будут передавать их государству²⁴.

Народные социалисты не являлись принципиальными противниками эсеровской социализации, предусматривавшей полную отмену частной собственности на землю, однако считали, что она является декларацией идеального аграрного строя, который не учитывает специфические особенности и сложности, существующие в российском аграрном секторе. В частности, эсерами не принималось во внимание наличие определенного числа собственников среди крестьян, а их, отмечали энесы, благодаря столыпинской реформе не так уж мало. У этой категории крестьян есть свои интересы и правосознание, и заявление об обращении всей земли в общенародное достояние может быть истолковано ими как попытка не дать, а отнять у них землю²⁵.

Энесы считали, что первоочередным правом наделения землей должны обладать местные жители, и прежде всего, те, которые

раньше занимались земледелием. Только после того, как останется свободная земля, ее могут получить переселенцы из других мест²⁶.

В отличие от эсеров, выступавших за обобществление земли без всякого выкупа, народные социалисты предусматривали вознаграждение за отчуждаемые частновладельческие земли. Они считали, что вопрос о выкупе не принципиален, он подчинен вопросу о национализации и зависит от обстоятельств проведения реформы. Ими заявлялось, что партия будет добиваться таких условий экспроприации земли, которые потребовали бы наименьших жертв со стороны трудового народа. Во-первых, все расходы, связанные с реформой, государство должно было взять на себя. Во-вторых, предусматривалось возмещение всех сбережений трудящихся классов, вложенных в земельную собственность. В-третьих, вознаграждения бывшим владельцам экспропрированных земель не должны были превышать тех сумм, которые необходимы для того, чтобы они могли приспособиться к новым условиям существования²⁷. Казалось бы, при таких условиях выплат интересы простого труженика не должны были пострадать. Вместе с тем, государство должно было выплатить огромные суммы. По справедливому замечанию российского историка А. А. Панюкова, государство могло возместить эти суммы, лишь введя отдельный налог, который лег бы на плечи всего населения страны, в основном на крестьянство²⁸.

В оценке общины народные социалисты во многом были преемниками взглядов Н. К. Михайловского, признававшего, что тип общинной собственности на землю стоит выше частного типа земельной собственности, ведущего к обезземеливанию и пролетаризации земледельцев²⁹. Энесы считали, что от общинного землевладения, как формы коллективной собственности, путь к национализации земли возможен, а от частной крестьянской собственности, если она повсеместно распространится, нет. Еще в 1905 году в своей работе «Основные задачи аграрной реформы» А. В. Пешехонов писал: «Экспроприировать владельцев обширных латифундий, может быть, будет и нетрудно, но с массой мелких собственников пролетариату нелегко будет сосчитаться»³⁰. Признавая слабые стороны общинной жизни, к числу которых относились консерватизм, низкое развитие производительных сил и т. п., энесы все же выступали против ее разрушения. Сто-

лыпинская аграрная реформа оценивалась ими как призыв к грабежу, к войне всех против всех в деревне, как начало революции, направленной на создание буржуазного, а не трудового хозяйства³¹. Поэтому народные социалисты призывали население бороться с правительственной реформой.

В энесовской концепции подчеркивалось преимущество кооперативного труда перед единоличным. В основу системы коллективного землепользования ими были положены такие формы, как артели и земледельческие союзы. При этом энесы стремились избежать давления на крестьянство, считая, что преимущества коллективного труда проявят себя в практической деятельности. Как писал А. В. Пешехонов, чтобы появился стимул к коллективному труду, землю следует выделять тем, кто согласится работать на ней совместно, а не делить ее «на клочки и обрабатывать порознь»³².

Решить аграрный вопрос, с точки зрения энесов, возможно лишь государственно-правовым путем. Решение вопроса снизу, путем анархических захватов крестьянами земли, не могло быть, по их мнению, справедливым, соответствовать социалистическим принципам³³.

Рабочая часть программы народных социалистов была тесно связана с аграрной. По их мнению, лишь осуществив национализацию земли, можно достаточно успешно вести борьбу за интересы рабочего класса. Земельная реформа, подчеркивал А. В. Пешехонов, обеспечит каждому рабочему возможность обзавестись собственным трудовым хозяйством. После этого можно будет предъявлять категорические требования к капитализму³⁴.

Требования народных социалистов по рабочему вопросу не были многочисленны. Энесы выступали за установление законодательным путем максимального 8-часового рабочего дня (не более 48 часов в неделю), минимальной заработной платы, свободу стачек и профессиональных организаций, обеспечение охраны труда. В программе народных социалистов содержалось требование прогрессивно расширяющегося участия рабочих в управлении промышленными заведениями. Право рабочих на участие в осуществлении экономической власти, писал А. В. Пешехонов, должно быть санкционировано революцией. Постепенно расширяясь и углубляясь, оно будет захватывать новые и новые отрас-

ли, новые и новые стороны промышленной жизни, пока вся полнота власти над последней не перейдет к трудовому народу³⁵.

В области народного образования народные социалисты выступали за отделение церкви от школы. Они считали, что образование должно быть бесплатным, общедоступным. Преподавание в школах, говорилось в программе, должно вестись на родном языке учащихся, а заведование средними и низшими школами передано в компетенцию местных органов власти. Народные социалисты выступали за автономию учебных заведений, свободу преподавания, частной и общественной инициативы в области школьного и внешкольного образования³⁶.

В сфере международных отношений партия народных социалистов была решительной противницей решения межгосударственных споров военным путем. Она призывала к разоружению и решению возникающих между государствами конфликтов путем помощи международных правовых учреждений³⁷.

Таково основное содержание программы Народно-социалистической партии. На основании вышеизложенного можно сделать выводы, что, создавая свою модель общественного переустройства России, народные социалисты пытались учитывать реалии времени, избегать догматичности и формальных подходов в решении насущных социально-экономических и политических вопросов. Они были сторонниками эволюционных преобразований, верили в силу закона и государственной власти, по праву считаясь самой умеренной из социалистических партий того периода.

Большинство вопросов, затрагиваемых народными социалистами, актуальны и сегодня. Обращение к опыту наших предшественников в нынешних условиях существования системы многопартийности поможет избежать многих политических ошибок.

Примечания

¹ Сигов А. О народно-социалистической партии // Трудовая народно-социалистическая партия : док. и материалы. М., 2003. С. 295.

² Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 77.

³ Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.

- ⁴ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 78.
- ⁵ *Мякотин В.* О народно-социалистической партии // Народно-социалистическое обозрение. СПб., 1906. Вып. 1. С. 10.
- ⁶ *Протасов Л., Протасова О.* Указ. соч. С. 77.
- ⁷ *Изгоев А. С.* Наши политические партии. Пг., 1917. С. 37.
- ⁸ Программа Трудовой (народно-социалистической) партии // Трудовая народно-социалистическая партия. С. 64.
- ⁹ См.: *Пешехонов А.* Программные вопросы. СПб., 1907. Вып. 1. С. 11.
- ¹⁰ Там же. С. 14.
- ¹¹ Программа Трудовой (народно-социалистической) партии. С. 65.
- ¹² *Иогансон Е. В.* Мякотин: историк и народный социалист // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 108.
- ¹³ Программа Трудовой (народно-социалистической) партии. С. 67.
- ¹⁴ *Сигов А.* Указ. соч. С. 302.
- ¹⁵ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты // Политическая история России... С. 82.
- ¹⁶ *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907—1917 гг. М., 1999. С. 66.
- ¹⁷ *Сигов А.* Указ. соч. С. 311.
- ¹⁸ *Пешехонов А.* Почему мы тогда ушли : (к вопросу о политических группировках в народничестве) // Русское богатство. 1917. № 11/12. С. 346.
- ¹⁹ Программа Трудовой (народно-социалистической) партии. С. 68—69.
- ²⁰ Там же. С. 71.
- ²¹ *Пешехонов А. В.* Основные задачи аграрной реформы. Ростов н/Д, 1905. С. 13.
- ²² Там же. С. 8—9.
- ²³ Программа Трудовой (народно-социалистической) партии. С. 69.
- ²⁴ *Пешехонов А. В.* Национализация земли или как трудовая (народно-социалистическая) партия считает необходимым решить земельный вопрос. СПб., 1907. С. 10.
- ²⁵ *Сигов А.* Указ. соч. С. 313.
- ²⁶ *Саликовский А.* Об аграрной программе народных социалистов. Киев, 1907. С. 7.
- ²⁷ *Сыпченко А. В.* Указ. соч. С. 85.
- ²⁸ *Панюков А. А.* Народно-социалистическая партия России и ее роль в борьбе за решение аграрного вопроса. 1905—1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999. С. 131.

- ²⁹ См.: *Пушкарёв С. Г.* Россия 1801—1917: власть и общество. М., 2001. С. 305.
- ³⁰ *Пешехонов А. В.* Основные задачи аграрной реформы. С. 10.
- ³¹ *Зверев В. В.* Народническая и анархистская модели // Модели общественного переустройства России. XX в. М., 2004. С. 452.
- ³² *Пешехонов А. В.* Национализация земли... С. 14.
- ³³ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты // Политическая история России... С. 87.
- ³⁴ *Пешехонов А.* Рабочая программа народно-социалистической партии // Трудовой народ. СПб., 1906. Вып. 1. С. 18.
- ³⁵ Там же. С. 20.
- ³⁶ Программа Трудовой (народно-социалистической) партии. С. 70—71.
- ³⁷ Там же. С. 71.

АННОТАЦИИ

Возилев В. В. Исторические истоки интеллигенции как исследовательская проблема

Ключевые понятия: интеллигенция, генезис интеллигенции, периодизация истории интеллигенции, древнейшая интеллигенция, интеллигенты-управляющие, духовная элита, общественное производство.

Представлен обширный историографический обзор, в котором освещены вопросы генезиса и формирования интеллигенции в мировой и отечественной истории. Убедительно доказывается, что интеллигенция эволюционирует вместе с социумом и стоящие перед ней задачи усложняются одновременно с развитием общественного производства.

Портер Т. Земство в позднеимперской России: социальные и политические изменения на селе

Ключевые понятия: земство, власть, местное самоуправление, местное управление, интеллигенция и земства, крестьянская реформа, земцы, дворянство и земство.

Рассматриваются проблемы социально-политических трансформаций в России второй половины XIX — начала XX в. Основное место уделяется организации и практической деятельности земств, особенно на низовом уровне. Показаны специфические особенности взаимодействия земцев с властью. Автор принимает во внимание отношение к «земскому делу» русских интеллигентов той эпохи.

Кныш Г. Н. Российский монархизм и студенчество Украины в период революции 1905—1907 гг.

Ключевые понятия: монархические партии, погромная тактика, политическая пресса, студенчество Украины, демократическая революция.

Анализируется студенческое движение на Украине в период первой российской революции, рассматриваются историографические и источниковедческие аспекты данной темы, разбирается борьба полити-

ческих партий за влияние в студенческой среде, изучается молодежная политика черносотенных и правомонархических организаций, выявляются особенности политического размежевания среди студенчества. Работа создана на широкой источниковой базе с привлечением архивных материалов.

Костякова Ю. Б. Особенности формирования управленческой интеллигенции Хакасии в контексте политики коренизации

Ключевые понятия: управленческий аппарат, национальные кадры, коренизация, формирование национальной интеллигенции.

Рассматривается процесс формирования национальных управленческих кадров в Хакасии в 1920—30-е гг., анализируются его формы и методы, разбираются противоречия и недостатки политики коренизации, выявляются причины ее незавершенности.

Величко С. А. Интеллигенция Сибири в годы перестройки (1985—1991)

Ключевые понятия: перестройка, реформы, общественное движение, интеллигенция Сибири.

Рассматриваются социально-политические трансформации в Сибири в период перестройки. Основное внимание уделяется деятельности отдельных групп интеллигенции и ее отношению к происходившим переменам. Показаны специфические особенности взаимодействия интеллигенции с властью. Учитываются точки зрения и оценки исследователей данной проблематики.

Аврус А. И. Светоч образования, науки и культуры на Юго-Востоке Европейской части России (К 100-летию Саратовского государственного университета)

Ключевые понятия: развитие профессорско-преподавательского состава, студенчество, учебная работа, научно-исследовательские разработки, научные школы, художественная самодеятельность студенчества.

Освещаются основные этапы становления и развития Саратовского государственного университета. Отмечается, что его создание отвечало запросам саратовцев. Подчеркивается роль саратовских ученых в развитии отечественной науки. Прослеживаются основные перипетии развития кадрового потенциала университета и судьбы наиболее выдающихся его выпускников. Уделено внимание не только научной и учебной работе, но и отдыху саратовских студентов.

Матвеев Г. А. Памяти Владимира Тихоновича Ермакова
(К 85-летию со дня рождения)

Ключевые понятия: историческая память, советская историография, история советской культуры, методология, историография советской культуры, культурная революция в СССР, национальная культура, советская интеллигенция.

Характеризуется вклад известного ученого-историка В. Т. Ермакова в научную разработку истории советской культуры, публикуются воспоминания автора статьи о В. Т. Ермакове как ученом и человеке.

Мельникова А. С. Идеино-теоретические основы партийной программы народных социалистов

Ключевые понятия: политические партии, партийное строительство, народные социалисты, партийная программа, эволюционный социализм.

Рассматриваются основные положения программы народных социалистов. Акцентируется внимание на тех отличительных особенностях, которые выделяли Народно-социалистическую партию на фоне остальных социалистических партий начала XX в.

Vozilov V. V. Historic sources of intelligentsia as a research problem

Key notions: intelligentsia, genesis of intelligentsia, division into periods of intelligentsia's history, the oldest intelligentsia, intelligentsia-managers, spiritual elite, public production.

The article opens with a broad historiography review which deals with the questions of genesis and intelligentsia formation in the world and patriotic history. The article proves convincingly that intelligentsia evolves with society. The given tasks become complicated simultaneously with public production development.

Porter T. Zemstvo in post-imperial Russia: social and political changes in the village

Key notions: zemstvo, authority, local government, self-government, intelligentsia and zemstvo, peasant reform, zemstvo members, nobility and zemstvo.

The author analyses the problems of socio-political transformations in Russia in the end of the 19th — the beginning of the 20th century. The main subject of the article is the organization and practical activity of zemstvo, especially at the lower level. Specific peculiarities of relationship between zemstvo members and the authority are shown in the article. The author mentions the attitude of Russian intelligentsia of that time to the “zemstvo affairs”.

Knish G. N. Russian monarchism and students of Ukraine during the revolutions of 1905—1907

Key notions: monarchic parties, pogrom tactics, political press, students of Ukraine, democratic revolution.

The article analyses the students' movement in Ukraine during the first Russian revolution. It shows historiography and source study aspects of the given subject. The article also studies the youth politics of members of the Black Hundred and right-monarchic organizations. It states the peculiari-

ties of political demarcation among the students. The research is based on broad source base and archive materials.

Kostyakova Y. B. Peculiarities of formation of governmental intelligentsia of Khakasia in the context of indigenization policy

Key notions: government apparatus, national personnel, indigenization, national intelligentsia formation.

The article shows the process of formation of national government personnel in Khakasia in the 1920-s and 1930-s. The forms and methods of this process are analyzed. The article also deals with contradictions and drawbacks of indigenization in Khakasia. The reasons of incompleteness of the process are shown in the article.

Velichko S. A. Intelligentsia of Siberia in the years of re-organization (1985—1991)

Key notions: re-organization, reforms, public movement, intelligentsia of Siberia.

The author shows the socio-political transformations in Siberia in the years of re-organization. The main subject of the article is the activity of separate groups of intelligentsia and their attitude to the given changes. The specific peculiarities of interaction of intelligentsia with authority are shown. The author mentions the existing points of view and estimations on this problem.

Avrus A. I. The light of education, science and culture in the south-east European part of Russia (To the 100th anniversary of Saratov state university)

Key notions: development of the teachers' staff, students, educational work, scientific research, scientific institutes, amateur art activities of the students.

The work demonstrates the main stages of coming into being and development of Saratov state university. The author underlines the fact that the creation of the university was made according to the requests of Saratov citizens. The article shows the main upheaval of the development of personnel potential of the university. The role of Saratov scientists in the development of national science is underlined. The further activities of the outstanding graduates of the university are examined. Attention is given not only to the scientific and educational work but also to the relaxation of Saratov students.

Matveev G. A. In memory of Vladimir Tihonovich Ermakov
(To the 85th anniversary)

Key notions: historic memory, Soviet historiography, history of the Soviet culture, methodology, historiography of the Soviet culture, cultural revolution in the USSR, national culture, Soviet intelligentsia.

The contribution of the well-known historian-scientist V. T. Ermakov to the scientific elaboration of history of the Soviet culture is analyzed. The author's memoirs about V. T. Ermakov as a scientist and a person are published.

Melnikova A. S. Ideological-theoretical basics of the Party's program of the national socialists

Key notions: political parties, party building, national socialists, the Party's program, evolutionary socialism.

The article shows the basic statements of the program of national socialists. The author indicates the distinctive peculiarities that single out the National-socialist party among other social parties in the beginning of the 20th century.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2008—2009 гг.

<i>Автор, название статьи</i>	<i>Год</i>	<i>№</i>
Главный и ответственный редактор	2009	1
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ		
Без интеллигенции невозможно возрастание духа (Интервью <i>В. П. Ракова</i> с <i>О. И. Федотовым</i>)	2008	1
<i>Будник Г. А.</i> Понятие «интеллигенция»: новые под- ходы и дискуссии	2009	3
«В науке был и остается только один счет — гам- бургский» (Интервью <i>В. П. Ракова</i> с <i>В. И. Чередниченко</i>)	2009	3
<i>Возилов В. В.</i> Исторические истоки интеллигенции как исследовательская проблема	2009	4
<i>Золотарев О. В.</i> Российские образовательные рефор- мы последних лет или от какого наследства мы от- казываемся	2009	1
<i>Мансуров В. А., Барбакова К. Г.</i> Интеллигенция в структуре власти — миф или реальность?	2008	1
<i>Меметов В. С.</i> О некоторых методологических под- ходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии	2008	2
<i>Осьмачко С. Г.</i> Интеллигенция и патриотизм	2008	3
<i>Сибиряков И. В.</i> Интернет-интеллигенция: миф или реальность?	2009	2
<i>Смирнов Д. Г.</i> Интеллигенция: семиологическая функция (к постановке проблемы)	2008	3
<i>Соколова Ф. Х.</i> Интеллигенция во власти: россий- ские реалии	2009	2
К 70-ЛЕТИЮ В. С. МЕМЕТОВА		
<i>Веселов В. Р.</i> Верность теме	2009	2
<i>Волков В. С.</i> Школа историка В. С. Меметова: взгляд из Петербурга	2009	2

<i>Автор, название статьи</i>	<i>Год</i>	<i>№</i>
<i>Кондрашева М. И.</i> К вопросу о традициях российской интеллигенции: теоретические аспекты исследования проблемы и их перспективы	2009	2
Письма друзей	2009	2
Умное делание всегда приносит плоды (Интервью <i>В. П. Ракова с В. С. Меметовым</i>)	2009	2
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ		
<i>Григоркина И. И., Добрякова Н. А., Сопенок О. В.</i> Интеллигенция и власть в эпоху коренных перемен (на примере послереволюционной истории Александринского театра)	2008	1
<i>Гусев А. В.</i> Подготовка инженерно-технических кадров в системе промысловой кооперации губерний Верхнего Поволжья в 20—30-е годы XX века	2009	2
<i>Гусев А. В.</i> Формы производственной деятельности инженерно-технических кадров в системе промысловой кооперации губерний Верхнего Поволжья в 20—30-е годы XX века	2009	3
<i>Золотарев О. В.</i> Советское учительство в 1920-х годах	2009	3
<i>Зябликов А. В.</i> «Союз 17 октября» и «Новое время»	2009	2
<i>Квакин А. В.</i> Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917—1927 гг.)	2008	3—4
<i>Кныш Г. Н.</i> Российский монархизм и студенчество Украины в период революции 1905—1907 гг.	2009	4
<i>Кривопалова Н. Ю.</i> Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии	2008	2
<i>Кобелева Е. А.</i> Интеллигенция Пермской губернии и органы ЧК: взаимоотношения и противоречия (1918—1922 гг.)	2008	4
<i>Кохановский А. Г., Яновский О. А.</i> Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов: история, традиции и задачи историографии	2008	2

Автор, название статьи	Год	№
<i>Миронова Н. А.</i> Образ «старой» творческой интеллигенции в советской прессе первого послеоктябрьского десятилетия (1917—1927 гг.)	2008	1
<i>Михайлюк А. В.</i> Интеллигенция и крестьянство Украины (февраль — октябрь 1917 г.)	2008	1
<i>Никонов О. А.</i> Из истории русско-иранских гуманитарных связей	2008	1
<i>Портер Т.</i> Земская интеллигенция в годы Первой мировой войны (Перевод <i>А. Ковалёва</i>)	2009	1
<i>Портер Т.</i> Земство в поздней имперской России: социальные и политические изменения на селе (Перевод <i>И. С. Шудровой</i>)	2009	4
<i>Раскатова Е. М.</i> Власть и художественная интеллигенция позднего социализма: методологические ракурсы современного исследования проблемы	2009	2
<i>Репников А. В.</i> Русский консерватизм и современное мифотворчество: историографический аспект проблемы	2008	3
<i>Соловьёв А. А.</i> Интеллектуальное пространство высшей духовной школы в России на рубеже XIX—XX веков	2009	1
<i>Шувалова Ю. Б.</i> Формирование идеологической функции в деятельности образовательных учреждений Среднего Урала в 1920—1921 гг.: к вопросу о взаимоотношении РКП (б) и учительства	2008	4
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ		
<i>Баженов А. М., Мартынова Т. М.</i> Ценностные ориентации как фактор духовного развития молодого поколения российской интеллигенции	2009	1
<i>Будник Г. А.</i> Студенчество как резерв интеллигенции	2009	1
<i>Пряхин В. М.</i> Достойная смена или «фабрика мысли»?	2009	1
<i>Смирнов Г. С.</i> Молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии	2008	3—4

<i>Автор, название статьи</i>	<i>Год</i>	<i>№</i>
<i>Шмельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.</i> «Беседы о реальности» в восьми актах: интеллигенция Саратова в «Intellect Game Session»	2009	3
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ		
<i>Соловьёв А. А.</i> Интеллигенция и Церковь: методология исследования	2009	3
<i>Усманов С. М.</i> Интеллигенция, православная традиция и проблемы общероссийской интеграции в начале XXI века	2008	4
РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ		
<i>Аврус А. И.</i> Светоч образования, науки и культуры на Юго-Востоке Европейской части России (К 100-летию Саратовского государственного университета)	2009	4
<i>Величко С. А.</i> Интеллигенция Сибири в годы перестройки (1985—1991)	2009	4
<i>Костякова Ю. Б.</i> Особенности формирования управленческой интеллигенции Хакасии в контексте политики коренизации	2009	4
ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ		
<i>Ахунзянова Ф. Т.</i> Роман Д. С. Мережковского «Данте» в культурологическом контексте русской эмиграции	2009	2
<i>Базелика Дж.</i> Александр Амфитеатров в Италии (Перевод <i>Н. В. Ревякиной</i>)	2008	3
<i>Буданова И. А.</i> Маргарет Тэтчер. Профессионал... Политик... Женщина	2008	4
<i>Дмитревская И. В.</i> О ноосферности пьес А. П. Чехова	2008	2
<i>Ершова Э. Б.</i> Роль литературы конца 60-х — начала 70-х гг. XX в. в формировании оппозиционности в настроениях советской интеллигенции	2008	3
<i>Комиссаров В. В.</i> От «желающих странного» до «выродков»: трансформация образа интеллигенции в творчестве А. Н. и Б. Н. Стругацких	2008	3

<i>Автор, название статьи</i>	<i>Год</i>	<i>№</i>
<i>Комиссаров В. В.</i> Футуристические проекты И. А. Ефремова и братьев Стругацких в реалиях начала XXI столетия	2009	3
<i>Матвеев Г. А.</i> Памяти Владимира Тихоновича Ермакова (К 85-летию со дня рождения)	2009	4
<i>Океанский В. П., Океанская Ж. Л.</i> Интеллигенция бездонности: софийный маринизм В. А. Жуковского	2008	2
<i>Репников А. В.</i> От сумы и от тюрьмы... (послевоенная судьба В. В. Шульгина на основе архивных материалов, документов и воспоминаний)	2009	2
<i>Соколова Е. С.</i> «Не честь, а почести любя...»: размышления о социокультурном контексте сословного идеала А. С. Пушкина	2008	2
<i>Соколова Ф. Х.</i> Судьбы «старых» специалистов в 1930-х годах (на материалах Европейского Севера России)	2008	1
<i>Усманов С. М.</i> Интеллигенция и будущее России в диалогах С. Н. Булгакова «На пиру богов»	2009	3

ДИСКУССИЯ

<i>Возилев В. В.</i> Методологические принципы историко-интеллигентоведческих исследований	2008	4
--	------	---

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

<i>Беньямин В.</i> Автор как производитель (Перевод <i>Д. А. Смирнова</i>)	2008	2
---	------	---

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь духа неукротима и неумолчна... (Интервью <i>В. П. Ракова</i> с <i>А. А. Хёхерлем</i>)	2008	3
<i>Усманов С. М., Данилов А. А.</i> Конференция о русскости и российскости	2008	3

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Ершова Э. Б.</i> Давно ожидаемая монография	2009	1
<i>Ершова Э. Б.</i> Современная белорусская интеллигенция исторической науки	2009	1

Автор, название статьи	Год	№
<i>Раков В. П.</i> Заметки дилетанта (О книге доцента Д. Смирнова)	2009	2

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Кныш Г. Н.</i> Дореволюционные российские университеты в историографическом процессе	2008	2
<i>Меметов В. С., Садина С. С.</i> Интеллигенты-герценовцы — мост через столетие	2008	3
Отзывы и рецензии на диссертации	2009	1

ДЕБЮТ

<i>Гейль В. В.</i> Эвакуированная творческая интеллигенция на Южном Урале. 1941—1945 гг.	2008	4
<i>Жульков М. В.</i> Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие	2009	3
<i>Кривенцова С. Ю.</i> Общественно-политическая деятельность немецких писателей-антифашистов во Франции в 1933—1939 гг.	2008	1
<i>Левицкая И. А.</i> Интеллигенция современной России: трансформация социальной роли и функций	2009	3
<i>Матусевич Р. Н.</i> Концептуализация понятия интеллигенции Сергеем Булгаковым: идеология и формирование «я»	2008	1
<i>Мурванидзе Б. Ю.</i> Грузинские интеллектуалы эпохи Эдуарда Шеварднадзе	2009	2
<i>Мельникова А. С.</i> Идеино-теоретические основы партийной программы народных социалистов	2009	4

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

<i>Красина Г. П., Маркова Т. Н.</i> Формирование существенных черт интеллигенции в процессе преподавания культурологии (из опыта использования музейных экспозиций)	2009	2
<i>Марфин Ю. С., Садина С. С.</i> Образ и менталитет современного молодого ученого	2009	3
<i>Шипилова Р. А.</i> Из опыта организации спецкурса «Интеллигенция и власть»	2008	2

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые понятия; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, полное название кафедры (для внешних авторов — учреждения). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

**ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ**

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Заявки на приобретение

Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39
Ивановский государственный университет,
кафедра истории и культуры России.

E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб.
Книги будут Вам высланы наложенным платежом
с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2009 № 4

Подписано в печать 08.12.2009 г.

Формат $60 \times 84^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru